

Б
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

В Н О М Е Р Е

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В. Павлов	
ЗА КОВАННОЙ ДВЕРЬЮ. Крзеведческий поиск	
И. Рубан	
ПО СЛЕДАМ «КОЛОМБОВ РОССИИХ»	14
Ю. Яровой	
ЗОЛОТАЯ РЫБКА, или повесть о нечаянных странствиях	18
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	29
Муса Гали	
СТИХИ	30
Ж. Верн	
ШКОЛА РОБИНЗОНОВ. Роман.	32
Е. Брандис	
ПОТОМКИ РОБИНЗОНА КРУЗО	51
Б. Рябинин	
ЗЛОПОЛУЧНЫЙ УЗЕЛ. Операция «Ч»	55
Е. Михайлюк	
СКАЗКА НА СЕМИДЕСЯТИ ГЕКТАРАХ	60
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	62
Л. Федоров	
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	63
А. Буталов	
МОЯ ФОТООХОТА	66
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	74
Д. Швецов	
БИБЛИОТЕКА ПРОСВЕТИТЕЛЯ	77
В. Скоблин	
КАК БЫСТРО НАУЧИТЬСЯ ПЛАВАТЬ	78
Л. Коврижных	
УРАЛЬСКАЯ ГОРКА	80

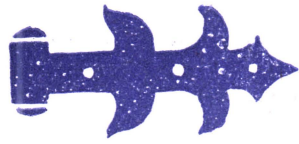
Обложка В. Воловича и С. Киприна

На второй странице обложки
гравюра Б. Николаева «В Тобольском кремле».

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

6
1970

Виталий ПАВЛОВ

За кованой дверью

Нет, ты не будешь забвенно,
столетие безумно и мудро...

А. Н. Радищев

БДЕНИЯ В НОЩИ, ИЛИ ВЕЛИКОЕ СИДЕНИЕ НА БЫВШЕМ ЕПИСКОПСКОМ ПОДВОРЬЕ

Долгие годы Тобольск был для меня мечтой притягательной, но далекой, как звезда...

И вот, наконец, я вышел из самолета на маленьком тобольском аэродроме.

Спустя время речной катерок, упрямо расшвыривая мутные воды Иртыша, прорвался к другому берегу, приткнулся голубым боком к дебаркадеру и выплеснул нас, пассажиров, на городскую пристань.

Туфли вязли в пыльном песке, усеянном ключьями грязной бумаги и мелким щепьем. На углу бревенчатого строения, похожего на сарай, белело объявление о продаже свежей рыбы... Шагая вслед за приезжими по избитым булыжникам перекошенной горбатой улицы, я дошел до автобусной остановки. Сбоку сквера высилась полуразвалившаяся громада некогда красивого храма. В его израненных боках — молодая поросль, среди которой весело трепыхала веточками березка. Хотя я все это видел на самом деле и в реальности происходившего трудно было сомневаться, все же испытывал ощущение нереального, незаправдашнего.

Несмотря на автобусную толкотню, тряску и надсадный рев мотора, преодолевавшего сопротивление крутого и долгого подъема, гостиничные перипетии («Есть места?» «Нет местов!»),

это ощущение не покидало меня. Более того, оно, кажется, усиливалось.

Бросив в номере чеходанчик, через две-три минуты я очутился на площади седого тобольского кремля.

Площадь была пустынной. По диагонали ее пересекала хорошо утоптанная дорожка, ведущая к Покровскому собору. Прямо передо мной поднялся белокаменный квадратный монолит Софийско-Успенского собора, увенчанного тускло поблескивающими пятью главами. А между этими соборами взметнулась легкой стрелой и воткнулась чуть видимым крестом в темнеющее вечернее небо соборная колокольня. Это с нее далеко окрест раздавались стоны «первого сибирского ссыльного» — угличского корноухого «мятежника», избитого плетьюми и сосланного по указу Бориса Годунова. Говорят, ссылка корноухого колокола длилась три столетия, пока угличане не догадались возратить беднягу на родину.

В сгустившихся сумерках, белея сквозь завесу деревьев, хмуρο поглядывал узкими зарешеченными окнами-глазницами трехэтажный строгий архиерейский дом.

Так вот где проводил «житие» свое «усердный богомолец и слуга господ» преосвященный

Варлаам, епископ Тобольский и Сибирский, а по совместительству покорный слуга и верный помощник губернатора Дениса Чичерина, душителя пугачевцев! Из этого дома рассылались архипастырские указы в духовные правления Урала и Сибири: «искоренить и хватать и, куда надлежит, отослать... воров и разбойников», причастных к пугачевскому восстанию.

И здесь же, в этом самом доме, спустя почти полтора десятилетия, потомок Варлаама по духу и должности епископ Гермоген, как паук, плел свои контрреволюционные сети против Советской власти...

Почернелые ночью тополя, кусты акации и сирени вдоль длинного здания бывшей консистории тронул ветер. Густые непроглядные тени, как тени минувших веков, задвигались на этой древней земле.

И сквозь шум листвы почудилось, будто откуда-то издали прозвучал голос строителя кремля, географа, этнографа, историка, основоположника инженерной графики Урала и Сибири, астронома, художника и писателя Семена Ремезова: «В житии ничто же стоятельно и ничто же утверждено, но все прилегательно, от утра до вечера день пременяет, горняя бо не суть долу, но дольная горе... правда пребывает во веки... ко единому солнцу тщитися».

Прав ты, предок мой великий, не оцененный по достоинству ни современниками, ни ближайшими потомками. Нет в нашем мире ничего постоянного. Даже мысль и та изживает себя. Но к солнцу правды стремиться необходимо. И просто к солнцу. Так и поступим в прямом и переносном смысле. Утро вечера мудренее. А завтра, возможно, развеется это наваждение...

Ранним утром отправился я в музей, расположенный в бывшем архиерейском доме. Он

уже не выглядел таким хмурым. Веселое солнце ослепительно выбелило его фасад и колокольню, и Софийский собор, и островерхие колпаки башен гостиного двора, и толстые стены кремля. Музей был еще закрыт, и я решил пройти в «нижний город».

Вскоре дорога привела меня к подножию холма, на котором стоит кремль — нетленная красота Тобольска. Взгляд метнулся по заросшей травой крутой боковине высоченного яра и уперся в сверкающий белизной трехэтажный дом на его вершине. Память услужливо подсказала: дворец наместничества.

Отсюда на бескрайних просторах от холодных Гипербореев до Небесных гор верховные владыки Сибири невозбранно распоряжались жизнью и смертью податных «людишек». Сюда, к этим глинистым берегам, к Панину бугру, где в кровавой сече один против тьмы врагов пал любимый есаул Ермака Никита Пан, к Алафейской горе, на которой прилепился сказочный, как у царя Салтана, городок, к Угольному мысу, где высится дворец наместника всея Сибири, на перекресток путей к востоку от Рифейских гор издавна стекались иноплеменные гости. По Иртыш-реке и Тоболу с пестрым товаром бежали струги. Из ямальских тундр, обских лесов и Кондиди на оленях и собаках везли драгоценную мягкую рухлядь. Сухопутем, а кое-где и по воде шли из-за Каменного пояса заморские и российские купцы... Медлительными неповоротливыми караванами входили на меновой двор загадочные азиаты из стран полуденных — киргизских степей, Бухаретии, Китая, Индии...

В дом на высоком яру посланцы неведомых краев шли с диковинными дарами. Ступая по мягким дорогам коврам в большой «тронной зале», они чинной вереницей приближались к зо-

Тобольский кремль на Алафейской горе. 1967 г.

Фото Ю. Бакулина

потому царскому трону и, церемонно кланяясь, протягивали подарки свои тобольскому правителю...

На тобольские шумные базары, заваленные всякой всячиной, стекался весь город. Город холеных сановников и голытьбы, купцов и оружейников, монахов и казаков, чиновного, служилого люда и кузнецов, мыловаров и кожевников. Каждый покупал и расплачивался сообразно карману: кто золотые червонцы выбрасывал за редкостные заморские ткани и пряности, а кто, взяв щепотку соли, расставался с последними восьмигранными сибирскими полушками, копейками, «денгами»...

На Угольном мысу жил вначале и наместник Александр Васильевич Алябьев. Правда, при нем царских приемов уже не было, но иногда теплыми вечерами, после барабанного отбоя, возле дворца играли скрипки, кларнеты. Музыка и песня широко и вольно плыли в синем воздухе над иглами мечетей и куполами церквей, над лачугами и особняками. И замерев от восторга, неизъяснимого счастья слышать музыку, плакал ребенок — черноволосый большеглазый мальчик, сын правителя, Саша. Много позже люди назовут его «российским соловьем».

Вот что вспомнилось мне, пока я бродил возле Прямского взвоза, поднимался по длинной его лестнице к музею.

В тот же день я сидел, обложенный стопами книг и журналов, подшивками газет. Хорошие люди поместили меня в комнату для музейных научных работников и позволили, принимая во внимание одержимость гостя, заниматься здесь не только днем и вечером, но даже ночью. Я с благодарностью воспользовался этим правом сполна. Долгими ночами в комнате горела висячая лампа на длинном шнуре, и довольнехонькая сторожиха тетя Феня (жутковато одной в огромном безлюдье дома, до краев наполненного приметами умерших времен и тенями почивших предков!) кормила меня горячей и вкусной похлебкой, поила жгучим плодово-ягодным чаем. Спасибо ей, иначе бы однажды научные работники нашли на одном из фолиантов погибшего от истощения еще сравнительно молодого человека...

Уже несколько лет меня интересовало все, что относилось к истокам тобольской печати — удивительной странице истории урало-сибирской культуры.

Давно известно, что при рождении в Тобольске книгопечатания и журналистики роль доброго волшебника играл купец первой гильдии Василий Яковлевич Корнильев. Был он, кроме того, бумажным фабрикантом и одновременно владельцем типографии.

Каждому ясно, что без этих двух предприятий печать вообще невозможна. Но откуда у купца бумажная фабрика? И разве не странно, почему коммерсант взялся за организацию типографии — непрочного и для той поры далеко не прибыльного, не коммерческого дела? Что за человек был Василий Корнильев? Какой смысл он находил в заведениях своих?

За время круглосуточных бдений на бывшем епископском подворье мне и надо было прежде всего сыскать ответы на все эти и многие другие вопросы. А они таились в груде старых книг и газет. Рылся в них, как крот в земле, однако все, казалось, напрасно. Хотел уж было махнуть рукой на столь бесплодное занятие и вдруг... (Ох,

это «вдруг». Какое иногда хорошее слово!) В толстенной подшивке «Тобольских губернских ведомостей», в последних декабрьских номерах за 1889 год неожиданно наткнулся на большую статью С. Мамеева «Тобольские фабриканты Корнильевы». Победный клич индейского племени команчей был явно слабее сравнительно с тем воплем радости, что раздался среди ночной тишины, в комнате, где, возможно, некогда бывал и С. Н. Мамеев, библиотекарь губернского музея, отлично знавший свой край и его архивы.

Чтобы понять причину столь буйного восторга, надо заметить, что А. И. Дмитриев-Мамонов, выпустивший в Петербурге в 1900 году уже третьим изданием свое крупное исследование «Начало печати в Сибири», ничего не говорит о появлении во владении Корнильева бумажной фабрики. С тех пор все, кто бы ни писал о корнилевской типографии до революции или в наше время, в сущности во многом повторяют сказанное Дмитриевым-Мамоновым. И о Корнильеве, как о фабриканте, тоже молчат. Точно сговорились.

С. Мамеев же неторопливо, в духе своего неторопкого времени рассказывал:

«В 1744 году тобольские купцы Евсей, Антон и Иван Варфоломеевичи Медведевы обратились с прошением в Государственную Мануфактур-коллегию о разрешении им устроить в городе Тобольске первую бумажную фабрику». «Медведевы, — не спеша продолжал Мамеев, — выражали желание делать на ней «разных рук» бумагу... Вместе с тем просили разрешения купить к бумажной фабрике до 100 душ людей и необходимое количество земли и лесу, а также дать «на первый случай для размножения и обучения учеников, с казенной или с партикулярной фабрики действительных мастеров» и уволить от платежа пошлин на 10 лет».

У Медведевых, видать, губа была не дура. Мануфактур-коллегия разрешила построить фабрику, отвести под нее «земли, сколько под строение оной принадлежит», взять двух учеников из Санкт-Петербургской казенной бумажной фабрики, купить до сотни крестьян и наказывала, чтоб на новой «фабрике бумагу разных номеров делать добрым мастерством, имея в том к лучшему производству прилежное тщание...» Коллегия, стало быть, за качество боролась. Кроме того, предупреждала: беглых и беспаспортных на работу не принимать.

Затяя увенчалась полным успехом. В 1751 году в пятнадцати верстах от Тобольска, на речке Суклем, притоке Тобола, возникла фабрика. Но то ли сырье стоило слишком дорого, то ли хозяева были никудышные, только «дело» оказалось нерентабельным: за первую половину 1778 года израсходовали на производство 1200 рублей, а бумаги сделали всего-навсего на 712 рублей 96 копеек. Обслуживали фабрику 45 человек: четверо крепостных, восемь приписных и тридцать три наемных.

«Дело» явно вышло убыточным. Тут-то и появился на сцене тобольский купец Василий Яковлевич Корнильев. Его не напугало бездоходное хозяйство. С. Мамеев свидетельствует: 31 декабря 1788 года он выложил незадачливым наследникам Евсевия за их половину фабрики 6750 рублей.

Странно, что Мамеев не сказал, какой это был страшный год для тоболяков. 27 апреля в

городе начался пожар. Огонь бушевал на Алафейской горе и под нею, зверем метался от одного строения к другому. Спустя три года тобольский летописец подведет итог трагических потерь: выгорело девять церквей, монастырь, присутственные места, архиерейский дом и наместнический дворец, гостиный двор, торговые ряды, множество казенных и «партикулярных магазинов», трактиров, 1110 обывательских домов... При этом в огне погиб сорок один человек¹. Тысячи людей остались без крова, без средств к существованию.

Лишь ниже Мамеев вскользь заметил, что пожар лишил Корнильевых «большой части... имущества их, находившегося в Тобольске...»

Но, знать, крепок был «градской голова» Василий Корнильев, да и огонь, видимо, пощадил его жилище. После ужасных апрельских дней свой каменный двухэтажный дом на Богоявленской улице, незатейливый по архитектуре, но

светлый и вместительный, он уступил правителю наместничества А. В. Алябьеву со всей его челядью, а сам перебрался в другой — напротив Прямского взвоза, тоже немаленький, сложенный из кондовых бревен сибирской лиственницы. Не знал, не ведал купец, что в его каменном доме с портиком проведет свои первые детские годы «тобольский Россини» — знаменитый русский композитор Александр Алябьев, будет учиться, а потом и преподавать замечательный автор «Конька-горбунка» Петр Ершов, а немного позже закончит здесь же гимназию гениальный правнук Василия Яковлевича — Дмитрий Менделеев.

Все это в грядущем. Пока же будущий прадед ученого уверенно шел к цели, известной лишь ему да, пожалуй, его сыну, Дмитрию Васильевичу, тоже купцу, человеку слабому здоровьем, но весьма прилежному в науках, особенно в языках и географии.

БУМАЖНОЙ ФАБРИКИ ФАБРИКАНТ

Василий Яковлевич очень радовался своей бумаге. Своей — не покупной. Пусть она не очень высокого качества, грубовата, зато прочна, точно серебряная парча, и долговечна.

Мастеру по бумажному делу Корнильев велел заменить в ней прежнюю филигрань. И уже вскоре после того в больших и смуглых ладонях держал он первый лист, еще пахнувший клейковиной. Задрал непышную бороду, глянул на него против света азиатскими, чуть раскосыми глазами и увидел новый водяной знак: по середине просвечивали буквы ФТВК.

Доволен остался, улыбнулся, потирая каштановый ус:

— «Фабрика тобольская Василия Корнильева». Добро, добро... — Ласкательно, словно котенка, погладил шершавый лист и крикнул:

— Ефимка!

В горнице тотчас появился лохматый мальчонка, и, приоткрыв большой рот, не мигая, уставился на хозяина.

— Сбегай-ка за господином Сумароковым Панкратом Платонычем. Сказывай: хозяин, мол, очень просит прибыть, понеже дело есть. Быстро! Одна нога тут, другая там!

Ефимка шмыгнул за дверь.

Оставшись один, Василий Яковлевич нет-нет да и снова ощупывал довольным взглядом водяной знак.

В просторной горнице, в красном углу, поблескивая при свете неугасимой лампы, стояла большой меры икона-складень. На средней доске изображена богоматерь, на правой створке — Николай

Чудотворец во весь рост, а на левой, тоже в рост, — преподобная Мария Египетская. Густо золоченые ризы на их изображениях мерцали, искрились.

Это был список с Абалакской иконы божьей матери, издавна почитавшейся чудотворной. Письмо хорошее, старинное, на манер греческого. Родовая святыня Корнильевых.

Василий Яковлевич подошел к иконе, тронул лампадку и долго стоял, глядя на застывший скорбно-грустный лик богоматери, шепча молитву и крестясь.

Он не слышал, как скрипнула дверь и раздался тонкий ефимкин голосок:

— Панкрат Платоныч прибыл...

Корнильев очнулся, прервал молитву.

— Проси, проси, — сказал он и пошел на встречу гостю, который уже входил в горницу.

— Не взыщите, что потревожил вас, Панкрат Платоныч, — говорил Корнильев, усаживая Сумарокова у стола. — Да уж очень надобно повидаться, и дело мое не герпит.

— Полноте, Василий Яковлевич, — глуховато сказал гость, растирая застывшие на морозе полные щеки, — какие меж нами церемонии быть могут?

Подняв полы офицерского сюртука, на котором виднелись следы споротых эполет, он скромно сел на стул.

— Если истинна догадка моя, изволили получить вести добрые?

— Правда ваша, Панкрат Платоныч. Не считите за труд, сударь мой, взглянуть на лист сей. — Поглаживая длинными пальцами бороду, Корнильев глазами показал на бумагу.

Сумароков взял лист в свои по-женски маленькие руки и понимающе улыбнулся:

— Как я полагаю, водяной знак сработали?

— Сработали, государь мой. И весь сказ теперь за вами токмо. Любопытно мне, продвинулось ли писание ваше?

Обычно флегматичный, молодой человек жи-

¹ Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах; и кто они имянно, и в каких городах были; и кто какой город строил, и когда. Тобольск, тип. у Василия Корнильева, 1792, стр. 26.

во вернулся на стуле к Василию Яковлевичу и тонко, в меру почтительно, но шутиливо отпартовал:

— Суседские гуси, ваше степенство, без хвостов щеголяют, ибо перьев, переписки ради английской повести последних страниц, вашему покорному слуге недостало, а оные потребны весьма, чтобы достойно завершить труд сей.

Корнильев рассмеялся:

— Все шутить изволите, Панкрат Платоныч.

— В состоянии моем, — серьезно сказал Сумароков, — без шутки никак невозможно. А что касается до повести, Василий Яковлевич, то непременно завтра поутру сам оную доставлю.

— Славно, славно, — потирая цепкие руки, сказал Корнильев. — А в добром ли здравии пребывает сестрица ваша Наталья Платоновна?

— Благодарение богу, Натали здорова. Да не сладко, видно, из одной чаши с отверженным пить.

Панкратий Платонович замолчал. Потом вы-

разительные глаза его вдруг оживились.

— Не считите, Василий Яковлевич, за лесть неуместную слово мое. Заметить хочу: дело, которое затеваете вы, всеблагое и мудрое. Сын ваш, Дмитрий Васильевич, как-то говаривал мне: в бумагах он читал в Рентере, будто еще митрополит Филофей в начале столетия нашего челобитную государю Петру Великому писал. В оной просил он завести друкарню в Тобольске, в Софийском доме, чтобы печатать буквари, часословы малые и псалтыри для детского чтения. Но государь ответил владыке: «А друкарне в Тобольску не быть». Теперь же приспел час сказать противное: «А друкарне в Тобольске быть». — Заметно волнуясь, Сумароков легко стукнул маленькой ладонью по столу. — Ни время, употребленное на дело сие, ни деньги, употребленные на оное, не могут быть потерянными. Обширный край сей, в темноте и невежестве пребывающий, смею думать, навечно впишет имя ваше в анналы свои как сибирского Новикова. Вы идете путем не протоптанным и убитым, но пролагающим первую стезю на ниве просвещения. Хоть в пословице говорится, что первую песенку не иначе можно как зардевши спеть, да токмо вы-то не из робкого десятка.

Удивительно было слушать все это Василию Яковлевичу. Он понимал светлый смысл своего начинания и ради него трудился, но даже не помышлял о том, сколь высоко могут оценить его дело. Удивительно было и то, что такие речи он слышит от Сумарокова, о котором у него сложилось вначале мнение как об угрюмом, затем легком, шутейном человеке, хотя и трудной судьбины.

— Ежели труды мои малые пусть в малой толике способны споспешествовать делу вашему, — продолжал Панкратий Платонович, — все старания приложить хотел бы ради оного.

Растроганный, Корнильев с чувством пожал маленькую, чуть пухловатую, но оказавшуюся сильной руку Сумарокова.

Простились они уже поздним вечером. Василий Яковлевич самолично проводил гостя за ворота дома и стоял, глядя вслед ему, пока невысокая фигура Сумарокова не скрылась в заснеженной темноте.

КРАТКАЯ ГЛАВА О ДОЛГОМ ПОИСКЕ, ИЛИ ТРУДНОСТЬ БЫТЬ ПОКОЙНЫМ, КОГДА ТЕБЯ ОДОЛЕЮТ СОМНЕНИЯ

Устав, я вышел ночью из бывшего архиерейского дома подышать свежим воздухом и встретил не мутно-белесую темноту, в которую когда-то Корнильев проводил Сумарокова, а плотную чернь августовского неба. Высоко над куполами соборов в нем трепетали звезды. За стеной кремля, под обрывом — тысячи огней и отдаленный шум одиноких автомашин. Справа внизу угадывался Прямской взвоз. Где-то там, в мерцающей огнями глубине, некогда стоял дом Василия Яковлевича, в котором стучал первый в крае типографский станок.

Просматривая, еще давно, книгу Дмитриева-Мамонова, я нашел в ней репродукцию одного документа, набранного четкими литерами. Он называется «Из Тобольского наместнического правления» и начинается словами «Репортом тобольская управа благочиния прописывала...», а кончается — «...дать знать апреля дня 1789 года». Под репродукцией подпись: «Первый оттиск Сибирского (то есть корнильевского. — В. П.) станка».

«Первый, так первый», — подумал тогда я. Но что-то (сейчас и не вспомнить что) заставило взять эту подпись под сомнение. Первый ли оттиск? Хорошо бы проверить. С этого вопроса, пожалуй, и началось постепенное строительство из разрозненных кирпичиков, досочек и палочек моего представления о корнильевском заведении. Некоторых «досочек-палочек» и по сей день нет. Но в целом сооружение закончено.

Однако прежде чем это случилось, потребовалось в безбрежной бумажной тайге найти диамантовые зернышки, порой с маковой росинку, заочно познакомиться с умным библиотекарем губернского музея С. Н. Мамеевым, который, вероятно, несть числа времени провел в Тобольском архиве, где хранится ни много ни мало полмиллиона дел. Чтобы просмотреть их, и десятка жизней не хватит. Ох, как нелегко обнаружить в бумажном океане нужные документы!

Теперь же они отыскиались и, дополненные трудом С. Н. Мамеева, других авторов, сами смогут рассказать, как шел Василий Яковлевич к заветной своей цели.

Первый оттиск Сибирского типографского станка.

ДРУКАРНЯ У ПРЯМСКОГО ВЗВОЗА

Прослышал однажды Корнильев об указе государыни императрицы Екатерины II, которым повелевалось не различать типографии от простых фабрик и рукоделий и предоставлялось «каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковых управе благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет». В тех «вольных» типографиях дозволялось печатать книги на всех язы-

ках, наблюдая, однако, чтобы не было в них ничего супротивного законам божим и гражданским или к явному соблазну клонящегося».

Еще до покупки половины бумажной фабрики Василий Яковлевич за сходную цену приобрел печатный станок со всеми принадлежностями, увез его в село Мало-Аремзянское и обучения ради тередорному искусству (наборному делу) приставил к нему своего крепостного Мухиза.

На этом предварительная подготовка была закончена.

31 января 1789 года начался новый этап. В этот день «1 гильдии купец и бумажной фабрики фабрикант Василий Корнильев» принес в Тобольскую управу благочиния «объявление» о «заведенной собственным коштом типографии, на которой желает производить на первый случай печатание книг на российском диалекте гражданскими литерами, а впредь стараться будет и на разных иностранных».

Вместе с объявлением Корнильев представил «переведенную с французского языка английскую повесть под заглавием «Училище любви». И просил ту повесть «освидетельствовать, и если бы во оной не найдется ничего благопристойности противного», то «указать оную напечатанию и по напечатании выпустить в публику».

Дело приключилось небывалое, и управа отнеслась к нему с интересом: занятно, что из него выйдет... В тот же день, получив мзду, молодой из ранних писец, покусывая обгрызанный кончик гусиного пера, бойко настроил «резолуцию» в Тобольскую духовную консисторию с требованием «рассмотреть», а по-нашему, процензуровать повесть.

Поскольку в сих местах подобного еще не случилось, и ни на штатной должности, ни, так сказать, на общественных началах цензоров не водилось, управа потребовала от консистории, чтобы та «и впредь на таковые случаи отрядила бы

(имеется в виду — члена консистории.— В. П.), и кто отряжен будет, управу бы уведомила».

Несмотря на леность свою, духовные отцы раскочивались недолго, всего две недели. 13 февраля они писали, что его преосвященство (то есть епископ Варлаам) приказал сообщить в управу благочиния, чтобы «оную английскую повесть для осмотру ея, так и впредь случающиеся гражданские в печать издаваемые книги» представляли «присутствующему консистории отцу архимандриту и ректору Геннадию. Но если бы случилось, — продолжали пастыри церкви, — напечатать какую книгу, касающуюся до святости или толкования закона, то таковыя для свидетельства представлять самому его преосвященству».

Итак, лавровые венки первых царских цензоров в нашем крае распределились: по гражданским книгам достался ректору Геннадию, по части божественной — самому владыке.

Пока отцы святые распределяли лавры, Василий Яковлевич, чтобы подтолкнуть их и показать товар лицом, не теряя времени. По слову его в селе Аремзянском крепостной Мухин помолился и, благословясь, приступил к священному действию набора.

Самый первый, а потому и самый ответственный заказ!

Перевязав шнурком густые русые волосы — чтобы не падали на глаза и не мешали работать — Мухин принялся вылавливать из ящичков еще не очень-то послушные ему литеры. Остальные рабочие люди — все из аремзянских заводских — кто стоял, уважительно глядя на тередорщика¹, а кто вертелся возле печатного станка, изготовливая его к делу.

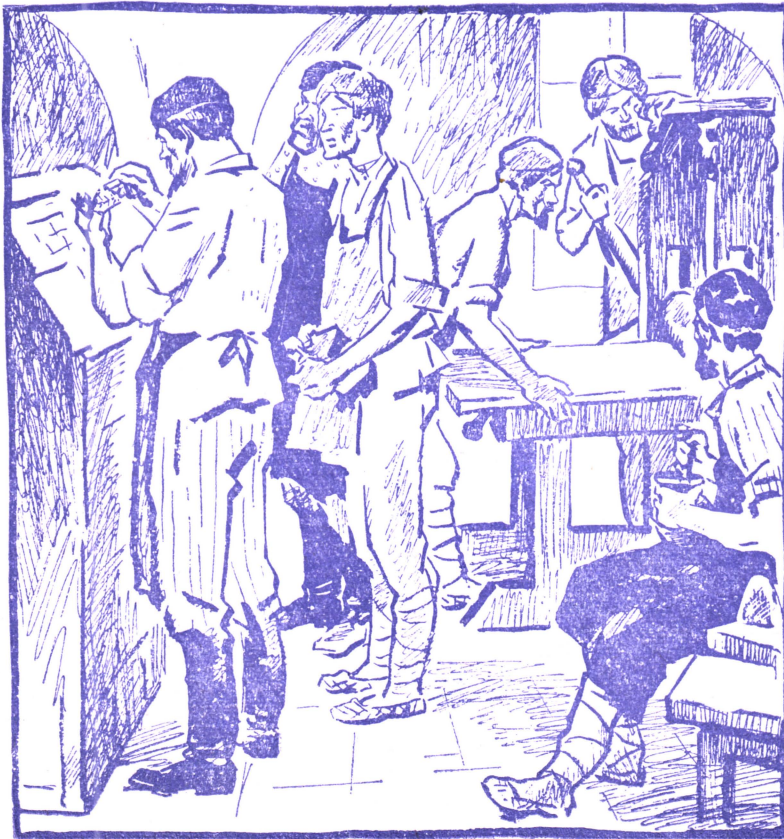
На удивление медлительному веку события бежали со скоростью резвого скакуна.

И в самом деле: уже на другой день, не взирая на непогоду, в Тобольск примчался на пегой лошадке сам Мухин и, низко кланяясь хозяину, протянул ему две небольшие стопки бумаги, от которых духовито разило свежей типографской краской.

В одной стопке листы чернели словами:

«Его Высокопреосвященству Варлааму Епископу Тобольскому и Сибирскому... Содержатель новозаводимой в Сибири типографии тобольский купец и фабрикант Василий Корнильев сей лист подносит февраля 6 дня 1789 года». И далее шли вирши в двадцать строк.

В другой стопке содержалось уведомление об

¹ Тередорщик — наборщик.

открытии типографии архимандрита Иоакима, видимо, какого-то «возлюбленного чада» церкви, имевшего влияние на шестидесятилетнего тогда архипастыря Варлаама.

Корнильев, конечно, уж верно знал, кому следует «честь оказать». 6 февраля, надо полагать, он лично вручил адресатам **первые оттиски** своего станка¹.

Лед векового печатного молчания на Урале и в Сибири начинал потрескивать.

Легко представить, как доволен был Корнильев этими первыми листками.

И вдруг, словно гром средь ясного неба: спустя несколько дней управа призвала его и на основании письма «преосвященного» взяла с Василия Яковлевича подписку «без свидетельства Управы Благочиния никаких книг в печать не издавать, под запрещением за то строгого по законам взыскания».

Не очень грамотно, да вразумительно. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

«Опомнились слуги государевы,— думал Корнильев,— листки мои, должно, насторожили их: как бы, дескать, и чего другого не напечатал. Решили в точности исполнить указ царский».

Между тем «губерния писала». 25 февраля управа благочиния отправила Тобольскому наместническому правлению «рапорт», в котором доносила о заведении типографии, об отправке на цензуру «англинской повести», словом, обо всем, что нам уже известно.

Теперь дело было за наместническим правлением.

И снова Корнильев решил ускорить события, а заодно и проведать, нельзя ли обеспечить типографию постоянными заказами высокого учреждения. Тем более, что бумага его фабрики уже расходилась по всем присутственным местам наместничества.

На сей раз в бывший собственный дом Корнильев пришел не хозяином, а просителем, хотя и не без достоинства.

Он заявил о намерении печатать для правления по данным ему образцам наместнические указы, за что предлагал уплачивать ему ежемесячно по 50 рублей.

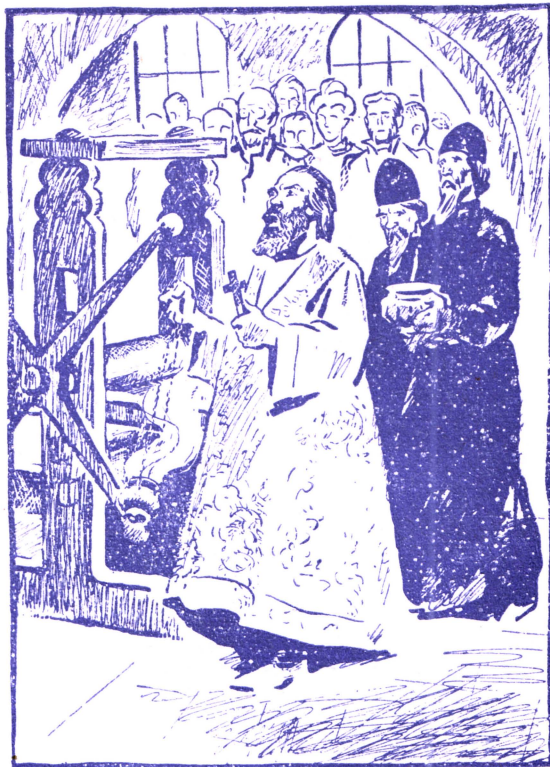
Александр Васильевич Алябьев, человек образованный, умный администратор и покровитель просвещения, женатый, кстати, на родственнице великого русского издателя и просветителя Николая Ивановича Новикова, ухватился за это предложение.

Не откладывая дела в долгий ящик, 2 апреля 1789 года он принял все условия и заключил с Корнильевым контракт.

Все устраивалось как нельзя лучше. Ведь типография отныне будет выполнять государственные заказы, и, стало быть, теперь покровительство Алябьева обеспечено.

А кое-какая защита уже требовалась.

Когда Корнильев шел к наместнику со своим предложением, он думал только об одном — напомнить о типографии и получить заказ. Дело же приняло неожиданный оборот. Алябьев, заключив соглашение на печатание всевозможных бу-

маг для своей разбухшей канцелярии, решил сократить ее штаты и освободившиеся деньги направить, как мы нынче говорим, на новую статью бюджета — «типографские расходы». Правление уволило всех писцов, занимавшихся размножением указов, да сократило еще до трех десятков канцелярских служителей, оказавшихся вдруг совершенно излишними.

Какой вой подняли в городе разного рода чернильные души и канцелярские служители. «Типография, чтоб ей анафема! — суть корень зла и несчастий наших, — шипели они. — Корнильев виноват со своей друкарней — бесовским исчадьем. Он нас по миру пустить хочет...»

Не успокоились, пока не растолкали их по новым местам.

Наместническое правление, как и полагал Корнильев, ускорило признание типографии. В своем указе 5 апреля оно официально объявило о рождении нового предприятия. Кстати, указ был уже **напечатан**.

Интересно, что только объявлением правление не ограничилось. Такой же указ был направлен в Нижний земский суд с тем, чтобы тот, в свою очередь, повелел повсюду «сей указ в округе оной о заведенной тобольским купцом Корнильевым типографии опубликовать». Что и было в точности исполнено.

К тому времени типографию из села Мало-Армянского со всем штатом Василий Яковлевич перевез в Тобольск и укоренил на своем дворе против Прямского взвоза. Повесть была

¹ К сожалению, не известно, живы ли и где находятся первопечатные листы корнильевской типографии. Но русский библиограф В. Семенников, несомненно, видел их и сообщил об этом в 1912 году в журнале «Русский библиофил» (№ 2, стр. 66).

возвращена с печатью управы благочиния и разрешением публиковать ее.

Вот почему день 5 апреля 1789 года стал для Корнильевых большим праздником.

Несмотря на пятую седмицу великого поста (не ешь скоромного, только постное), в день святого Мефодия — знаменательный день, если припомнить создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия! — в доме Корнильева шло великое пирование.

Хозяин купно с хозяйшкой, хлебосольной Марфой Ивановной, принаряженные, встречали знатных гостей. Были тут и служители консистории, и чиновный люд из правления наместника, сама вице-губернаторша Александра Петровна, ее превосходительство Селифонтова, и купцы именитые, и родственники дорогие, и, конечно, Панкратий Платонович с сестрой...

Поп Богоявленской церкви тут же службу

служил: помахивая кадилом, усердно окурил ладаном печатный станок — дабы крамола какой не содеяла, побрызгал святой водой на ящики со шрифтами, на столы березовые, перекрестил работников во главе с Мухиным, одетых в новые холстинные рубахи, и позволил им приложиться к сухонькой птичьей деснице своей.

А потом повели гостей к столу. И хоть великий пост, но ломился тот стол от всевозможных яств: ухи стерляжьей, осетров, возлежавших в коричневом соусе, нежной нельмы жареной, налима толстобрюхого, украшенного пахучими травами, щуки фаршированной, пыжьяна... А уж солений и маринадов было — и говорить не стоит! Запивали гости все эти кушанья вином венгерским. Вино было кисло-сладкое и янтарной нездешней крепостью искрилось в зеленых бокалах, дутых на стеклянной фабрике купцов Корнильевых.

ЗА КОВАННОЙ ДВЕРЬЮ, ИЛИ СКАЗАНИЕ ОБ АНГЛИНСКОЙ ПОВЕСТИ «УЧИЛИЩЕ ЛЮБВИ»

Не сочтите, пожалуйста, что заголовок этот придуман исключительно ради отражения «аромата» XVIII века. Судите сами, в «аромате» ли суть.

В свое время мне (как вам только что) из разных источников стало известно, что книжным первенцом, рожденным корнильевской типографией, была повесть «Училище любви».

Естественно, возникло желание непременно познакомиться с нею. Тем более, что все, что бы ни упоминал в печати «Училище любви», по существу не сказали о повести ровно ничего. Лишь А. И. Дмитриев-Мамонов в своей книге «Начало печати в Сибири» вскользь отметил ее «исключительно светское романическое содержание», не раскрывая его. Даже в определении даты выхода повести исследователи расходились между собой.

Словом, там и оставалось загадкой, что же это за «училище» «науки страсти нежной», каков характер, идейный смысл его.

Казалось бы, чего проще, взять повесть и прочесть. Книга, думал я по простоте душевной, не могла покинуть сей книжный мир, хоть и вышла восемнадцать десятилетий назад. Уверенность поддерживал все тот же Дмитриев-Мамонов. Издавая в 1900 году свое «Начало печати в Сибири», он на странице седьмой специально указал: «Экземпляр этой книги находится в библиотеке Тобольского губернского музея».

Пишу письмо «другу, жительствоющему в Тобольске», с просьбой уточнить, есть ли там «Училище любви». Ответ пришел незамедлительно: книги нет.

Так пришла первая неудача. Потом еще и еще... Ответы на запросы в разные книгохранилища были подобны тобольскому.

А годы шли. В Москве, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, богатейшем хранилище литературы, в зале для научных работников-гуманитариев ответили: «У нас нет. Обратитесь в Музей книги» (так называют там Отдел редкой книги).

Обращаюсь.

— «Училище любви», говорите? Нет в каталоге? Ничего. Заполните требование. Если книга есть, вы ее сразу получите.

До сих пор у меня сохранилось это «требование». Я написал его 29 марта в 10 часов 50 минут утра. А в 11 часов 20 минут оно вернулось с карандашной пометкой: «Пров., в ген. к-ге нет». Это значило: «Проверено, в генеральном каталоге нет».

Работница отдела огорчилась и, подумав, предложила:

— Знаете, может, в фундаментальной библиотеке Академии общественных наук есть? Позвоните туда. Я вам телефон дам.

Звоню. Ответ обычный. Звонил в другие места. Тоже ничего.

Прошло еще три года. В одном из залов ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, как полагается, заполнил бланк заказа.

— Зайдите завтра, — сказала светловолосая девушка-библиотекарь.

Три дня неизменно появляюсь в зале, молча с надеждой смотрю на девушку или ее сменщицу — пожилую женщину с усталыми глазами.

— Пока нет, — отвечают. — Ищут.

Облегченно перевожу дыхание: коль ищут, не все потеряно.

На четвертый день девушка, страдальчески сморщив удлинённые модные брови, выдохнула: — На ваше требование пришел отказ...

Не знаю, кого было больше жаль: библиотекаря, себя или того, что даже в таком великолепном, уникальном хранилище редкостей нет этой злосчастной книги.

Так где же она? Не могла же вот этак взять и — пропасть. Ведь бывали же случаи, например, с букварем Ивана Федорова. Отец русской книги выпустил его во Львове еще в 1574 году. Но ни один библиограф, ни один ученый в мире не подозревал о существовании букваря в течение столетий. Книжка возьми да и вынырни из небы-

тия в 1954 году. А книги из библиотек В. Н. Тащищева, Н. К. Чупина? Все считали их пропавшими. Они же оказались целехонькими.

Так примерно я рассуждал, подогревая в себе веру в разумность дальнейших поисков. Когда уж, кажется, последняя ниточка ускользнула из рук, решил: пойду-ка, посмотрю печатный «Сводный каталог русской книги».

Правду говорят: «Догадаться, коль проголодаешься». Смотрю и глазам не верю. В третьем томе, под номером 7631 значится: «Училище любви, англинская повесть. Перевел с французского П(анкратий) С(умароков). Тобольск, тип. В. Корнильева. 1791 г. 142 с. 8°». А чуть ниже — «БАН». Библиотека Академии наук СССР!

На следующее утро голубой троллейбус, дрожа и вздрагивая, точно его пассажиры от сырого мороза, доставил меня на набережную Невы.

В прекрасном здании старейшей библиотеки нашей страны все скоро оформили, растолковали, как идти, куда зайти.

В длинном чинном коридоре нахожу нужную дверь. С трудом открываю ее.

В уютной комнате отдела тихо, как в аквариуме. Застекленные стеллажи до потолка. К ним подвешены традесканции, свисающие из горшков, длинные, точно морские водоросли. И в качестве золотой рыбки — молодая женщина в аккуратном черном халатике.

— Что вас интересует?

Называю.

— Пожалуйста. Заполните требование в двух экземплярах. — Тон буднично-казенный. А я стою и думаю: «Голубушка! В пятидесяти заполню, только бы книжка была».

Пока писал, ладони вспотели.

— Минут тридцать-тридцать пять придется подождать.

Что-то, видимо, в моем лице показалось ей странным, потому как тотчас появился участливый человеческий голос:

— ...Ну, минут пятнадцать.

Походил по коридору. Посидел в кресле. Выкурил сигарету. До чего же медленно тянется время! Всего шесть минут.

В горле пересохло. Зайду-ка в отдел, попою. Снова с трудом тяну на себя дверь. Не пообедав, не откроешь. И тут лишь заметил: батюшки-светы, она кованая! Этакое массивное металлическое сооружение. Залпом выпил два стакана теплой воды из графина. Восемь минут.

Хожу по узенькому проходцу меж столами с настольными лампами и терзаюсь муками влюбленного, прибежавшего на свидание. И сладко, и горько, и сердце, замирая, уходит в пятки: вдруг... вдруг она не придет!

Двенадцать минут. Дверь открылась.

Пришла. Вот она, милая, дорогая, долгожданная!

Желтый грязноватый переплет, чуть попорченный временем и древоточками. Золотой двуглавый орел посередине на обеих крышках. (Академия-то некогда была императорской).

Не могу унять дрожь в руке. Боюсь открыть книгу. (А может, и не «Училище» совсем. Все может... Мы уж ко всему привыкли, всякое видели!). Ловлю на себе изучающе-пристальный взгляд библиотекарки. Думает, наверное, ненормальный какой-то залетел «на огонек» академического светилица.

Спокойно открываю книгу.

УЧИЛИЩЕ ЛЮБВИ

АНГЛИНСКАЯ ПОВЕСТЬ.

Перевелъ съ Французскаго
П. С.

Печат: съ дозв: У: Благочиннѣ.

—————
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ТОВОЛЬСКЪ,

Въ Типографіи у В. Корнильева.

1791 года.

Перевертываю титульный лист. Во весь следующий напечатано:

Милостивой Государынѣ моеѣ

АЛЕКСАНДРѢ ПЕТРОВНѢ,

Ея Превосходительству

СЕЛИФОНТОВОЙ

Съ истиннымъ высокопочтани-
емъ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Нижайшій слуга

П. С.

Ну, вот, наконец-то, встретились...

До каждой точки знакомый характерный «корнилевский» шрифт, корнилевская бумага, его филигрань. Книжечка маленькая и по формату (16×10 см) и по объему — всего 142 страницы.

Читаю, выписываю. Выписываю, снова читаю. И так до вечера, пока не одолел всю книжечку. Подняв однажды голову, заметил: библиотекаряша успокоилась. Ну, и хорошо. Возвращая книгу, говорю ей:

— Большое спасибо. Пожалуйста, берегите книжку. Я искал ее десять лет. Это пока единственный в Советском Союзе известный мне экземпляр.

* * *

Теперь, когда повесть, наконец, найдена и прочитана, пришел черед выяснить, почему же переводчик избрал именно ее для опыта первого издания литературы в вольной типографии Тобольска.

Но, чтобы ответить на этот основной вопрос, а попутно и на другие, надобно, как говаривали наши предки, обратить взор свой на век екатерининского царствования, век удивительно противоречивый.

Несметные богатства и диковинная роскошь царских фаворитов и вельмож соседствовали в то время с бездной крестьянской нищеты, безмерный произвол дворянства — с рабским бесправием крепостных; блестящий гений Суворова — с бездарью Павла I, курносого гатчинского владыки. Это был век кнутабойцы Шешковского, главы страшной Тайной экспедиции, и крестьянского вождя Пугачева, народной темноты, невежества и господства идей великих французских писателей и мыслителей — Руссо, Вольтера, Монтескье; век бесстыдной игры царицы в либерализм и горечи разочарований лучших людей в своих лучших надеждах. Своею славою век обязан Михайле Ломоносову и Гавриле Державину, Николаю Новикову и Александру Радищеву, и многим другим замечательным людям России.

Странный век, странный мир...

До французской буржуазной революции и разгрома в России масонства русские дворяне чуть не поголовно «заболели» Руссо. Этому способствовало кокетничанье Екатерины II с Вольтером, Дидро... Графы Григорий и Владимир Орловы почтительно просили «женевского гражданина» Руссо приехать в Россию, третий граф — фельдмаршал К. Г. Разумовский мечтал подарить ему свою колоссальную библиотеку. Николай Новиков объявил Руссо «образцом сильнейших в нашем веке человеческия мудрости». О Руссо вели беседы в научных, литературных обществах и даже в легкомысленных великосветских салонах.

Вместе с политическими и педагогическими идеями автора «Общественного договора» в Россию, не спросясь, ворвался стиль чувствительного sentimentalного руссоизма. Десять произведений Руссо в русском переводе были напечатаны лишь до 1779 года. «Новой Элоизой или письмами двух любовников», «Эмилем и Софьей» не только зачитывались, но и подражали им в России и во всей Европе. Влюбленные той поры даже письма друг другу сочиняли «под Руссо». Просвещенному передовому дворянству, в котором вызревали буржуазные настроения, внушал уважение, нравился «чувствительный» угол зре-

ния на мир. Он создал новое невиданное обаяние пастушеской поэзии, идиллии...

В конце века занятия литературой в России часто сводились к переводам. Переводы наводняли тогдашние журналы. Один из редакторов новиковского «Детского чтения для сердца и разума» молодой еще Николай Карамзин заполнял журнал исключительно собственными переводами длинейших нравоучительно-сентиментальных повестей. Они занимали порой до семнадцати приложений.

Переводом с французского «англинской» повести начал свою литературную жизнь в Тобольске и Панкратий Платонович Сумароков. Это была сентиментальная повесть со всеми внешними атрибутами «под Руссо». Автор ее даже не скрывал своей симпатии к великому французскому, прямо ссылаясь на него: «Должно, чтобы женщина была женщина, а не Ангел, говорит Руссо».

Сюжет «Училища любви» незатейлив. Это история любовных отношений юной и очень добродетельной Фанни, дочери «сира Дорлингтона», воспитанной, как и полагалось у Руссо, в деревенском уединении, и молодого графа-вертопраха. Любви порочной и супружеской неверности повесть противопоставляет любовь «чисто-сердечную» и постоянство. Конечно же, добродетель побеждает. Неверный граф возвратился к Фанни и познал «в объятиях нежной супруги различие любви, основанной на добродетели, с той, которая несправедливо похищает сие название».

Вся история, начиненная по моде того времени вздохами, слезливостью и риторикой, написана лишь как иллюстрация морали, без обиняков высказанной в конце книги: «Так-то постоянство торжествует над сердцем заблуждающимся! Оно возвращает его на прямой путь. Страдания его никогда не остаются без награждения, и сквозь мучительных и бесчисленных искушений достигает оно до истинного блаженства».

Современник Панкратия Сумарокова крупный публицист Андрей Тимофеевич Болотов однажды так выразился о французской повести Фурнье «Зими»: «Что касается до повести, то вся она с начала до конца наполнена ненатуральностями, неправдоподобиями и натяжками...» Золотые слова! Точно такие же можно сказать и об «Училище любви». Вот, очевидно, почему и современники, и библиографы, и ученые прошлого столетия не сочли нужным говорить о содержании повести. Но разве Сумароков не видел ее изъянов? Надо полагать, видел.

Что же в таком случае заставило его перевести «Училище»? Думается, во-первых, модный сентиментальный характер повести и популярность ее среди непритязательной тогдашней публики. Во-вторых, до 14 июля 1789 года Руссо в России, как супруга Цезаря, был вне подозрений. А в повести содержатся отголоски его идей о благородном стремлении служить своему отечеству, о вольности, «которая одна только производит прямых граждан», о необходимости образования для женщин, о качествах, которыми должен обладать педагог-воспитатель («осторожность, познание сердца человеческого, глубокий и пронизывающий разум», «тихость, которая содействует все правила нравоучения любезными и привлекательными»), о пользе жизни в деревне, в близости с природой, как более здоровой и чистой жизни...

Не последнюю, если не первую, роль сыграло и то, что в повести нет даже запаха политики, о чем отец архимандрит и управа благочиния сказали очень пронизательно: с одной стороны, «никакого в ней касательно до божества противоречия не оказалось», с другой — «ничего же в противность относящегося государственным узаконениям не найдено». А это было важно для переводчика.

Пока духовная и светская власти с пристрастием рассматривали «англинскую повесть», тередорщик Мухин потихоньку набирал ее страничку за страничкой. А когда же, наконец, пришло разрешение цензуры, у него куда веселее пошла работа. И вскоре, в том же 1789 году, книга родилась.

Самая первая. Небывалое в этих краях чудо! Не без содействия наместнической администрации тираж издания был «вырасходован». Но спрос на книгу, видимо, держался, поэтому в 1791 году она появилась вторым тиснением. И пошла гулять по свету...

Разумеется, теперь содержание, идеи повести не представляют интереса. Книга ценна сама по себе как первый памятник урало-сибирского книгопечатания.

* * *

Вот так разрешилась еще одна «столетняя» загадка. Однако на очереди стояли другие, не менее любопытные. Они тоже настойчиво «стучали в дверь», требовали ответа и поиска. И мне подумалось: Тобольск их загадал, Тобольск и должен дать разгадку.

Я ходил по его улицам и площадям.

Заглянул в бывший дворец наместничества, поднялся по его старым узорно кованым лестницам. Великолепные металлческие лестницы да стены, — пожалуй, все, что сохранилось здесь от дореволюционных времен. Долго всматривался в немые узкие окошки бывшего тюремного замка возле бывшего дворца...

Так вот где томился наш земляк, оренбуржец Михаил Ларионович Михайлов. Вероятно, вот тут, около этих выбеленных стен, у входа в тюрьму да и в самом замке тоболяки устраивали революционному поэту восторженные встречи, обвивали кандалы его цветами... За десятки лет до залпа Авроры Михайлов глубоко верил:

«Час обновленья настанет —

Воли добьется народ,

Добрым нас словом помянет,

К нам на могилу придет!»

Спустя три года в этот же острог по пути на каторгу был водворен великий русский мыслитель и революционер Николай Гаврилович Чернышевский. Он пробыл в нем неделю. Шагая по истертому тысячью ног полу секретной камеры-одиночки, сквозь грубый лязг «своих» кандалов он, очевидно, слышал совсем другую, нездешнюю музыку.

Музыку здоровых, стройных людей будущего. Он видел их, этих людей, их дворцы из стекла и алюминия, залитые светом и радостью. Какой надо было обладать силой убежденности, чтобы, пройдя через каземат Петропавловской

крепости, позор гражданской казни; унылый путь на каторгу с остановками в очередных царских клоповниках, мощно и твердо сказать современникам: «...Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его».

Я ходил по асфальту, видел современного стиля здания — дома, кафе, столовые... Оставляя шлейфы пыли, мимо проносились «волги», «запорожцы», «москвичи» новейших марок. Из открытого окна дома, еще не утратившего запаха краски и сырой штукатурки, сильный динамик широко и вольно выплеснул на улицу известную песню Пахмутовой:

...Меня мое сердце

В тревожную даль зовет.

И все время казалось: вот-вот, где-то на этом перекрестке, неподалеку от дома редакции «Тобольской правды», повстречается декабрист доктор Вольф, что около причудливой архитектуры деревянного здания городского театра непременно увижусь с декабристами Петром Николаевичем Свистуновым и Павлом Сергеевичем Бобрищевым-Пушкиным, а может быть, с Иваном Александровичем Анненковым... Ведь они все почти в одно время после каторги были сосланы сюда.

«На горе», в одной из улиц заметил мемориальную доску на стене углового дома с мезонином: «Здесь жил декабрист Михаил Александрович Фонвизин. 1845—1853».

Прозрачные тени от берез колыхались на ставнях, на стеклах окон с тюлевыми занавесками. И на какой-то миг почудилось, будто откинулась занавеска, и красивая женщина, очень похожая на Ариадну Шенгелая, спросила:

А нынче! — что к моим ногам

Вас привело?

«Мимолетное виденье» исчезло. Но я бросился к окну и, ясно сознавая совершенное неприличие, безрассудность поступка, заглянул внутрь, словно всерьез надеясь увидеть за тюлевой занавеской того «важного генерала», «князя N», женой которого стала Татьяна, «русская душою». Прообраз пушкинской Татьяны — Наталья Дмитриевна Фонвизина в годы тяжких испытаний была верной подругой прообразу «важного генерала» — генерал-майору Михаилу Александровичу Фонвизину, человеку нелегкой и удивительной судьбы. Мог ли предполагать Пушкин, что «князь N» станет некогда автором интереснейших писем... «О социализме и коммунизме»?!

На каждом шагу я сталкивался со следами давно минувших дней. И меня неотступно преследовало чувство, будто рядом или чуть поодаль от меня идет человек, хорошо знакомый, которого, однако, я никогда не видел.

И только вечером, уже в музее, вновь оказавшись за грудой книг, понял: да ведь это ходил Сумароков! И сейчас утомленный прогулкой, он, очевидно, по своей давней привычке лег на диван и занялся чтением...

Рисунки Н. Мооса

О К О Н Ч А Н И Е С Л Е Д У Е Т

ПО СЛЕДАМ

«КОЛОМБОВ РОССИИ»

Игорь Павлович Рубан — единственный в мире художник, живший и работавший в Арктике и Антарктиде, у Северного и Южного полюсов земли. Все свое творчество он посвятил одной теме — героизму полярников. Его полотна хранятся в музеях Москвы, Ленинграда, Архангельска, Казани, Мурманска, Якутска. На каждом из них — Заполярье, его суровая неповторимая красота, которую дано увидеть только настоящему северянину.

В публикуемой ниже статье художник рассказывает о том, как он работал над одной из своих картин.

На высоком берегу реки Оленек, у самого моря Лаптевых, стоит крохотное селенце — по-старому, становище Усть-Оленское. Основанное бог весть когда то ли охотниками на морского зверя, то ли поморами-землепроходцами, оно хранит дорогую нам память о полярных исследователях прошлого.

В 1735 в становище зазимовала команда дубельшлюпа «Якуцк». Остатки двух срубов зимовья экспедиции, глубоко вросшие в землю, видны и по сей день. Недалеке над Оленеком, окруженные бревенчатой оградой, высятся кресты могил командира экспедиции и его жены. Когда я рисовал и писал этюды этого памятника, читал на потемневшем дереве креста полустертую пургами надпись: «Лейтенанту Василию Прончищеву и его жене Марии. 1736 год», меня заинтересовали подробности их героической судьбы, за которой скрывалась одна из страничек истории освоения Арктики.

Музеи и архивы Москвы и Ленинграда помогли узнать о славных плаваниях русских первопроходцев, чьи имена теряются в глубине веков, о том, что на старых иноземных картах Баренцево море называлось Московским и что русские лодьи и кочи были лучшими судами для северных плаваний. На кочах ходили наши мореходы в неведомую даль на восток по морям Ледовитого океана. «Коломбы российские», как их называл Ломоносов, стремились проведать, а то и

обжить пустую землицу, подвести ее «под руку государеву». Из уст в уста передавались красочные легенды об этих местах, знали же о них только по сказкам да отпискам бывалых людей.

Первой научной экспедицией по изучению Севера и Востока России следует считать учрежденную Петром Первым Великую Северную экспедицию под началом В. Беринга. В истории долго не было ей равных по широте размаху и результатам.

Потянулись по бездорожью, за тысячи верст обозы с хлебом, железом, пенькой — без чего нельзя жить, работать, ставить жилье, склады, кузницы и всевозможные мастерские. На месте под рукой не было ничего, кроме таежного, выросшего на мерзлоте леса, а нужны были во множестве базы и годные для плаваний по тяжелым рекам, хорошо оснащенные корабли. Им предстояло спуститься по рекам до студеных морей, обследовав все на своем пути, а там — кому к западу, кому к востоку — «пробираться сквозь льды и туманы, не щадя живота своего, составлять карты и описывать все примечательное».

Экспедиции уходили в неведомое на долгие годы. Одной из них командовал лейтенант флота Василий Прончищев — потомок некогда славного своими государственными делами старинного дворянского рода. Юношей вместе со своим приятелем, тоже мелкопоместным калужским недо-

рослем Семеном Челюскиным, он был определен в созданную Петром Первым Школу навигацких наук в Москве, в Сухаревой башне. Пройдя курс наук и показав себя способными мореходами, Прончищев и Челюскин были зачислены в экспедицию Беринга.

В 1735 году на построенном в Якутске дубельшлюпе «Якуцк» они отправляются в путь, имея на борту около пятидесяти человек команды. С Прончищевым шла его жена Мария — первая женщина полярница, и Челюскин в чине подштурмана. В первый год проплыли вниз по Лене полторы тысячи верст и, выйдя в море, повернули на запад. По цареву указу надлежало описать все берега до Енисея и подняться по нему вверх.

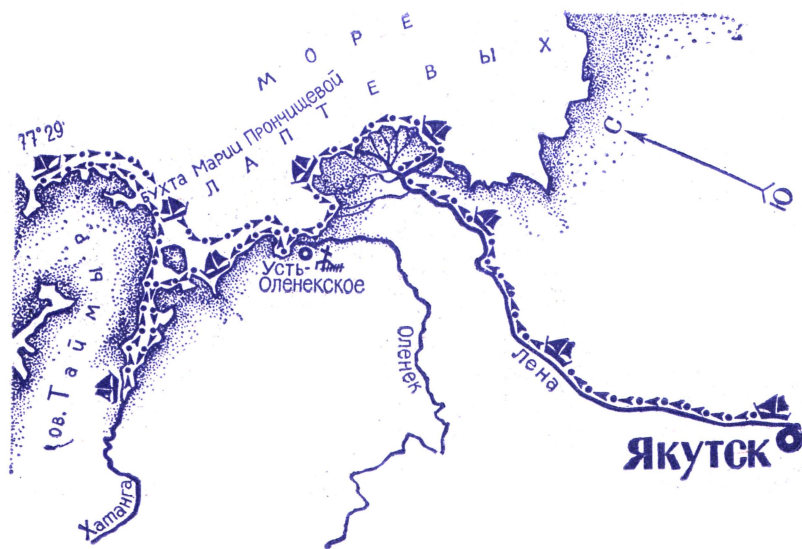
Морозы застали экспедицию у реки Оленек. Здесь, у становища Усть-Оленское, из просоленного, плохо держащего тепло плавника срубили жилье и баню. Кругом расстилалась заснеженная тундра. Ни рыбы, ни зверя, ни птицы — одни скудные запасы. Полярную ночь провели в сыром, тесном, похожем на нору срубе. К весне началась цинга. Оленек вскрылся поздно. Только в начале августа «Якуцк» смог двинуться в путь. После Хатанги путь к западу преградил Таймырский полуостров. Направились в обход его к северу. Вскоре встретили кромку льда, начались туманы. Шли, делая промеры, обследуя нехоженные берега, нанося на карту их скалистые мысы. По тем временам никто не знал, что для судов такого типа, как дубельшлюп, далее путь был непроходим. На севере корабль ожидало встречное течение, несущее поля многолетних льдов.

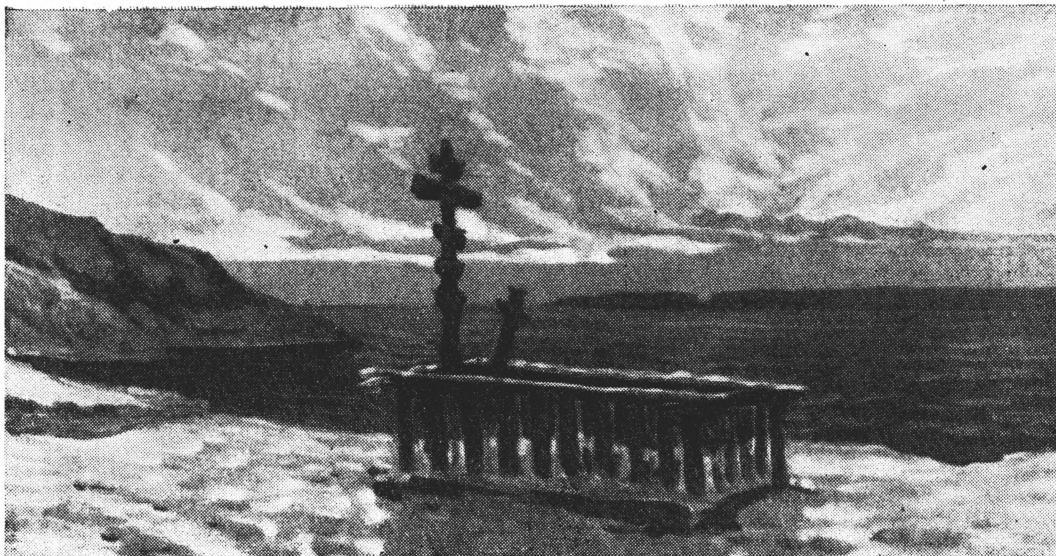
Отряд Прончищева прошел на север до $77^{\circ}29'$ и не только на сто с лишним лет устано-

вил рекорд плавания в этом направлении, но и составил достаточно полную «опись берегов». Пройтись дальше было невозможно, и мореходы решили вернуться в Усть-Оленекское. Там было жилье и удобная стоянка для дубельшлюпа. Придя, похоронили командира, а через несколько дней и его жену. На место Прончищева встал Челюскин, позже Дмитрий Лаптев. Но как ни огромен их вклад, они уже только продолжатели, а не пионеры этого великого дела.

Написать картину о Прончищевых так, чтобы в их лице воздать должное светлой памяти пионеров Великого Северного пути, стало моей мечтой. Для этого прежде всего надо было понять и увидеть обстановку, представить себе место действия. И я плавал по замерзавшему морю Лаптевых на невесть когда построенном суденышке, ходил пешком в глубину оленекской тундры до таежной реки Пур. Рисовал и писал во все времена года в северной Якутии. Самый «холодный» этюд этого времени написан мной при пятидесяти двух градусах мороза. Тогда я еще не знал, как заставить слушаться краску на любом морозе, и работа давалась с большим трудом.

Заезжая в глухие уголки Сибири, встречая там людей, как будто вышедших из глубокой старины, я искал в них то, что помогало мне представить образы участников экспедиции. Вспоминается такой случай. Уже был найден облик Прончищева — широкой кости, высокого, плотного. Недоставало ощущения его повадки и цвета одежды. Я знал, что форменная одежда первопроходцев ко времени их похода к Таймыру уже пообносилась да и не грела, и они ее заменили меховой.

Могила Прончищевых.

Шел я однажды глубокой осенью на пустой нефтеналивной барже, тянувшейся за последним караваном вверх по Лене. Мороз подходил к двадцати, река дымилась, покрывая все льдом и инеем. Неожиданно сверху перед нами появился колесный пароход. Старый, маленький, он мчался по быстрому течению на зимовку вниз, кажется, в Булун или Табор Мигалькина. Лихо развернувшись, он прижался к нашей барже, и капитан без крику, но как-то необычайно повелительно приказал принять швартовые. Долго ли плыл с нами пароход, что делали на нём, я

не помню. Я так и впился в капитана. В черной собачьей дохе, на самом крыле мостика в морозном тумане, стекающем из распадков Хараулахского хребта, стоял Василий Прончищев...

Чтобы изучить льды во всем их многолетнем многообразии, я принял участие в ледокольной высокоширотной экспедиции. Писал там этюды на подступах к полюсу относительной недоступности.

Так, за три года были пройдены тысячи километров на судах, оленях, пешком и почти все время с карандашом и кистью в руках. Вернув-

Первые мореходы земли русской.

Его дом найдешь по стуку. На небольшой веранде целый цех: зубила, долота, чеканы, пунсоны, молоточки и еще масса разных инструментов, которые придумал сам и которым пока нет названия.

Однажды в сарайчике ему случайно попался лист алюминия. Покрутил в руках, оглядел глазом художника, попробовал, гибок ли... Взял зубило. Зубило было острое—прекрасный штрих от него по алюминию. Размашисто, словно карандашом, набросал зубилом на листе женскую фигурку. Положил алюминий на доску и молотком прошелся вдоль контура. Перевернул, подправил некоторые места, и в рельефе выявилась светотень. Он усилил ее мягкими ударами. Опять перевернул лист и устался на него в изумлении: фигурка ожила...

Так и сегодня он оглядывает свои работы,—отставит лист на вытянутую руку и поворачивает его перед собой под разными углами, словно ищет в рельефе какое-то чудо.

Металл под молотком звучит по-разному: алюминий—жестко, его бить приходится с большой силой, а медь и латунь звенят от малейшего прикосновения.

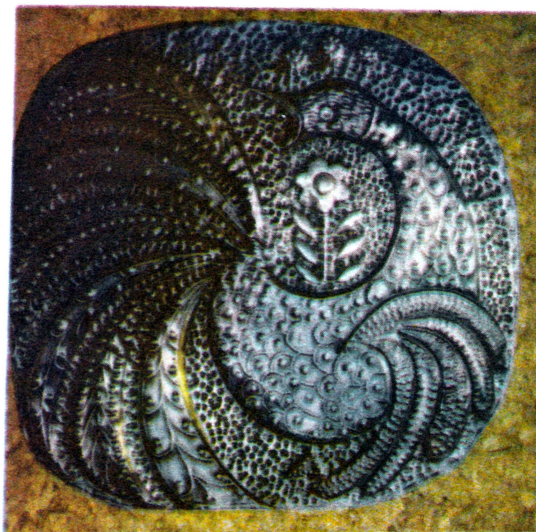

И Владимир особенно чуток к меди, знает, что не прощает она малейшего неточного удара. А сколько он бился над тем, чтобы заглушить ее „кастрюльный“ блеск! Около сарайчика разводил костер из сосновых сучьев, травил чеканку разными растворами и держал над огнем. С огромным

трудом ему удалось выявить благородство металла.

Он искал сюжеты, которые бы сами просились для чеканки. Так однажды раскрыл книгу с бажовскими сказами. И родился дедушка Слышко. Погасшая, далеко отставленная в сторону трубка, отрешенный

взгляд... Сейчас де-
душка Слышко нач-
нет сказ о Великом
Полозе

Владимир берет вто-
рой лист и смелым
штрихом намечает По-
лоза. Вспыхивают на
медном листе самоцве-
ты. Зачерненная медь
тяжела, по-византий-
ски богата, таинствен-
на.

И тут же печальная
красавица с золотой
косой. И все это в уди-
вительной золотистой
радуге — от багрового
заката до тяжелого
червонного блеска.

...С утра и до ночи
свердловчанин Влади-
мир Соичев за рабо-
той. И под его рукой
оживает металл.

Е. Гохфельд

А. ЮДИН.

ГАРСИА ЛОРКА.

Пионеры Великого Северного
морского пути

шись из последней экспедиции к себе в мастерскую в Москву, пересмотрев сотни собранных этюдов и рисунков, я понял, что настал час приниматься за картину. Картину, где одним из «действующих лиц» должна быть безжалостно суровая и одновременно пленительно красивая природа Заполярья. Именно в эту пору пришло обобщение — родился зрительный образ. Взамен правды протокольной пришла правда художественная, когда каждая деталь, каждое пятно пишутся не только потому, что «так было», а потому, что так нужно — иначе тебе не поверят. Ведь цель нашей работы — взволновать, заставить пережить вместе с нами то, что достойно этого.

То мучительный, то радостный путь творческого поиска был позади. Теперь с рассвета до глубокой ночи я проводил дни в мастерской у картины.

...Медленно, медленно выбираясь из сплошных старых паковых льдов, возвращается судно на свою стоянку. Мороз уже сковал такелаж, обледенели все надводные части корабля. Изнуренные ежедневной, ежечасной борьбой и невзгодами, люди спешат уйти от полярной зимы. Шестами, баграми они проталкивают свой дубель-

шлюп между ледовыми полями. На льдах лужи талой воды, снежицы уже подернулись ледком, но еще светятся голубым светом. И по сей день полярные капитаны, увидя на льдах этот «голубой глазок», уводят свои ледоколы от встречи с ним.

В неярком, чистом по цвету полярном пейзаже торжественным силуэтом вырастает группа мореходов. В спокойном шествии, возникая из глубины, они проходят мимо зрителя. Василий Прончищев, уже больной, но твердый духом, понимает, что это его последний путь. Он смотрит вдаль, на море, прощаясь с ним.

Рядом с ним жена. Она еще не знает о предстоящих испытаниях, не знает, что вскоре ей придется закрыть ему глаза. Сейчас она смотрит на него, готовая прийти к нему на помощь по малейшему знаку, готовая разделить с ним тяжкий путь до конца. Чуть поодаль, покуривая трубку, задумался Семен Челюскин — редчайшего мужества и твердости человек. Он стоит в стороне заметной, но не центральной фигурой. В этой картине не он главный, он герой других произведений.

Игорь РУБАН

ЗОЛОТАЯ РЫБКА,

или повесть о нечаянных странствиях

Ю. ЯРОВОЙ,
наш спецкорреспондент

Рисунки Е. Стерлиговой

1.

И все же опоздал.

Пароход «Комсомолец» ушел, что называется, из-под носа, увозя к голубой Фролихе экспедицию за легендарной царской форелью вместе с палаткой и всем походным снаряжением. Полгода переговоров, сборов и волнений — все впустую!

Что делать? Возвращаться домой или все же попытаться догнать экспедицию? До Фролихи от Иркутска почти семьсот километров, надо пересечь весь Байкал с юга на север, а на чем? Экспедиция на «Комсомольце» проделает этот путь за два дня, а если добираться на чем придется... Доберешься ли вообще до Фролихи? Но с другой стороны, разве с борта парохода увидишь настоящий Байкал? Тот Байкал, который на весь мир прославился своим омулем, своими изумительными берегами и островами... А люди! Ведь «Комсомолец» подходит к берегу только для того, чтобы взять и посадить пассажиров. Но этот пароход — единственное на Байкале средство сообщения! Нет, видимо, надо возвращаться домой или ждать следующего рейса «Комсомольца».

К счастью, вскоре нашелся попутчик — человек бывалый и знающий Байкал, как свои пять пальцев. «Пароход ушел, но есть самолет! — с энтузиазмом воскликнул Глеб. — Догоним! А задно увидишь Ольхон. Знаешь что такое Ольхон? Это жемчужина Байкала!»

Пароход, судя по расписаниям паромства и Иркутского аэропорта, мы сможем догнать на Ольхоне — самом крупном и единственном обитаемом острове на Байкале. Прикинули: летчики забросят нас на Ольхон самолетом часов в двенадцать, а через час к Ольхону, поселку Хужир, причалит «Комсомолец». Все сходилась наилучшим образом, мы выклянчили в кассах два «сверхбилета» и... «Ольхон в тумане... Рейс на Хужир задерживается... Над Хужиrom дымка...»

18

Из Иркутска мы вылетели лишь на второй день, когда «Комсомолец» по самым пессимистичным подсчетам уже давно должен быть у дру-

гого берега Байкала, где-то в Баргузинском заливе. Вот разве машина на пароходе сломается или члены нашей экспедиции вдруг решат задержаться в Хужире по каким-то причинам...

Все надежды лопнули, как мыльный пузырь, едва мы сошли на песчаную, поросшую бурой травой землю Ольхона. «Комсомолец» ушел еще вчера, точно по расписанию, и никто с него не сходил.

Что делать? Выбраться с Ольхона можно двумя путями: тем же самолетом, который нас сюда забросил, или ждать, когда «Комсомолец» обойдет весь Байкал, опять зайдет в Хужир. То есть через неделю, когда экспедиция будет уже высоко в горах, на Фролихе. «Как? А рыбаки? — возмутился Глеб. — Ольхон славен рыбой, здесь единственный на Байкале рыбозавод, отсюда, с Ольхона, рыбаки на своих мотоботах плавают по всему Байкалу! Посмотри, как идет «Комсомолец» — зигзагом. Если мы найдем рыбаков, которые ловят рыбу у Святого Носа, значит мы поймем «Комсомолец» у Давши...»

Мы склонились над картой. Да, по всему выходило, что экспедицию мы догнать еще сможем. Только бы найти рыбаков, которые сегодня или завтра утром отплывают к Святому Носу.

Но хозяйка гостиницы, узнав о наших планах, рассмеялась: «Что вы! Омуля сейчас не ловят, и к Святому Носу никто из рыбаков не ходит. Вот разве Сергей Иванович вам чем-нибудь поможет...»

Сергей Иванович Краснощекоев — научный сотрудник из Улан-Удэ, живет на Ольхоне все лето. Сергей Иванович — единственный на Байкале человек, который разрешает ловить омуля. Для научных целей. Но он сейчас в лаборатории, на территории рыбозавода, и будет только вечером. А пока — можно погулять по Хужиру.

Хужир — деревянный поселок. Бревенчатые избы, досчатые коттеджи, свежие, еще пахнущие сосной тротуары. Сосны растут прямо на улицах поселка. И всюду бродят сонные ленивые собаки.

Кажется, что Хужир отдыхает — такая тишина на его улицах и покой. Может, это тишина наступила с того дня, когда запретили ловить омуля и разъехались во все концы света рыбаки. А может, Хужир и в самом деле в июле отдыхает. В июле на Байкале спокойно, лишь тянет из далеких бурятских степей теплый легкий шелонник, принося освежающие мягкие дожди, которые, кажется, придают блестящей поверхности Байкала еще больший лоск. А придет октябрь, придут хмурые осенние дни и задрожит песчаный остров под ударами бешеных шквалов. Сарма! Сарма! Но быстрее крика, быстрее тревожных сирен летит над Малым морем сама сарма, и уже стонут, плачут под ураганом Хужир и искривленный искалеченный ветрами сосновый бор. Спешат в бухты, под защиту скал, мотоботы и лодки. И горе тому, кого сарма застигнет в открытом море! Бешеный ветер выворачивает якоря с камнями, выбрасывает катера далеко на берег... Остановись вечерком у какого-нибудь домика на Ольхоне, поговори со стариками, и они тебе непременно расскажут несколько историй о сарме и уж совершенно точно — об «Иакове».

Пароход «Иаков» погиб на виду у ольхонцев. И сейчас еще живы старики, которые видели, как несло на камни пароход и баржи, как метались по палубам обезумевшие люди. Видели и ничем не могли помочь.

Пароход «Иаков» погиб в Малом море 29 октября 1903 года. Он вел на буксире три баржи с людьми. До пристани оставалось каких-то десять километров, когда с Приморского хребта свалилась сарма. В одно мгновение воздух заревел, загудел от мелких камней, сорванных со склонов вихрями. Темная, жуткая стена песка и водяной пыли стремительно приближалась к каравану. «Полный вперед! Полный вперед!» — надрывался капитан, заставляя кочегаров повышать давление пара в котле выше предельного. Не успели. Ударил ураган, загудели, как струны буксирные канаты, и понесло пароход с баржами на ольхонские скалы. Лишь лоцман последней баржи не растерялся — успел перерубить буксир вовремя, и судно бросило на песчаную отмель. Остальные баржи вместе с пароходом вышвырнуло на скалы. В свисте, в вое взбесившейся стихии растворились крики и вопли гибнущих. Двести восемьдесят жизней унесла в тот страшный день байкальская сарма.

...Тихий ласковый ветерок тянул с Малого моря. Но даже он не мог нарушить голубого байкальского лоска — гладкой, словно туго натянутый шелк поверхности Малого моря, в котором опрокинулись желто-бурые скалы Приморского

хребта, узкие темно-зеленые долины — ущелья и гольцы, увенчанные заплатами вечных снегов. Не поймешь, где настоящее, а где отражение. Излюбленный фокус фотографов, побывавших на Ольхоне: фотографируют этот «лоск», а потом предлагают отгадать, где у фотографии верх, а где низ.

И трудно поверить, что именно оттуда, с этих сияющих под красным закатным солнцем гольцов, срывается ураган, а этот приятный освежающий ветерок, словно шаловливый котенок, ласкающий кожу, — «лазутчик» страшной сармы.

— Пора, — говорит Глеб, — пора искать Сергея Ивановича. А то мы на этом роскошном Ольхоне знаешь сколько будем загорать?

Сергей Иванович был уже в гостинице. Степенно поднялся с крыльца кухни в глубине двора, разгладил пышные казацкие усы, улыбнулся:

— Рад, рад. Тут, на Ольхоне, каждому новому человеку рады. Вас уже накормили в столовой?

— Накормили, — ответили мы.

В столовой мы, разумеется, заказали на второе омуля, и нам, вопреки ожиданиям, приготовили его, хотя в меню он не значился. Оказалось, что в столовой заказывают омуля только приезжие. А денег с нас брать не стали. Сказали: когда будете уезжать с острова, расплатитесь. И теперь мы с Глебом старательно записываем, что мы ели на обед, что на ужин и завтрак.

— Народ тут гостеприимный, — рассмеялся Сергей Иванович. — Так что вам от меня требуется?

Мы объяснили: отстали от парохода «Комсомолец». Нужно догнать, иначе экспедиция за царской форелью уйдет в горы без нас.

— За даватчаном? — удивился Сергей Иванович. — Вот оно что! — протянул ихтиолог с ноткой уважения. — Тридцать уж лет почти на Байкале, все видел, всякую рыбу перепробовал... Но даватчана мне лично встречать не приходилось. А с чего вы взяли, что даватчан — форель? По-моему, это голец, очень редкая разновидность.

Спорить с ихтиологом, тем более с кандидатом наук, мы не стали. Гонец так гонец.

— Фантастическая рыба, — продолжал Сергей Иванович. — По виду и в самом деле форель. — А мясо — красное. Краснее даже, чем у кеты. Но как вы его собираетесь ловить? Если мне не изменяет память, сейчас даватчан под ледниками, в реке Даватчанте. Во Фролиху он спускается осенью... Будете подниматься к ледникам?

— Там будет видно, — дипломатично ответили мы, ибо и в самом деле не представляли, как

и где наши товарищи, уплывшие на пароходе, собираются изловить эту сказочную красную рыбу, по слухам, опять же не проверенным, водящуюся в Советском Союзе только во Фролихе да еще в одном из озер Восточного Саяна. Правда, похожий голец, тоже иногда называемый даватчаном, водится в горных озерах Швейцарии, Швеции, Финляндии и наших северных — Ладожском и Онежском, но только похсжий. Недаром ведь фролихинского даватчана именуют царской форелью.

— Так, значит, отстали, — продолжал он задумчиво. — Придется вам ждать возвращения «Комсомольца». А он во второй рейс к Хакусам пойдет только через пять дней. А если в Хакусы надо попасть быстрее, то возвращайтесь самолетом в Иркутск, оттуда в Улан-Удэ, а из Улан-Удэ, опять же самолетом, в Нижне-Ангарск. Ну, а от Нижне-Ангарска вас до Хакусов доведут на мотоботе. При хорошей погоде можно добраться и дня за два.

Мы склонились над картой. И ужаснулись. Путь, предложенный Сергеем Ивановичем, опоясывал круговую весь Байкал. К тому же от Хакусов до Фролихи еще километров двадцать пять по горам. С палаткой и теплой одеждой

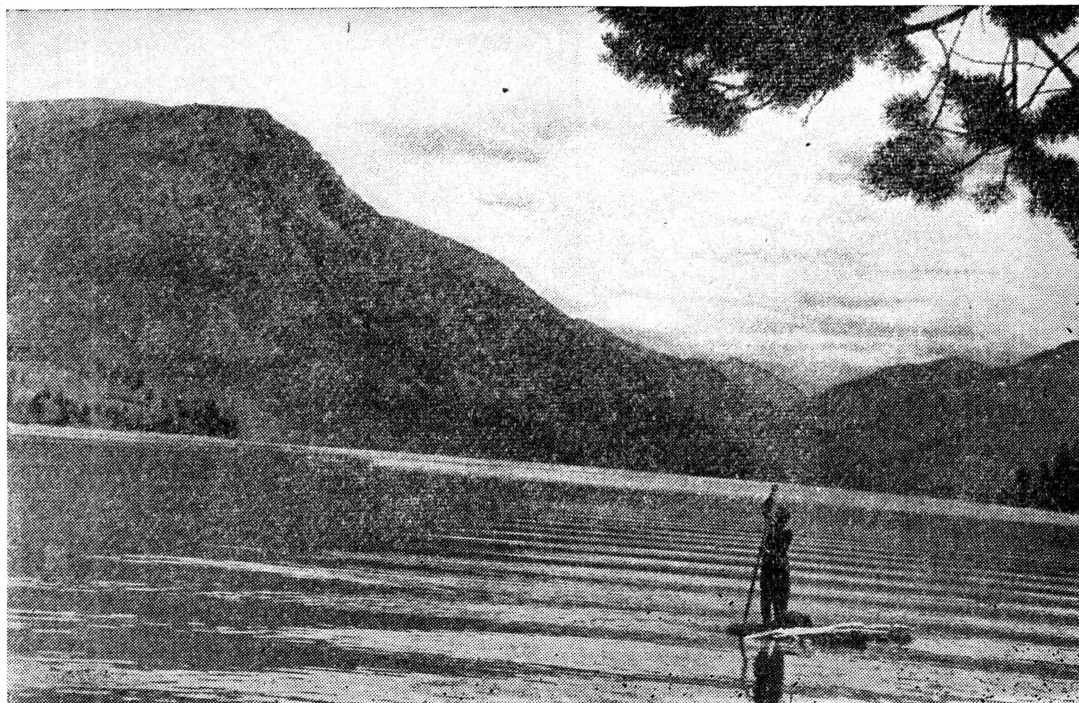
можно идти даже через снежники, но если экспедиция уйдет раньше?

— Ладно, — решительно заявил Сергей Иванович. — Завтра я с бригадой выхожу на омуля. Если хотите, могу взять с собой. Заснимите на кинолентку лов омуля — рыбаки будут рады. В Малое море часто заходят научные суда, повезет — возьмут и подбросят вас до Ушканьих островов. Может и успеете перехватить «Комсомольца»... Едем! Вставайте пораньше.

Байкал был хмур. Темные, почти сливающиеся с предрассветным небом облака на Приморском хребте спустились за ночь к самой воде, и от них, через все Малое море тянуло сырým холодом.

Но вот макушки на хребте посветлели, зарделись, это с востока, из-за Баргузина, выбрались солнце. И сразу все изменилось: облака на склонах стали легче, воздушней, а через полчаса и совсем стали таять, поднимаясь от воды к вершинам.

И едва солнце поднялось над Ольхоном и высветило гладкую, зеркальную поверхность Малого моря, как все преобразилось: зазолотились, опрокинувшись в воду, желтые утесы с ключьями белого тумана, заголубело, растворив

Голубая Фролиха

в себе последние звезды, небо, и вода, тихая, покойная с ночи, залоснилась под солнечными лучами, словно какой-то невидимый художник одним щедрым взмахом кисти вдруг покрыл ее голубым лаком.

— Ах, разбойники, — ругался Сергей Иванович, — не пришли. Опять что-то случилось. А может увлеклись соровой рыбой.

Ругал Сергей Иванович бригадира рыбаков Голикова. Раз-два в неделю Голиков со своей бригадой должен приходиться в Хужир, забирать Сергея Ивановича и идти с ним к «научному» неводу, единственному омулевому неводу на всем Малом море. В остальные дни Голиков ловит частика, которого на Байкале, как и окуня, плотву и хариуса, зовут соровой рыбой. Однако не от слова «сор», а от слова «сора», что на байкальском диалекте означает «залив».

Голиков в тот день не пришел, и Сергей Иванович махнул рукой: идите на пляж, отдыхайте. Что вам делать?

Делать, действительно, было нечего, и мы пошли на пляж, которому может позавидовать любой черноморский. Но вода! Нырнуть в байкальскую воду можно только раз и только ради любопытства. Вода прозрачная, голубая, нежная, мягкая и... ледяная.

А потом ловили хариуса. Хариуса на Ольхоне ловят довольно просто: нужно под водой найти камень, под которым отложил икру бычок-ширка. Икра похожа одновременно на губку и на мыло. Вот на это-то «мыло» и клюет привередливый хариус.

Мы устроились рядом с ольхонскими мальчишками. Щелчок по воде, свист лески, и на камнях бьется синеватый хариус. Щелчок, свист... У нас тоже клевало — к вечеру у ног Глеба лежали два хариуса. Глеб ругался: «Какой дурак придумал ловить хариуса на икру ширки? Хариуса надо ловить только спиннингом!» Но и спиннинговой мушки хариус не замечал. Однако мальчишки на Ольхоне добрые: сначала они нам нашли под водой икру ширки, а потом совершенно серьезным тоном сказали: «Над вами будут смеяться, если вы пойдете в Хужир с двумя хариусами. Возьмите наших».

Зато мы были вознаграждены на другой день, попав к рыбакам.

Голиков все же пришел. Вернее он, чувствуя перед Сергеем Ивановичем свою вину, — испортился на мотоботе двигатель, — прислал полпредов. Полпреды на все гневные речи Сергея Ивановича добродушно пожимали плечами: мы-то причем? У нас бригадир.

А Голиков встретил нас посреди Малого моря. Он точно рассчитал место randevu: за пол-

тора часа плавания Сергей Иванович отошел, стал опять добрым и Голикову погрозил только пальцем.

Омуля на Байкале ловят стааными неводами. Длинными крыльями невод перегораживает причудливый, столетиями отработанный маршрут рыбы у берегов Ольхона. Омуль идет вдоль крыльев и попадает в огромные ловушки-мешки. Невод заметен издали: сотни чаек с писком, с криками и воплями носятся над ним, сидят, важно покачиваясь на поплавках, и дерутся за каждого пойманного омуля.

Рыбакам чайки обрадовались. В одно мгновение слетелись к мотоботам и такой подняли гам, что даже невозмутимо-серьезный начальник рыбоохраны Николай Александрович Болдонов, сопровождавший к неводу рыбаков, не выдержал и выругался: «А, дармоеды!»

Рыбаки натянули на себя ярко-желтые резиновые костюмы, перебрались в байды — так называют на Байкале узкие длинные лодки, в которых перевозят рыбу, — и стали стягивать ловушку. Что тут поднялось! Чайки совсем осатанели, когда темно-зеленая вода буквально закипела от серебристых стремительных рыб.

Живое серебро! А быстрыми белыми молниями этот кипящий живой водоворот рассекают огромные сиги.

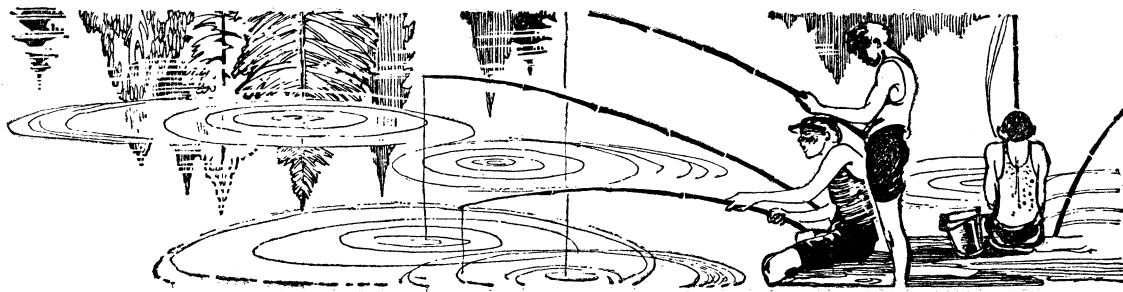
Рыбаки черпали омуля сачками и живое серебро тугой трепещущей струей переливалось из ловушки в байду. Какой-то первозданный охотничий азарт охватил буквально всех, даже Болдонова, которому кажется по роду службы полагалось всегда быть уравновешенным. Все до единого тянули сети, черпали омуля, вытаскивали жирных сильных сигов, перепрыгивали из байды в байду, стараясь не упустить ни одного омуля. А над всем этим — разбойничий гам чаек, чуть ли не из рук выхватывавших рыбу. И в этом гаме совершенно утонул стрекот кинокамеры и крики Сергея Ивановича: «Хватит! Хватит! Выпустите остальное!»

Нехотя, словно остывая, отпускали рыбаки сеть. Так же нехотя, не торопясь, расшили ловушку, и в море, сверкая и серебрясь, стремительно вытек весь омуль.

— Да, — почесал затылок с усмешкой Голиков и на его худощавом обветренном лице отразилось страдание. — Центнеров сорок было верных...

Нам не повезло: в Малое море в этот день не заходило ни одно научное судно, и мы вынуждены были вернуться в Хужир.

— Ну что-ж, — сказал Сергей Иванович, — теперь уж вам «Комсомольца» не поймать никак. Разве только к Ольхону со стороны Большого

моря пристанет какое-нибудь судно да перебросит вас на баргузинский берег... Сходите-ка вы, товарищи, к Ревякину, он вас на этот счет точно проконсультирует. Он Ольхон знает лучше собственного дома.

2.

Николая Михайловича Ревякина мы застали за починкой камеры к своему мотоциклу. Николай Михайлович невысок ростом, коренаст, крепок, а его круглое, с хемингуевской бородой лицо, украшено очками в железной оправе. Хитровато прищурившись из-под очков, оглядел нас, усмехнулся: «Отстали, говорите? Это хорошо-о...»

— Чего же в этом хорошего?

— А, не говорите. Еще неизвестно, потерять лучше или найти. А? Не согласны? Я вот мучаюсь, мучаюсь с этими чертовыми камерами... На наших ольхонских дорогах резина будто горит. А ведь мог и не чинить, не мучаться. Потерял-погрустил, но стал свободен. Нашел — обрадовался, но попал в великомученики.

— Вот он, мой мучитель! — с любовью хлопал по боку старого мотоцикла Николай Михайлович. — Обратите внимание, бак помят. Но и только. А в остальном — сменил масло, налил бензину, нажал на педаль, фр-рр! — поехали. А ведь, считай, два года пролежал на дне Байкала. Вот какова вода в нашем Байкале! Лежит себе на дне мотоцикл — сплошной металл! — и хоть бы пятнышко ржавчины.

На рыбалке я его утопил, с зятем омуля дергать ездили. Весной уже было — едва сами под лед не ушли. Отделался, думаю, от «козла» — ан нет! Рыбаки сетью выловили.

Зовут, бегу.

«Твой?» — спрашивают. Батюшки! Мой «козел». А я то уж обрадовался — не надо больше чинить камеры...

— Интересная история? — опять хитровато прищурился Николай Михайлович. — Ну, то-то. А у меня еще кое-что интересное есть. Пойдемте, пойдемте, бабки пока у меня дома нет, можно заходить, можно...

Мы зашли в избу, и Николай Михайлович стал выкладывать на стол альбомы, журналы, пачки писем. Из Ленинграда, Киева, Чехословакии, из Северной Африки... «Милые ребята с острова Ольхон!...»

— А это уже от моего старого друга Владимира Афанасьевича, — с гордостью в голосе сказал Николай Михайлович. — Про академика Обручева слышали поди? Так это от него письма...

— А чем же я так знаменит, что мне пишут

со всего света и даже академики со мной советуются? — лукаво усмехнулся Николай Михайлович. — А ничем. Жил учитель на Ольхоне, нескучный, как мне кажется, человек, ходил летом по своему острову с ребяташками, копался в земле, кое-что находил любопытное, кое о чем писал... Ну и трезвон поднялся вокруг этого учителя! Разве показать вам музей? А? — прищурился Николай Михайлович. — Пришли вы, конечно, во внеурочное время, заботы у вас важные — отстали от парохода... Но парни вы славные, так и быть, покажу вам я наш музей. Пошли!

Ольхонский музей размещается в небольшом деревянном здании. Две комнаты, заставленные чучелами птиц, витринами, стендами. Старинное оружие, старинные монеты, бурятская одежда, обувь, посуда. Копья, пицалы, сабли. Кажется со всей Сибири собрали эту утварь и оружие.

— Э-хе-хе! Ошибаетесь, товарищи дорогие, — рассмеялся Николай Михайлович. — Это все наше, ольхонское. Все нашли мои ученики. Не верится? Да и мне порой не верится, что все это ольхонское. Какая история у нашего острова! Кто бы мог подумать! И не верит никто, что жило на Ольхоне столько людей, с каменного века, считай! Тут, на Ольхоне, такая земля — копнешь, а у тебя на лопате каменный наконечник от стрелы.

Мы с изумлением оглядывали витрины, да, такому музею может позавидовать любой город, в Иркутске и то наверное меньше археологических экспонатов! А Николай Михайлович переходил от витрины к витрине, высекал старинным кресалом огонь, взводил курки у допотопной винтовки, объяснял у груды обгоревшего металла и земли, что это останки бурятской шаманихи-одэгон, которую сожгли в знак особого уважения вместе с монетами, колокольцами и конями, и все рассказывал, рассказывал, пересыпая речь прибаутками и шутками.

— Все собрано до последнего гвоздя моими учениками! — гордо обвел он руками вокруг себя. И вдруг поднял палец, наморщил лоб, вспоминая, и опять лукаво усмехнулся. — Но нет! И Ревякин сделал один дар музею. Да, да, есть тут и мой экспонат!

Он подбежал к одной из витрин, приподнял стекло и вытащил бумажку, на которой лежал зуб. Зуб как зуб...

— Э, не говорите, пока не прочтете! — воскликнул Николай Михайлович. — Читайте.

Под стеклом лежала этикетка: «Это мой первый заболевший на семидесятилетие зуб. 1969 г. 20. IV. Н. Ревякин».

Николай Михайлович с довольным видом и в то же время с тревогой следил за тем, как у нас вытягиваются физиономии. Оценим ли мы его «экспонат» по достоинству?

Мы оценили. Мы хохотали так, что Николай

Николай Михайлович
Ревякин

Михайлович от испуга или изумления едва не выронил свой «драгоценный экспонат».

— Опять им смешно, — с трудом удерживая улыбку, пробурчал Николай Михайлович. — Ишь, какой смешливый нынче пошел народ! Ну так я вас огорчу теперь: никакие суда к другому берегу Ольхона не пристают. И будете вы сидеть в Хужире до прихода «Комсомольца». Ага, почему не смеетесь?

3.

Предсказание Ревякина сбылось — с Ольхона мы уехали на «Комсомольце» следующим рейсом. Давно уже наши товарищи ушли на Фролиху, и может, уже поймали царскую форель... «Ничего, — бодро утешал Глеб. — Догоним. Что, у нас ног нет? Найдем их, не надо волноваться...»

А «Комсомолец» неторопливо дымил от одного берега Байкала к другому. Онгурены, Усть-Баргузин, Давша — знаменитый соболиный заповедник, Байкальск и, наконец, Хакусы, откуда нам предстояло идти на Фролиху.

«Комсомолец» — пароход солидный, якорь бросает только на рейде, а на берег пассажиров свозят в шлюпке. Когда погода хорошая, прокатиться по голубой глади — одно удовольствие. Но можно себе представить, что испытывают пассажиры в этой уютной шлюпке в шторм!

В Хакусы пароход пришел под вечер, и нам предстояла ночевка на берегу Байкала. А ночевать на берегу Байкала, мы это уже знали по рассказам бывалых путешественников, даже у костра, удовольствие малоприятное. Днем тонкий белый песок прогревается солнцем до тридцати градусов. Но зато ночью остывает до температуры байкальской воды, то есть до восьми. А еще туманы, сырость...

Кто-то из остряков нам посоветовал: в Хакусах есть горячие источники, располагайтесь на ночевку в бассейне. Шутка шуткой, но надо познакомиться с этим горячим бассейном.

Тропка вывела нас на поляну, посреди которой в ряд выстроились деревянные дома. Скамейки, волейбольная площадка...

Так это и есть курорт Хакусы! Единственный, уникальный — каких только эпитетов нам не говорили об этом курорте еще в Иркутске! Но сейчас в домах пусто, тихо. Я заглянул в одно из окон: ряды коек с белоснежными подушками, белыми простынями и пушистыми одеялами. Все готово к приему больных.

Мы миновали поляну и стали спускаться вниз, в ложбину, откуда с каждым шагом все яснее доносился шум воды и запах влажного, пропитанного испарениями воздуха. Вдруг тропа вильнула в сторону и открылся еще один дом — длинный, приземистый, как потом мы выяснили, ванный корпус. В нем пять ванн — настоящих, белых, эмалированных, что уже само по себе вызывало удивление: как, откуда здесь, в глухой тайге, оказались эти ванны?

К зданию подходил деревянный желоб, над которым курился пар. Пар курился над всей поляной, усеянной крупной галькой. В дальнем конце поляны — колодец с крышкой, а чуть поближе — небольшой, огороженный досками бассейн, через который протекает горячий ручей. К нему-то мы и направились.

Купаться в этом бассейне — одно наслаждение. Но упаси вас бог пробыть в нем больше десяти минут! Тело становится вялым, тяжелым, а ноги подкашиваются...

— Эге! Туристы! — вдруг донеслось от ванного корпуса. — Не залеживайтесь, вытаскивать вас некому!

Мы вылезли, чувствуя себя отдохнувшими и обессиленными одновременно. Оделись, подошли к высокому, худощавому мужчине в шапке и телогрейке, представились.

— А, — обрадовался незнакомец. — А я думал, что туристы. Беда прямо с ними! Как до-

рвутся до бассейна — пластом лежат. С этой водой ведь шутки плохи. Но какая вода!

Так мы познакомились с Николаем Лаврови-чем Яковлевым — бесменным строителем, бес-менным хранителем и завхозом курорта.

— Лет пятнадцать назад сюда заглядывали только охотники, — обвел рукой Николай Лавро-вич поляну. — Купались, отдыхали, а кому надо было — и лечились. Вот мы и решили построить здесь дома, пригласить больных. Но где взять лес? Среди леса и нет леса, — усмехнулся он. — Но это правильно, что нам не разрешили рубить здешний лес. Будет, я верю, будет когда-нибудь здесь всесоюзная водолечебница не хуже Ессентуков. Вода-то не хуже!

Бревна мы сюда перевозили из Томпы — за двадцать километров. Когда-то там был поселок. Разбирали дома по бревнышку и тащили по льду, через горы... Что вспоминать об этом! Построили ведь, а теперь вот не могу найти хорошего хозяина курорту. Сначала хозяином числился Нижне-Ангарский райздравотдел, собирались даже передать курорт в подчинение Министерству здравоохранения Бурятии, а превратили в водолечебницу райбольницы. А какие деньги у боль-ницы, — махнул рукой Николай Лаврович. — Заин-тересовалось бы Хакусами Министерство здра-воохранения СССР — вот это да! Это был бы хо-зяин. А то что — больница...

А вы бы приехали сюда в марте. Вся эта по-

ляна с горячими ручьями покрыта инеем. Сказка! Тончайшие кружева покрывают все — деревья, колодец, бассейн... Бассейн-то не замерзает! Эх, хорошего бы хозяина сюда! Зимой корпуса можно отапливать этой же водой... Вот ночью долж-ны приехать первые больные. Ждем, видите, — кивнул он на открытые двери в ванный кор-пус, — моем, чистим...

Солнце уже садилось, и вся поляна, пропи-танная влажным воздухом, окутанная парами, тонула в синих сумерках. Тишина, только шумят по гальке ручьи. Вокруг, я знаю точно, на де-сятки километров ни души, и не скоро сюда пробьют дорогу люди, не скоро здесь вырастут многоэтажные корпуса всесоюзного курорта, о котором так страстно мечтает этот пожилой че-ловек, пятнадцать лет отдавший мечте, своими руками расчищавший лес и возводивший дома. Пятнадцать лет, невзирая на трудности, перед которыми мог отступить человек даже с желез-ными нервами, Николай Лаврович упорно проби-вал дорогу своей мечте. Курорт работает только два месяца в году, остальное время дома и ме-бель остаются беспризорными — не будешь же вывозить каждую осень все в Нижне-Ангарск. Да и как вывезешь, на чем? Единственное сред-ство сообщения — катера. И гниет беспризорная мебель, рассыпаются полы и крыша в ванном корпусе, растаскивают охотники по заимкам кро-вати и стулья. Но приходит весна, и снова в Хаку-сах появляется Яковлев, снова чинит крыши, сно-ва собирает со всех таежных заимок мебель, и снова ждет, волнуется, когда приедут на его ку-рорт первые больные.

В ту ночь мы не спали. Сидели у костра, слу-шали рассказы туристов, отправляющихся отсю-да, из Хакусов, на Баргузинский хребет. И вдруг в полночь у костра появился Яковлев. Я поднял-ся, подошел к нему:

— Не спится?

— Да вот, пароход жду. Больные должны приехать. Тридцать мест приготовили, столовую пустили...

«Комсомолец» на обратном пути пришел во втором часу ночи. Штурман пошарил прожекто-ром по берегу, нашел Яковлева и в мегафон прокричал, что пассажиров для него, Яковлева, на судне нет.

— Вот, опять не приехали, — грустно сказал Николай Лаврович. — Боятся, что ли? Тайга, мол, дикое места... Так курорт же здесь! Курорт! — чуть не с отчаянием в голосе сказал Яковлев, и, не прощаясь, быстрым шагом ушел в темноту. И уже оттуда, из темноты, прокричал: — Прихо-дите утром, отправлю вас до бухты Ая на кате-ре! Катер пойдет за дровами!

Уснули мы только на рассвете, когда напозн на берег Байкала из глубины леса, от поляны с горячими ручьями, теплый туман. Уснули прямо у костра и все время ворочались, подставляя огню то спину, то бок,

Николай Лаврович Лебедев

4.

Яковлев сдержал слово — посадил нас на катер. «Оттуда, от бухты Аяя, до Фролихи недалеко — часа три ходу. Так что к вечеру будете у своих», — попрощался он с нами.

Но до бухты Аяя мы не доплыли. Александр Павлович Котов — снабженец, заготовитель дров и хозяин катера, усмехаясь, стал рассказывать о том, как чудаки-туристы, не зная хорошей дороги на Фролиху, прутся он бухты Аяя, набивают себе кровавые мозоли на горных тропах и клянут на чем свет Байкал со всеми его красотами.

— А разве есть другая дорога?

— Хо! Да мы никогда на Фролиху не ходим от Аяя. По Бирее — вон она! Вдоль по бережку — красота одна. И всего двенадцать верст. А тропка какая! Ущелье, снежники, ягоды... Да что ягоды! Кабаргу можно встретить — ведь места-то дикие, медведя чаще встретишь, чем человека. Ну так что — высаживать на Бирее?

— О чем разговор! — с энтузиазмом воскликнул Глеб. — Раз тут медведей больше, чем туристов...

Мы разулись и прыгнули в обжигающую холодом воду.

— Так и идите по правому берегу Бирей! — прокричал на прощание Котов. — Топайте!

И мы потопали. И долго потом, до самого привала у меня в ушах гремел его насмешливый голос: «Топайте! Топайте!»

Лес вокруг стоял сплошной стеной, только едва заметная тропка, неизвестно кем и когда протоптанная, говорила о том, что люди по этой глухой тайге все же ходят. Тропка петляла, обегая буреломы, камни величиной с хороший дом, в незапамятные времена свалившиеся с горных склонов, и вела нас все выше и выше, к снежникам. Но чем выше мы поднимались, тем выше над нами вздымались горы.

Тропа то и дело терялась в высокогорных

Хакусы

болотах, мы возвращались, бреги наугад, находили ее, снова теряли, и к вечеру поняли, что Котов нас бессовестно надул. Его двенадцать верст обернулись уже двадцатью, а никакой Фролихи и не предвиделось.

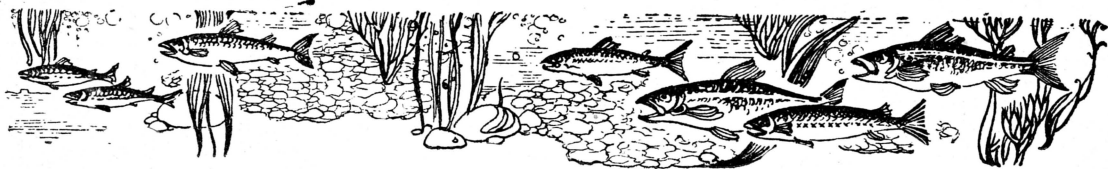
Перевал. Сердце колотится где-то у горла. Едкий соленый пот заливает глаза, но вытирать пот некогда — скорей через перевал, пока еще солнце не скрылось окончательно за вершинами. Сверху, от снежников, до которых рукой подать, потянуло холодом и сразу же мокрые рубашки, казалось, заledenели. Но останавливаться нельзя, скорей, скорей!

Еще перевал. А солнце уже наполовину ушло за вершину. Холодный вечерний воздух звенит от комаров и мошки. Но отмахиваться некогда. Да и руки заняты: в одной палка, а другой надо придерживать кинокамеру. Где же Фролиха?

И вдруг, когда уже, казалось, кончились все силы, когда, казалось, еще шаг и свалишься замертво прямо на камни, в узком просвете между двух горных кряжей тускло блеснула фиолетовой гладью вода. Фролиха!

Мы видели озеро секунды две-три, не больше. Угас последний луч, и фиолетовая гладь растворилась в густых сумерках. Но мы уже зна-

ли, что дошли. Мы только не знали, что вышли совсем к другому берегу озера.

Теперь с перевала вниз. Ноги скользят, то и дело приходится хвататься за ветки, садиться на что придется и вниз, вниз, где все гуще и чернее становится тайга.

И вот берег. У наших ног лежало озеро — тускло мерцавшее и загадочное, с пустыми тихими берегами, уходившими вверх до облаков. И только далеко-далеко на противоположном берегу мерцали огоньки костров.

— Вон они! — закричал Глеб. — Поднажмем, совсем близко. Покричим?

Покричали. Наши голоса вспугнули какую-то ночную птицу и заглохли в прибрежных зарослях.

— Значит мы вышли к противоположному концу Фролихи, — сказал Глеб, и впервые за восемь дней похода в его бодром голосе прозвучали грустные нотки. — Но мы будем идти, пока совсем не стемнеет.

И мы пошли. Берег озера представлял собой

Мыс «комсданта»

то непроходимую чащу, и мы вынуждены были спускаться к самой кромке воды, то вдруг перед нами вырастали гигантские завалы камней, и мы лезли вверх, на скалы.

Мы застряли на какой-то скале, откуда с огромным трудом можно было спуститься к воде. Страшно хотелось пить, но еще больше — спать. Развели костер, согрели чай. Пока грелся чай, вокруг нас ночь сгустилась до такой непроглядной темени, что в двух шагах от костра ничего не было видно.

Спать решили во мху. Мох, устилавший скалы, был толстый, сухой и даже теплый на ощупь. Мох нам стал периной, мохом мы и укрылись, а на головы натянули куртки и вороты свитеров. Однако комары находили щели даже в свитерах. И через час, опухшие от комариных укусов, мы уже по очереди сидели у костра. У костра все-таки теплее, и комары в дым не лезут.

— Вот почему так мало людей видело даватчана, — философски заметил Глеб где-то уже на рассвете. — Котов всех направлял по медвежьей тропе.

Но встало щедрое теплое солнце, ослепительно засверкали снежинки, сползавшие в озеро из-под облаков, лазурью засветилась легендарная Фролиха, и забыты полчища комаров, холод и разбитые в кровь ноги.

Фролиха меняла свой цвет ежесекундно: от темно-синего до нежно-голубого. И ни морщинки не было на этом роскошном драгоценном полотне, раскинувшемся между трех сходящихся звездой ущелий.

— Вон там, на мысу, мы и видели ночью костры. Километра три-четыре, не больше. Час-полтора, — подсчитал Глеб. Я согласился: да, три-четыре, не больше.

Однако эти три-четыре километра мы шли шесть часов, преодолевая гигантские курумники — хаотическое нагромождение камней, кедровый стланик и буреломы.

Кинокамеру несли поочередно. Это был самый неудобный груз. Камера цеплялась за ветки, камеру страшно было стукнуть о камень, мы ее берегли пуще своих глаз — там, в футляре, вместе с камерой были пленки.

В конце концов Глеб выругался и заявил, что он больше прыгать по курумникам не будет. Он лучше пойдет бродом по воде вдоль берега. К черту Фролиху!

Он смело вошел в воду, на втором камне поскользнулся, от удара футляр кинокамеры раскрылся и все, что было в футляре, высыпалось в воду. Это был конец: погибла почти вся отснятая кинопленка.

Глеб выловил со дна камеру, фотоэкспониметр, пленки в кассетах, все это выложил на траву и сбегал, оставив меня у «разбитого корыта». «А ты думал, так просто увидишь даватчана?» — крикнул он уже из чащи.

Безучастный и равнодушный ко всему на свете, лежал я посреди разобранной на куски кинокамеры. Тишина, зной и надсадный комариный звон. И вдруг я отчетливо услышал стук мотора. Моторная лодка? Невероятно, померещилось. Здесь, на Фролихе? Галлюцинации.

Однако стук мотора нарастал, теперь он уже заглушал комариный звон, и через полминуты я увидел, как из-за мыса выскочила крошечная лодка. Это было настолько поразительным зрелищем, что я дважды протер глаза. Нет, лодка, весело тарахтя мотором, продолжала плыть посреди озера. «Видимо, геологи забросили вертолетом», — решил я и ошибся.

5.

Лодка принадлежала «коменданту Фролихи» Лене Устюжанину. Комендант — это, разумеется, не по штату, вряд ли вообще найдешь такую должность — комендант озера. А Лене Устюжанину такое звание присвоили туристы, и это звание было не менее важное, чем его должность техника гидрологической экспедиции.

Впервые Леня на Фролиху попал четыре года назад и был потрясен ее красотой. И так случилось, что уже в первый свой приезд Леня вынужден был эту красоту защищать.

О фролихинском даватчане легенд ходит много, но как его ловить, когда и где — никому не ведомо. Чаще всего даватчан попадает в глупости осенью, скатываясь в озеро, видимо, на зимовку. Но на поверхность даватчан не поднимается, предпочитая жить на большой глубине. Проще всего достать его оттуда, из глубины (если он, разумеется, там есть) взрывчаткой. Вот с такими-то любителями острых приключений и вступил «комендант» Леня Устюжанин в трудную борьбу. Но скоро понял: без лодки за всеми не уследишь, а с каждым годом на Фролиху приходит все больше и больше туристов и рыбаков. Одни честные — ловят удочками, спиннингами и удовлетворяются окунями, а другим непременно нужен даватчан.

Моторную лодку Леня тащил волоком по речке Фролихе. Двадцать пять километров по шиверам и бешеным перекатам. Где с риском для жизни на моторе, а где просто на бечеве, метр за метром протаскивая тяжелую моторку через камни и пороги. А потом из бухты Аяя, куда ему подбрасывали на катерах продукты и бензин, на себе нес через перевал тяжелые канистры. Но

Леня Устюжанин

теперь он был на Фролихе хозяином! Теперь от него не мог укрыться ни один браконьер.

Миновать «коменданта Фролихи» просто невозможно. Его палатка стоит на самом видном месте — на мысу, далеко вдающемся в озеро. Оттуда видно все. И оттуда, как правило, все, кто приходит на Фролиху, переправляются на другой берег. Переправляются на плотках или на той самой лодке, которую протащил по шиверам «комендант».

Разговор с «комендантом» всегда короткий: «Даватчана» приехали посмотреть? Если узнаю, что привезли взрывчатку...» И Леня выразительно поднимал со дна лодки двустоволку. «Передайте всем, кого увидите здесь: Фролиха — заповедник. Ясно?»

И мы не избежали знакомства с «комендантом». «Комендант» оказался добродушным парнем, никак не верилось, что именно о нем с таким почтением и уважением говорят туристы: «Ну, если «комендант» узнает, что у тебя в рюкзаке есть...»

— Вот все считают, что главное чудо на Фролихе — даватчан, — говорил Леня. — А никто из этих горе-путешественников не догадывается, что главное чудо здесь — вовсе не царская форель, а само озеро. Вы понимаете, Фролиха —

это сам Байкал в миниатюре. Все, что творится на Байкале — изменение климата, воздушные течения, температурные колебания воды — все это как на микрофотографии повторяется на Фролихе. Мы уже нашли алгоритмы, поправочные коэффициенты для расчета на электронно-счетных машинах, если можно так выразиться, «здоровья» Байкала. Все данные, которые регистрируют вот эти приборы, — показал Леня на гидрометеостанцию рядом с палаткой, — обрабатываются на ЭВМ и по ним можно давать прогноз по Байкалу. Вот почему важно, чтобы Фролиха осталась в своем первоизданном виде. А даватчан — что: рыба как рыба...

Но тут «комендант Фролихи» явно лукавил. Даватчан и в самом деле оказался не только царской, но и загадочной рыбой...

Крупнейший знаток Байкала академик Л. С. Берг одним из первых обратил внимание на эту загадочную рыбу. В своей книге «Климат и жизнь» он писал, что из 34 видов рыб, населяющих Байкал, половина эндемична, то есть в других озерах и реках не встречается. «Эндемичные виды можно разбить на две группы, — писал Берг. — К одной из них принадлежит даватчан, байкальский омуль и сиг... Первый, как и *Salvelinus*...¹ в озерах Ладожском, Онежском, озерах Финляндии, Швеции, Швейцарии является остатком ледникового времени. В эту эпоху, отличавшуюся более низкой температурой, возможно было распространение далеко к югу многих арктических форм. Таким образом, академик Берг, поставив фролихинского даватчана, который хоть и не встречается сейчас в Байкале, но все равно относится к его фауне, в один ряд с ладожским *Salvelinus*..., впал в противоречие с самим собой, ибо в том же труде «Климат и жизнь» решительно отверг гипотезу о морском происхождении байкальского животного мира: «Итак, мы полагаем, что фауна Байкала складывается: 1) из форм, выработавшихся в самом Байкале в течение долгого его существования; 2) из остатков верхне-третичной субтропической пресноводной фауны Сибири и, может быть, Центральной Азии».

Но как же быть с тюленем, появление которого в Байкале другой видный исследователь И. Д. Черский объяснял переселением через Енисей из Ледовитого океана в ледниковую эпоху, когда Ангара была многоводнее? «Такой же образ мы должны допустить и для ряда других представителей морской фауны этого озера», — писал Черский в 1886 году.

¹ Северный арктический даватчан.

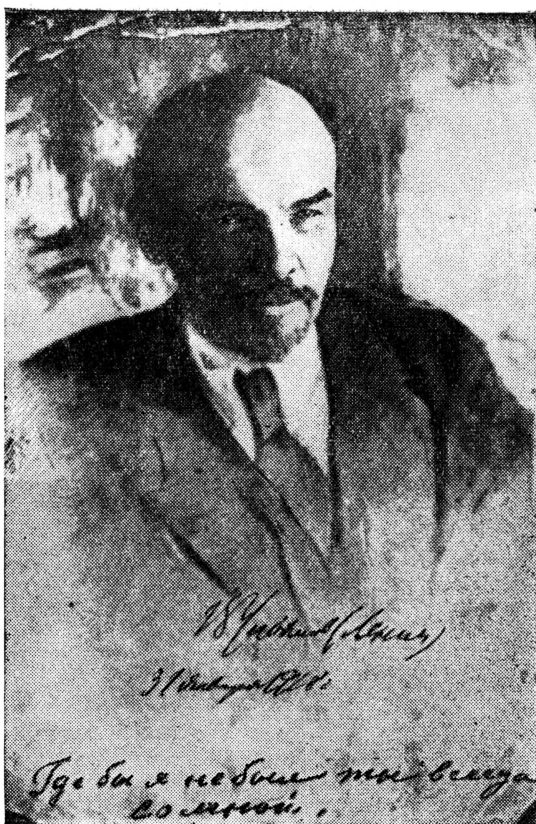
Однако с Черским не согласен Н. И. Андрусов, который морской характер фауны Байкала объяснял конвергенцией, то есть сходством, выработанным длительной эволюцией. «Постепенное приспособление к озерным условиям жизни, до известной степени подобным морским, должно было повлечь за собой появление организмов, подобных морским», — такова гипотеза профессора Андрусова.

Спор о происхождении байкальских рыб и животных, затянувшийся на сто с лишним лет, не решен до сих пор. Большинство ученых склоняется к гипотезе академика Берга: «Нет оснований приписывать фауне Байкала происхождение из Ледовитого океана...» За исключением, может быть, тюленя Черского и одного-двух моллюсков. Да еще — даватчана. Как и откуда он попал в Байкал: из Арктики, из субтропических озер Центральной Азии? Скорее всего, из горных озер. Но... в прошлом году ихтиологи Лимнологического института обнаружили даватчана (почти фролихинского!) в Заполярье, у самого Ледовитого океана, в Краснодарском крае. Итак, как же даватчан попал в голубую Фролиху? «По медвежьей тропе», — решительно заявил Глеб, метр за метром стравливая капроновую леску.

Минута шла за минутой, час прошел, второй, солнце уже ушло краем диска за Баргузинский кряж, мы уже стали потихоньку сворачивать снасти... «Есть!» — закричал Глеб, отбрасывая моталку и руками выбирая леску. И в то мгновение, когда из темно-зеленой глубины вынырнула небольшая, размером с селедку, серебристая рыба, я разочаровался: так это и есть царская форель? Но когда я взял даватчана в руки и повернул его боком к закатному солнцу, то был поражен феерическим зрелищем — множество красных, синих и зеленых точек покрывали его серебристую чешую.

Да, ради только одного этого мгновения стоило еще раз пройти «медвежьей тропой». Но потом, спустя пять дней, когда мы простились с Байкалом и Фролихой, я подумал: а не прав ли Леня Устюжанин? Рыба как рыба... Иначе почему память бережно хранит не пестрый калейдоскоп даватчановой чешуи, а лукавое с хитрым прищуром лицо ольхонского учителя, знающего свой остров лучше родного дома, сурового завхоза байкальского курорта, по ночам встречающего каждый пароход, на котором могут приехать больные, и, наконец, доброго и беспощадного «коменданта Фролихи»...

Фото автора

«ВО ВСЕХ ПОХОДАХ, НА ВСЕХ ФРОНТАХ»

Эта открытка с портретом В. И. Ленина была сделана в 1918 году по фотографии известного петроградского фотохудожника Михаила Наппельбаума. На одном из снимков Владимир Ильич оставил свой автограф.

На этой открытке под ленинским автографом мы видим слова: «Где бы я не был, ты всегда со мной». Они принадлежат рядовому бойцу революции Николаю Рыбакову. Трудными дорогами гражданской войны прошел он от Урала до Владивостока, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. На обратной стороне открытки появились новые записи. Вот одна из них: «Эту карточку я хранил при себе во всех походах, на всех фронтах; во время боев и отдыха; в тайге, в степи, в поездках, на позициях с 1919 года».

Николай Иванович Рыбаков — уралец. Он умер в 1953 году. Его дорогая реликвия хранится в нашем музее. Но, к сожалению, мы очень мало знаем об этом человеке. Может быть, читатели «Уральского следопыта» помогут нам?

Л. МЕЖЕННАЯ

ДРУГ ЛЕНЬКИ — СЫНА АРТИЛЛЕРИСТА

В прошлом году в десятом номере «Уральского следопыта» ребята из Львовской области рассказали о том, как они нашли живых героев поэмы Константина Симонова «Сын артиллериста». Иван Алексеевич Лоскутов — Ленька на встрече со следопытами вспоминал: «Я взял радиостанцию, двух разведчиков, проводника из пехоты и под покровом ночи отправился на указанную высоту...»

Кто эти два разведчика? Такой вопрос задал, выступая по Всесоюзному радио писатель Николай Букин, собиравший материал для книги «Они с Рыбачьего». Один из разведчи-

ков — ныне подполковник запаса Георгий Марков — нашелся в Тамбове. Позже всех пришло сообщение от второго разведчика — Мехоношина.

Вот как это произошло. Выступление Н. Букина услышала работница райпотребсоюза города Верещагино Пермской области Нина Григорьевна Мехоношина. «Может быть, это про моего отца говорят? Ведь он воевал на Севере», — подумала она и поехала в село Сепыч, где Григорий Фокеевич Мехоношин преподавал в школе географию.

В этот же вечер Мехоношин написал Николаю Букину письмо. Через несколько дней в да-

лекое уральское село пришел ответ.

«Григорий Фокеевич! Дорогой мой однополчанин! Если бы ты знал, как я рад, что ты жив и здоров! Четверть века прошло, как разошлись наши военные пути-дороги. И вот мы снова можем писать друг другу и встретиться, а встретимся мы обязательно!»

Многих «рыбачинцев» мне удалось разыскать за эти долгие годы, обо всех вас и будет моя книга «Они с Рыбачьего».

Н. БУКИН.»

Ю. ОСТАНИН 29

Телеграфные столбы

Столбы,
Гудящие провода...
Идут по селам, по городам.
Время проходит.
Текут года.
Вести текут по проводам.

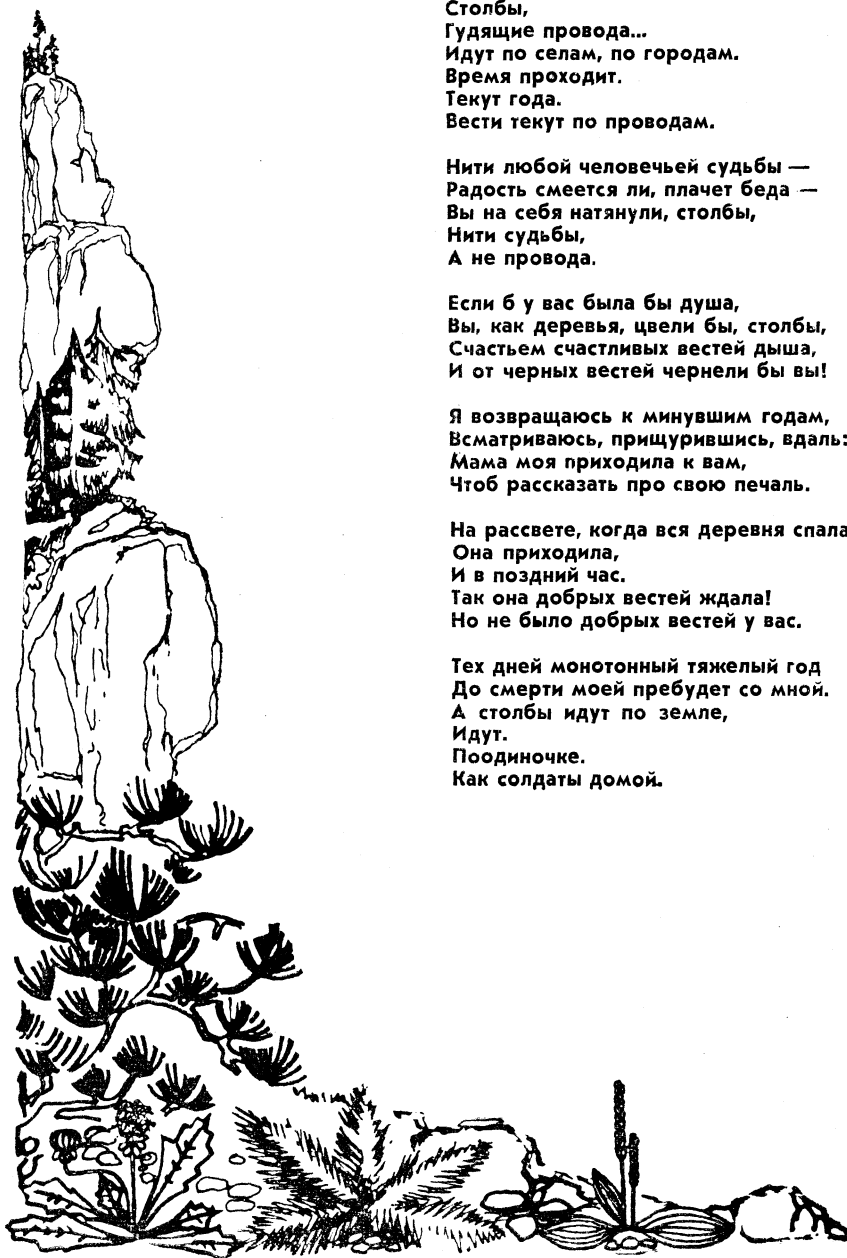
Нити любой человеческой судьбы —
Радость смеется ли, плачет беда —
Вы на себя натянули, столбы,
Нити судьбы,
А не провода.

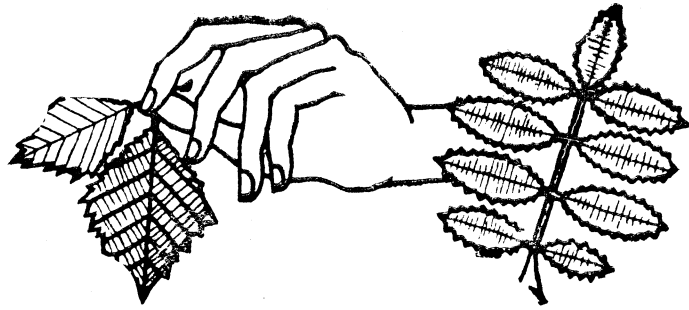
Если б у вас была бы душа,
Вы, как деревья, цвели бы, столбы,
Счастьем счастливых вестей дыша,
И от черных вестей чернели бы вы!

Я возвращаюсь к минувшим годам,
Всматриваюсь, прищурившись, вдаль:
Мама моя приходила к вам,
Чтоб рассказать про свою печаль.

На рассвете, когда вся деревня спала,
Она приходила,
И в поздний час.
Так она добрых вестей ждала!
Но не было добрых вестей у вас.

Тех дней монотонный тяжелый год
До смерти моей пребудет со мной.
А столбы идут по земле,
Идут.
Поодиночке.
Как солдаты домой.

* * *

Коль ты счастлив, не кричи об этом,
не горлань о том до хрипоты.
Мир твой,
Озаренный резким светом,
Для другого полон темноты.
Коль ты счастлив — пусть услышит сердце
Боль других
(И ты ее стерпи!),
Дрожь людей, которым отогреться
Негде в снеговой глухой степи.
Коль ты счастлив — чутким стань и зрячим,
Разгляди, что мир устроен так:
Каждый полдень за спиною прячет
Непроглядный полуночный мрак.
Сытый, вспомни о сгоревшем хлебе,
О травой заросшей борозде,
И когда звезда взойдет на небе,
Вспомни о погаснувшей звезде.
Дверь не запирай в часы ненастья!
Не забудь в жару полить цветы!
Если ты считаешь, что ты счастлив —
Не кричи о том до хрипоты...

* * *

Тоска по Уралу

Берег моря. Скалистый мыс.
А земля моя далека...
Поднимаются облака —
Молодой бродящий кумыс.
И в тоске по земле моей
Я над Черным морем стою.
Не к чему мне и пять морей,
Мне бы только Дёму мою.
Средь всего изобилья земли,
Среди всех этих южных чудес
Я тебя различаю вдали,
Мой зеленый Чишминский лес!
Вижу я гусей караван,
Вижу гор бирюзовый венец,
В камышовых долинах туман,
Белый-белый, как стадо овец.
Край, что грел меня в лютый мороз,
Ни крупинки тепла не тая.
Там из пролитых мною слез
Поднималась радость моя.
Я могу укрыться травой,
Я могу и на камне спать —
Только б знать: этот камень — мой,
И трава моя,
Только б знать.

В природе красоту ищу,
Чтоб подарить тебе.
И радуюсь, а не грущу,
Лес видя в сентябре.
Багряно-алою листвою
Горит он горячо,
Он так красив и... значит твой!
А что, скажи, еще!
Быть может, тихий свет берез!
Вишневый первый цвет!
А может, принести тех слез,
Что обронил рассвет!
Чтоб жизнь твоя была легка —
Я так тебя люблю —
Возьму у неба облака
И в ноги постелю.
Всю красоту, что разыскал,
Дарю тебе, любя.
А мне бы — только силу скал,
Чтоб защищать тебя.

Перевел с башкирского
Евг. ХРАМОВ

жюль Верн

РОМАН

Перевод Н. Брандис
Рисунки Е. Стерлиговой

**Глава семнадцатая,
в которой ружье учителя танцев Тартелетта
поистине творит чудеса**

Вдруг у Годфри вырвался такой отчаянный крик, что танцмейстер подскочил на месте. Вне всякого сомнения, туземцы узнали о присутствии на острове людей: флаг, развевавшийся на мачте флагпункта, исчез!

Нельзя было медлить с выполнением задуманного плана — отправиться на разведку, чтобы выяснить, здесь ли еще туземцы и что они делают.

— Итак, в путь! — сказал Годфри своему компаньону.

- В путь? Но... — прошептал Тартелетт.
- Может быть, вы предпочтете остаться?
- С вами, Годфри, да!
- Нет, без меня.
- Быть одному! Ни за что на свете!
- Тогда пошли!

Прекрасно понимая, что Годфри не отступится от своего плана, Тартелетт решил все же сопроводить его.

Перед тем, как отправиться в путь, Годфри еще раз проверил оружие, зарядил оба карабина и один вложил в руки Тартелетта, который поглядел на ружье с таким растерянным видом, словно какой-нибудь абориген Помоту, впервые увидев-

ший незнакомую вещь. Кроме того, бедняге пришлось привесить к поясу патронташ и охотничий нож. В последнюю минуту он надумал захватить с собой еще и карманную скрипку, надеясь, должно быть, улаживать дикарей ее скрипучими звуками, но Годфри отговорил его от этой затеи.

Было около шести часов утра. Верхушки секвой поблескивали под первыми лучами солнца.

Годфри приоткрыл дверь и вышел из дупла, чтобы осмотреть окружающую местность.

Царила полная тишина.

Животные уже паслись в прерии, не более чем в четверти мили от Вильтри. Видно было, как они спокойно щиплют траву, ничто в их поведении не обнаруживало ни малейшей тревоги.

Годфри подозвал к себе Тартелетта. Учитель танцев нерешительно подошел, обремененный своим оружием.

Тогда Годфри плотно закрыл дверь и, убедившись, что она полностью слилась с корой дерева, набросал вокруг кучу веток, а сверху привалил несколько больших камней. Затем он направился к речке, чтобы, в случае необходимости, спуститься по берегу до самого устья.

Тартелетт плелся сзади, озираясь по сторонам. Сидеть одному в дупле было бы еще страшнее, и он изо всех сил старался не отставать.

Дойдя до лужайки у больших секвой, Годфри остановился, вытащил подзорную трубу и стал с напряженным вниманием вглядываться в каждую точку на берегу от мыса флагпункта до северо-восточного угла острова.

Ни одно живое существо не попадало в поле зрения, и не видать было ни малейшего дымка, который указывал бы на стоянку туземцев.

Конец мыса также был совершенно пустынным, хотя на нем и виднелись многочисленные следы босых ног. Да, Годфри не ошибся: мачта стояла на том же месте, а флаг исчез! Очевидно, туземцы, прельщенные красным цветом, сорвали полотнище и возвратились к своей пироге, укрытой в устье речки.

Годфри окинул взглядом западное побережье. От флагпункта до Дримбея все было пусто и безлюдно. Пустынной была и водная гладь — никакое судно не бороздило поверхности моря. Значит, если туземцы продолжали двигаться вдоль берега на своей прае, то теперь они должны были скрыться от взора среди береговых скал.

Годфри мучила проклятая неизвестность. Во что бы то ни стало он хотел выяснить, находятся ли еще незваные гости на острове или убрались восвояси. Хочешь-не хочешь, нужно было дойти до того места, где они высадились накануне, — прокрасться к бухте, образованной устьем реки.

На ее берегах, на протяжении двух миль, склонились к воде зеленые купы деревьев и тянулись заросли кустарника, а дальше, на пятьсот-шестьсот ярдов, оставалось свободное пространство, с открытыми до самого моря берегами. Характер местности позволял, таким образом, незаметно приблизиться к устью, если только туземцы не поднимутся вверх по реке. Во избежание неожиданностей нужно было действовать очень осторожно.

Но вряд ли в столь ранний час туземцы, уставшие от вчерашнего длинного перехода, успели уже покинуть свой лагерь. Скорее всего, они еще спят в пироге или рядом с ней на земле. В таком случае, подумал Годфри, их можно будет застигнуть врасплох.

Только не надо торопиться! В присутствии возможного противника важнее всего остаться незамеченным. Преимущество на стороне нападающего. В более выгодном положении тот, кто делает первый выстрел. Проверив курки карабинов и револьверов, Годфри и Тартелетт стали спускаться по левому берегу речки.

Все было спокойно. Тишину раннего утра нарушали лишь птицы, безмятежно порхавшие среди деревьев, с берега на берег.

Годфри шел впереди, а спутник его тащился сзади, понуря голову и, видимо, выбиваясь из сил. Они миновали подлесок и выбрались на открытую местность, поросшую высокой травой, которая, однако, скорее могла выдать присутствие человека, чем густой кустарник, окаймленный деревьями. На этом участке приходилось продвигаться с крайней осмотрительностью. Малейшая оплошность, и в голову полетят камни и стрелы! Но учитель танцев, как назло, несколько раз спотыкался, несмотря на предостережения Годфри, и падал со всей своей амуницией; при этом он пытел, отдувался и производил столько шума, что был для Годфри только обузой. Как он раньше не догадался оставить его в Вильтри или укрыть где-нибудь в лесу! Но теперь было поздно об этом думать.

Прошел уже час, как наши Робинзоны поки-

нули гигантскую секвойю. Они проделали большую часть пути, не обнаружив пока ничего подозрительного.

Годфри остановился, окинул взглядом прерию. Речка несла свои мелкие воды среди открытых песчаных берегов. Нигде никаких признаков пришельцев... Конечно, нельзя было не учитывать и того, что туземцы, зная теперь о присутствии на острове людей, сами, вероятно, приняли меры предосторожности. Вполне возможно, что тем временем, пока Годфри с Тартелеттом шли берегом вниз по течению, незваные гости могли подняться вверх по реке, могли засесть тут же неподалеку в миртовых и мастиковых зарослях, могли бродить по лесу или устроить засаду.

Странная черта характера: по мере того, как они продвигались вперед, не встречая «свирипых» дикарей, Тартелетт мало-помалу успокаивался, избавляясь от своих страхов, и даже начинал отзывать с пренебрежением об этих «смешных людоедах». Годфри же, наоборот, все больше и больше беспокоился и, перейдя с открытого места в лесок, удвоил предосторожности.

Прошел еще час. Берега снова обнажились. Их покрывали только небольшие заросли кустарника. Ветер пригибал траву, указывая на близость моря. В таких условиях трудно было укрыться. Ничего не оставалось, как лечь плашмя и продвигаться ползком. Годфри так и сделал, предоставив Тартелетту последовать своему примеру.

Но тому не хотелось ложиться на землю.

— Дикарей больше нет! Людоеды ушли! — возражал учитель танцев.

— Они здесь, — тихо и решительно сказал Годфри. — Они должны быть здесь, — повторил он. — Ложитесь на живот, Тартелетт! Живее, живее, и будьте готовы в любую минуту спустить курок! Но следите за мной и не стреляйте без моего приказа!

Годфри произнес это таким суровым голосом, что ноги танцмейстера подогнулись сами собой, и он оказался в требуемой позиции.

И хорошо сделал.

Годфри, действительно, имел все основания говорить так настойчиво.

С занятой им позиции не видно было ни берега моря, ни устья речки — кругозор закрывала возвышенность, находившаяся не более, чем в ста шагах. Но за этим замкнутым горизонтом, из-за гряды холмов, поднимался в синем небе густой столб дыма.

Лежа на траве и приложив палец к спусковому крючку карабина, Годфри терпеливо выжидал.

«Третий раз, — говорил он самому себе, — я вижу на острове дым. Не значит ли это, что туземцы уже высаживались и разводили костры на северной и южной стороне острова? Нет, это невозможно! Ведь я ни разу не находил никаких следов — ни углей, ни пепла! Но сейчас я узнаю, что здесь происходит, и тогда решу, как поступить!»

Сделав несколько скользящих движений, которые тут же скопировал Тартелетт, Годфри добрался до возвышенности, откуда легко было наблюдать за той частью морского побережья, где речная излуцина непосредственно примыкала к устью.

Юноша едва удержался от крика. Опустив руку на плечо учителя танцев, он дал ему понять, что дальше двигаться нельзя. Тартелетт замер, уткнувшись головой в землю, а Годфри увидел все, что ему хотелось видеть...

На берегу, среди скал, пылал громадный костер, посылая к небу черные клубы дыма. Вокруг огня ходили те самые чернокожие туземцы, что прибыли вчера на остров, и непрерывно подбрасывали топливо, сложенное рядом в большую кучу. Неподалеку от них колыхалась на волнах привязанная к камню пирога.

Начинался прилив.

Годфри, не прибегая к подозрительной трубе, невооруженным глазом видел все, что происходило на берегу. От костра его отделяли какие-нибудь двести шагов. Он даже отчетливо слышал, как трещали в огне сухие ветки. Прежде всего ему стало ясно, что засады можно не опасаться, так как все туземцы были сейчас в сборе.

Из двенадцати человек десять занимались работой: одни энергично поддерживали огонь, другие забивали колья для вертела, как это делают обычно полинезийцы. Одиннадцатый, казавшийся начальником, с важным видом прогуливался по отмели и часто поглядывал в глубь острова, словно опасаясь нападения.

На плечах его Годфри увидел красное полотнище флага, служившее дикарю украшением.

Двенадцатый же сидел на земле.

Легко было догадаться, какая участь грозила несчастному. Вертел и огонь, конечно, предназначались для того, чтобы его изжарить... Выходит, что Тартелетт не ошибся, назвав этих людей каннибалами!

Нельзя было также не согласиться с учителем и в том, что приключения всех Робинзонов настоящих или воображаемых, не отличаются одно от другого. Ведь в самом деле, Годфри с Тартелеттом оказались в том же положении, что и герой Даниэля Дефо, когда на его острове высадились дикари.

Годфри решил брать пример с бесстрашного Робинзона. Нет, он ни за что не допустит, чтобы каннибалы зарезали пленника и насытились человеческим мясом! И вооружен он несколько не хуже, чем Робинзон в эпизоде спасения Пятницы! Два ружья — четыре выстрела! Два револьвера — двенадцать выстрелов! Этого будет вполне достаточно, чтобы подействовать на дикарей, которых может вспугнуть и один выстрел. Придя к такому решению, Годфри стал хладнокровно выжидать момента, когда сможет громогласно заявить дикарям о своем присутствии.

Не прошло и двадцати минут, как начальник приблизился к огню и недвусмысленным жестом указал на пленника своим подчиненным, которые только и ждали его приказаний.

Годфри поднялся. Поднялся и Тартелетт, сам не зная почему. Бедный учитель танцев даже не догадывался, что собирается сделать его спутник, ничего ему не сказавший о своих намерениях.

Годфри, должно быть, представлял себе, что при одном его появлении среди дикарей поднимется паника: либо они бросятся к пирогу, либо побегут врассыпную...

Но не случилось ни того, ни другого. Казалось, они его даже не заметили.

Как раз в эту минуту начальник снова указал на пленника. Трое чернокожих подскочили к нему и потащили к огню.

Это был еще молодой человек. В ожидании близкой смерти он, как видно, решил дорого продать свою жизнь и стал отчаянно отбиваться. Но туземцы скоро с ним справились, повалили на землю, и тут подоспел их начальник с каменным топором в руке, чтобы размоzzжить его голову.

Годфри громко закричал и спустил курок. Пуля просвистела в воздухе и, казалось, насмерть сразила начальника: он упал, как подкошенный.

При звуке выстрела туземцы замерли, словно от удара грома, а те, что держали пленника, невольно выпустили его из рук. Воспользовавшись случаем, бедняга тотчас же бросился бежать в том направлении, откуда явился неожиданный спаситель, на которого с изумлением теперь смотрели все дикари.

В ту же минуту раздался второй выстрел.

Тартелетт нажал на спусковой крючок с зажмуренными от страха глазами и долго потом потирал правую щеку, ушибленную прикладом. Подобной пощечины ему в жизни не приходилось получать! Однако — бывают же такие удачные выстрелы! — он тоже не промахнулся: один из дикарей свалился замертво рядом со своим начальником.

Туземцы потерпели сокрушительное поражение. Быть может, они решили, что их атакует многочисленное враждебное племя и побоялись принять бой? А может быть, их напугал вид белых людей, извергавших громаы и молнии? Как бы то ни было, но чернокожие дикари, подхватив своих убитых или раненых, пустились наутек: вскочили в лодку, изо всех сил стали грести, затем развернули парус и быстро обогнули флагпункт.

Тем временем пленник подбежал к своему спасителю. Сначала он остановился в нерешительности, из страха перед этими высшими существами, затем приблизился к белым людям, опустился перед ними на колени, взял ногу Годфри в свои руки и поставил себе на голову в знак того, что признает себя его рабом.

Можно было подумать, что этот уроженец Полинезии тоже читал «Робинзона Крузо».

Глава восемнадцатая, в которой описывается моральное и физическое воспитание уроженца Полинезии

Годфри поднял несчастного, лежавшего у его ног, и посмотрел ему в лицо.

Этому человеку было лет тридцать пять, не больше. Наготу его прикрывала лишь набедренная повязка. По чертам лица и цвету кожи он напоминал африканского негра. И правда, в нем не было никакого сходства с жалкими аборигенами полинезийских архипелагов, заметно отстающих по своему развитию от большинства африканских племен.

Бывали случаи, когда суданские или абиссинские негры попадали в руки к туземцам полинезийских островов, и не пришлось бы особенно удивляться, если бы этот негр умел говорить по-английски или на каком-нибудь другом европейском языке, известном Годфри. Но скоро стало ясно, что несчастный лопочет на каком-то совершенно непонятном наречии, вероятно, на языке местных туземцев, к которым он, должно быть, попал в раннем детстве.

Сначала Годфри заговорил с ним по-английски, но, увы, это было напрасно — он не получил никакого ответа.

Тогда он постарался объяснить ему знаками, что хочет знать его имя.

После нескольких бесплодных попыток негр, у которого, впрочем, было умное и открытое лицо, произнес одно слово:

— Карефиноту.

— Карефиноту! — воскликнул Тартелетт. — Вы слышали что-нибудь подобное?.. Я предлагаю назвать его Пятницей. Ведь сегодня пятница, как это было и на острове Робинзона. На островах, где живут Робинзоны, дикарей всегда называют по тому дню недели, когда он спасен. Подумать только, как можно носить такое нелепое имя — Карефиноту?

— Но если это его имя, почему он не может сохранить его? — возразил Годфри.

В эту минуту его груди коснулась рука Карефиноту. На лице негра был написан вопрос: «А тебя как зовут?»

— Годфри, — ответил юноша.

Чернокожий попытался произнести это имя, но, хотя Годфри повторил его несколько раз, туземцу так и не удалось внятно воспроизвести

столь непривычное для него сочетание звуков.

Карефиноту повернулся к учителю танцев, давая понять, что хочет знать и его имя.

— Тартелетт, — ответил танцмейстер с любезной улыбкой.

— Тар-те-летт! — повторил Карефиноту.

Очевидно, сочетание этих слогов соответствовало устройству его голосовых связок, ибо произнес он их очень отчетливо.

Учитель танцев казался крайне польщенным. Да и было отчего!

Тогда Годфри, желая воспользоваться сообразительностью туземца, объяснил ему знаками, что хочет узнать название острова. Он указал на лес, прерию, холмы, потом обвел рукой берег моря и горизонт и, наконец, вопросительно поглядел на негра.

Карефиноту, не сразу уразумев, что от него хотят, повторил жест Годфри и обернулся, окидывая взглядом окружающее пространство.

— Арнека, — сказал он, подумав.

— Арнека? — повторил Годфри, топая ногой по земле, чтобы яснее выразить свой вопрос.

— Арнека! — подтвердил негр.

Но это ничего не говорило Годфри, не указывало ни на географическое название острова, ни на его положение в Тихом океане. Он не мог припомнить ничего похожего. Быть может, это было туземное название, неизвестное картографам.

Между тем Карефинуту с нескрываемым любопытством продолжал рассматривать обоих белых, переводя взгляд с одного на другого, словно устанавливая разницу между ними. Его губы улыбались, обнаруживая ряд великолепных белых зубов, на которые Тартелетт поглядывал с некоторой опаской.

— Пусть сломается в моей руке карманная скрипка, — воскликнул учитель танцев, — если эти зубы никогда не жевали человеческого мяса!

— Во всяком случае, — ответил Годфри, — наш новый компаньон теперь не походит на человека, которого собираются изжарить и съесть, а это самое главное!

Больше всего привлекало внимание Карефинуту оружие Годфри и Тартелетта: карабины, которые они держали в руках, и револьверы, заткнутые за пояс.

Годфри сразу понял причину этого любопытства. Очевидно, дикарь никогда не видел огнестрельного оружия. Да и понимал ли он, что обязан своим освобождением одной из этих трубок, выбрасывающих молнию? Вряд ли.

Годфри решил дать туземцу представление о

своим могуществе. Зарядив ружье, он показал Карефинуту на красную куропатку, летевшую над прерией шагах в пятидесяти от них, затем быстро прицелился и выстрелил: птица упала.

При звуке выстрела, негр сделал великолепный прыжок, который Тартелетт тут же оценил взглядом хореографа. Затем, оправившись от страха, Карефинуту с быстротой охотничьей собаки подбежал к птице, ковылявшей по траве с перебитым крылом, и принес ее своему господину.

После этого и Тартелетту захотелось показать туземцу, что он тоже обладает молниеносной силой. Заметив близ ручья спокойно сидящую на старом стволе птицу-рыболова, он поднял ружье и прицелился.

— Не нужно, Тартелетт! — остановил его Годфри. — Не стреляйте!

— Почему?

— Подумайте только, если вам не повезет и вы промахнетесь, как много мы потеряем в глазах туземца.

— Но почему бы мне не попасть? — возразил Тартелетт не без досады. — Не я ли во время сражения, впервые взяв в руки ружье, на расстоянии ста шагов поразил прямо в грудь одного из людоедов?

— Вы в него определенно попали, раз он упал. Но послушайте меня, Тартелетт, ради наших общих интересов, не испытывайте судьбу дважды.

Учитель танцев, хоть и с некоторым разочарованием, все же поддался уговорам. Перекинув ружье за спину, он вместе с Годфри и Карефинуту направился в Вильтри.

Жилище, оборудованное внутри секвойи, вызвало новое изумление дикаря. Прежде всего, ему пришлось объяснить и показывать употребление разных орудий, инструментов и домашней утвари. По-видимому, Карефиноту жил среди туземцев, стоящих на самой низкой ступени развития, так как даже железо, казалось, ему было неизвестно. Когда поставили на горячие угли котелок, туземец тут же хотел его снять, думая, что он сгорит, чем вызвал неудовольствие Тартелетта, занятого священнодействием — приготовлением бульона. Но больше всего Карефиноту поразило зеркало: он вертел его так и сяк, чтобы убедиться, нет ли на другой стороне его собственной персоны.

— Но он же ничего не смыслит, этот черномазый, — с презрительной гримасой воскликнул учитель танцев.

— Нет, Тартелетт, вы ошибаетесь, — возразил Годфри. — Он смотрит на обратную сторону зеркала, значит, рассуждает, на что способно только мыслящее существо.

— Хорошо! Согласен! Допустим, что он может мыслить, — сказал Тартелетт, с сомнением покачивая головой. — Но будет ли он нам чем-нибудь полезен?

— В этом я уверен! — ответил Годфри.

Между тем, Карефиноту очутился за столом, уставленным разными кушаньями. Сначала он их обнюхал, потом попробовал на зубок и, наконец, стал с жадностью поглощать все подряд, одно за другим: суп из агуги, убитую Годфри птицу, баранью лопатку с гарниром из камаса и ямса.

— Кажется, наш гость обладает завидным аппетитом, — заметил Годфри.

— Да, — ответил Тартелетт. — Нужно будет глядеть за ним в оба, как бы не разыгрались его каннибальские инстинкты!

— Успокойтесь, Тартелетт! Мы заставим его забыть вкус человеческого мяса, если только он его когда-нибудь пробовал.

— За это я не поручусь! — ответил учитель танцев. — Уж если он раз отведал...

Карефиноту с напряженным вниманием прислушивался к разговору. По его умным глазам было видно, что ему очень хотелось бы узнать, о чем они говорят в его присутствии. Неожиданно у него развязался язык, и он начал что-то объяснять. Но это был ряд лишенных смысла звукоподражательных междометий, с преобладанием гласных «а» и «у», как в большей части полинезийских наречий.

Годфри размышлял. Как бы то ни было, этот негр, которого он чудом спас от смерти, делался его новым товарищем. Без сомнения, он будет хорошим другом. Он силен, ловок, деятелен. Его не испугает никакая работа. Его удивительная способность подражать всему, что он видит, поможет Годфри построить систему его воспитания.

И Годфри не ошибся. Уход за скотом, сбор корней и плодов, убой баранов или агуги, которые составляли основную пищу Робинзонов, приготовление сидра из диких яблок манзаниллы — всему этому Карефиноту быстро научился и старательно выполнял после того, как ему показали.

Что бы ни думал Тартелетт, Годфри относился к дикарю без всякого недоверия и никогда не раскаивался, что спас его от смерти, рискуя собственной жизнью. Если его что-то и тревожило, то только возможность возвращения дикарей, которым теперь известно местоположение острова Фини.

С первого же дня для Карефиноту была

устроена постель в дупле секвойи. Но чаще всего, если не было дождя, он предпочитал спать на открытом воздухе, превратясь таким образом в верного стража.

В течение следующих двух недель Карефиноту несколько раз сопровождал Годфри во время охоты. Его главным удовольствием было глядеть, как падают птицы, убитые на далеком расстоянии. При этом он с большой готовностью нес службу охотничьей собаки, выполняя свои обязанности с таким рвением, что его не останавливали никакие препятствия: ни завалы, ни кусты, ни ручьи.

Мало-помалу Годфри стал привязываться к новому товарищу. Карефиноту разделял с нашими Робинзонами все трудности. Одного только он не мог постичь — английского языка. Несмотря на все усилия, туземец не способен был произнести даже самых употребительных слов, которые ему так старательно втолковывали Годфри и учитель танцев.

Так проходило время. Однако, если настоящее, благодаря счастливому стечению обстоятельств, было сносным, если никакая непосредственная опасность им не угрожала, Годфри все же не мог не задуматься над тем, удастся ли ему когда-нибудь покинуть остров и что он сможет предпринять, чтобы вернуться на родину. Дня не проходило, чтобы он не вспоминал свою невесту Фину и дядюшку Виля! Не без тайного страха поджидал он наступления холодов, которые воздвигнут между ним и его близкими еще более непреодолимые преграды.

27 сентября, благодаря чрезвычайному происшествию, Годфри и его спутники смогли обеспечить себя новыми запасами пищи, что стоило им, правда, немалых усилий.

В тот день Годфри и Карефиноту, занимаясь во время прилива сбором моллюсков у выступа Дримбея, вдруг заметили множество маленьких плавучих островков, подгоняемых к берегу ветром. Это был целый архипелаг, над которым кружили так называемые морские ястребы — птицы с широким размахом крыльев.

Откуда взялись эти странные островки, плывшие по воле волн, и что они собой представляли?

Пока Годфри стоял в растерянности, не зная, что и думать, Карефиноту бросился на землю животом вниз, потом, подобрав голову в плечи и двигая руками и ногами, начал воспроизводить движения медленно ползущего животного.

Годфри уставился на него, ничего не понимая, и вдруг сообразил.

— Черепахи! — воскликнул он.

Карефиноту не ошибся. Действительно, это были черепахи — мириады черепах! — усеявшие всю водную поверхность на пространстве, по крайней мере, в квадратную милю. Саженьях в ста от берега большинство из них погрузилось в воду, а морские ястребы поднялись в воздух, выписывая большие спирали. Но не менее сотни черепах были выброшены приливной волной.

Годфри и Карефиноту быстро побежали по отмели к этой морской дичи, давшей им прямо в руки. Каждая особь имела не менее трех — четырех футов в диаметре! Чтобы не дать им уйти в море, нужно было только перевернуть их на спину. Эта нелегкая работа заняла не один час.

Следующие несколько дней пришлось повозиться с добычей. Мясо черепахи, великолепное на вкус, может сохраняться и в сыром, и в законсервированном виде, если его хорошенько просо-

Приближался сезон дождей, и Годфри решил приготовить побольше черепашого мяса. И все же некоторое время к столу подавался превосходный свежий бульон, которым с удовольствием насыщался не один только Тартелетт!

Кроме этого из ряда вон выходящего случая, жизнь наших островитян в общем не отличалась разнообразием. Ежедневно в одни и те же часы производились одни и те же работы. Годфри не без страха думал, что с наступлением холодов жизнь станет, пожалуй, еще тягостней. Но что можно было придумать?

Пока погода не испортилась, он продолжал бродить по острову, посвящая все свободное время охоте. Обычно его сопровождал Карефиноту, а Тартелетт предпочитал хозяйничать в Вильтри. Природа не наделила учителя танцев охотничьими талантами, хоть его первый выстрел и казался таким виртуозным.

Во время одной экскурсии случилось неожиданное происшествие, не на шутку встревожившее обитателей большой секвой.

Годфри охотился с Карефиноту в центральной части лесного массива, покрывавшего подножие главного гребня острова Фины. С самого утра им встретились всего лишь две или три антилопы, промелькнувшие в глубине чащи на таком расстоянии, что стрелять в них было бесполезно.

За мелкой дичью Годфри не гонялся: пищи у них было вдоволь, а убивать только для того, чтобы убивать, не входило в его планы. Антилопы же его привлекали не мясом, а шкурами, которые сейчас очень пригодились бы. Но на этот раз приходилось возвращаться домой с пустыми руками.

Было около трех часов пополудни. После завтрака, съеденного на привале, охота не стала удачнее, и потому Годфри решил больше не задерживаться, чтобы успеть к обеду в Вильтри. Они уже пересекли опушку леса, как вдруг Карефиноту резко обернулся, подскочил к Годфри и увлек его за собой, схватив за плечи с такой силой, что тот не мог сопротивляться.

Пробежав шагов двадцать, Годфри, наконец, смог остановиться и, отдышавшись, вопросительно поглядел на Карефиноту.

Негр с испуганным видом показал ему рукой на зверя, неподвижно стоявшего шагах в пятидесяти от них.

Это был бурый медведь. Обхватив лапами ствол дерева, он зловеще качал головой сверху вниз, будто собираясь броситься на охотников.

Годфри, не задумываясь, вскинул ружье и выстрелил, раньше чем Карефиноту успел его удержать.

Сразила ли пуля зверя? Вполне возможно. Был ли он убит? Утверждать это было трудно. Во всяком случае, широко расставив лапы, медведь рухнул к подножию дерева.

Нельзя было медлить ни минуты. Борьба с этим страшным животным могла привести к плачевным результатам. Ведь известно, что в лесах Калифорнии даже лучшие охотники рискуют жизнью при встрече с бурым медведем.

Поэтому Карефиноту, как видно, знавший повадки хищников, схватил Годфри за руку и потащил к Вильтри, а тот, понимая, что осторожность здесь необходима, не стал сопротивляться.

Глава девятнадцатая, **в которой положение, и без того** **весьма серьезное, все более** **и более осложняется**

Присутствие на острове дикого зверя заставило Годфри серьезно призадуматься. Какие еще испытания будут уготованы людям, заброшенным сюда по прихоти судьбы?

Годфри не счел возможным скрыть от Тартелетта это последнее происшествие и, кажется, поступил опрометчиво.

— Медведь! — воскликнул учитель танцев, с таким ужасом озираясь по сторонам, будто целая стая зверей уже осаждала Вильтри. — Но откуда взялся медведь? Ведь до сих пор их не было на нашем острове! А раз уж появился один, то, несомненно, появятся и другие, и, может быть, не только медведи, но и ягуары, пантеры, гиены, львы!

Воспаленному воображению Тартелетта остров Фины представлялся теперь сплошным зверинцем с врывающимися из клеток хищниками.

Годфри спокойно возразил, что не следует ничего преувеличивать. Он видел пока только одного медведя, и это факт! Но почему медведь не попался ему раньше, объяснить трудно, а вернее сказать, невозможно. Во всяком случае, рано еще делать вывод, что остров наполнен кровожадными хищниками, которые рыщут в лесах и пре-

риях. Тем не менее, нужно быть начеку и не выходить без оружия.

Несчастный Тартелетт! С этого дня все его существование состояло из сплошных ужасов, волнений и бесконечных страхов, к которым примешивалась еще тоска по далекой Калифорнии.

— Нет уж, спасибо! — повторил он. — Ко всем удовольствиям еще и звери впридачу! Довольно! Хватит! Я требую, чтобы меня отправили домой!

Если бы только это было возможно!

Годфри и его спутники стали теперь еще осторожнее. Звери могли появиться не только со стороны берега или прерии, но и притаиться где-нибудь поблизости, среди группы больших секвой. Нужно было заранее принять серьезные меры для защиты жилища на случай внезапного нападения. Прежде всего, наши герои укрепили дверь, чтобы она могла выдержать натиск хищного зверя. Для скота Годфри решил устроить хлев, где козы, агуты и бараны могли бы находиться в безопасности хотя бы ночью. Но это было делом нелегким. Ограда получилась не слишком прочной и не такой высокой, чтобы помешать медведю свалить ее или гиене перепрыгнуть.

Карефиноту возложил на себя ночные дежур-

ства возле Вильтри, что давало, по крайней мере, гарантии от всяких неприятных неожиданностей. И хотя он подвергался опасности, но хорошо сознавал, что оказывает этим услугу своим освободителям, и продолжал стоять на часах, несмотря на то, что Годфри уговаривал его дежурить с ним поочередно.

Прошла еще неделя, а страшные гости так и не показывались в окрестностях Вильтри. Теперь Годфри без особой необходимости далеко от дома не уходил. За баранами, козами и агути, пасшими на соседнем лугу, учредили строгий надзор, и чаще всего обязанности гастуха исполнял Карефиноту. Ружья он с собой не брал, так как до сих пор не научился с ним обращаться, зато за поясом у него всегда был заткнут охотничий нож, а в правой руке он сжимал топор. С таким вооружением ловкий и сильный негр мог, не колеблясь, броситься не только на медведя, но, если бы пришлось, и на тигра.

Однако ни медведь, ни тигр и никакой другой зверь к Вильтри до сих пор не пожаловали. Мало-помалу Годфри начал успокаиваться, возобновил свои прогулки по острову и даже стал ходить на охоту, хотя и не забирался теперь в самую чашу леса. Когда его сопровождал Карефиноту, Тартелетт, тщательно заперев дверь, забивался в дупло, и ничто не заставило бы его оттуда выйти, даже если бы нужно было давать уроки танцев! Когда же Годфри уходил один, танцмейстер оставался с туземцем и с большой настойчивостью занимался его воспитанием.

Тартелетт сначала решил научить его самым употребительным английским словам. Но голосовой аппарат негра был настолько не приспособлен к английской фонетике, что от уроков пришлось отказаться.

— Хорошо! — решил Тартелетт. — Раз я не могу быть его учителем, то буду учеником.

И он стал изучать междометия, которые произносил туземец.

Напрасно Годфри внушал ему, что от этих занятий не будет никакого прока: Тартелетт настаивал на своем. Учителю танцев хотелось знать полинезийские названия предметов, на которые он указывал Карефиноту.

Очевидно, Годфри недооценивал талантов своего учителя. Тартелетт оказался способным учеником и по истечении пятнадцати дней запомнил пятнадцать слов. Например, он твердо усвоил, что на языке Карефиноту «бирси» означает огонь, «араду» — небо, «марвира» — море, «дурá» — дерево и так далее. Он так восторгал-

ся своими успехами, будто получил первый приз на конкурсе лучших знатоков полинезийских наречий.

В благодарность за это он решил обучить Карефиноту хорошим манерам и основным правилам европейской хореографии.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии от души посмеяться! Однако, чтобы скоротать время, он и сам по воскресеньям, когда был свободен, охотно присутствовал на уроках знаменитого танцмейстера Тартелетта из Сан-Франциско.

Действительно, зрелище было презабавным. Несчастный туземец, обливаясь потом, с невероятным трудом проделывал элементарные танцевальные экзерсисы. Но, при всем его прилежании, не так-то просто было превратить полинезийца, с его неуклюжими плечами, отвислым животом, вывернутыми внутрь коленями и ногами, в нового Вестриса или Сен-Леоне¹.

Тартелетт доходил до неистовства, а Карефиноту, кротко страдая, учился изо всех сил. Трудно вообразить, каких ему стоило усилий встать в первую позицию! А когда дело доходило до второй, а потом и до третьей — мучениям не было конца.

— Гляди на меня, тупица! — кричал Тартелетт, больше всего ценивший в занятиях наглядность. — Ноги врозь! Еще больше врозь! Носок одной ноги

¹ Вестрис, Огюст и Сен-Леоне, Артур — выдающиеся французские танцовщики XIX века.

проставить к пятке другой! Раздвинь колени, болван! Убери плечи, дубина! Голову прямо!.. Руки округлить!..

— Но вы требуете от него невозможного,— вступался Годфри.

— Для умного человека нет ничего невозможного!— неизменно отвечал Тартелетт.

— Но его телосложение к этому не приспособлено...

— Приспособится! Отлично приспособится! Потом этот дикарь будет мне бесконечно признателен за то, что я научил его, как нужно входить в салон!

— Но ведь ему никогда не представится случай попасть в салон!

— Кто знает, Годфри?— невозмутимо возражал учитель.

Тем и кончались разговоры с Тартелеттом. Затем учитель танцев брал свою карманную скрипку и смычок и начинал наигрывать короткие пронзительные мелодии, приводившие Карефиноту в буйный восторг. Теперь уж его не приходилось туговаривать. Не думая о правилах хореографии, туземец с уморительными ужимками выделявал всевозможные коленца, прыгал, кувыркался, скакал.

А Тартелетт, глядя на неистовства этого сына Полинезии, предавался размышлениям. «Может быть,— думал он,— эти энергичные па, хотя и противоречащие всем принципам хореографического искусства, более естественны для рода человеческого, чем отработанные веками движения?»

Но оставив учителя танцев и изящных манер наедине с его философскими раздумьями и вернемся к вопросу более практическому и более злободневному.

Годфри во время своих последних экскурсий, когда он один или в сопровождении Карефиноту бродил по лесу, не встречал больше никаких других зверей и даже не видел их следов. Берега речки, куда хищники должны были бы ходить на водопой, не сохраняли никаких подозрительных отпечатков. По ночам тишина ни разу не нарушалась воем или рычанием, и домашние животные по-прежнему были спокойны.

«Как странно!— говорил себе Годфри.— Ведь ни я, ни Карефиноту не могли ошибиться. Нет сомнения в том, что он показал мне медведя, а я в него стрелял. Если предположить, что я убил зверя, то неужели этот медведь был единственным представителем стопоходящих на нашем острове?»

Это было совершенно необъяснимо! Если медведь действительно был убит, то куда же девалось его тело? Годфри повсюду искал, но оно бесследно исчезло. Смертельно раненое животное могло, конечно, добраться до своей берлоги и там околоть. Но тогда у подножья дерева остались бы пятна крови...

«Во всяком случае,— думал Годфри,— и впредь нужно будет остерегаться!»

С первых дней ноября наступил холодный сезон. Часами напролет лили промозглые дожди. Позднее, вероятно, должны были начаться ливни, которые в этих широтах не прекращаются неделями. Так здесь проходит зима. Теперь Годфри должен был осуществить свое намерение устроить очаг в самом дупле, чтобы обогреть жилище и готовить еду, не боясь ни ветров, ни ливней.

Подходящим местом для очага оказалась ему одна из внутренних стенок секвойи. Он решил положить туда несколько камней — плашмя и на

ребро, которые и будут служить очагом. Сложнее было сконструировать дымопровод. Выпускать дым по длинному дуплу внутри секвойи Годфри считал непрактичным.

Наконец, он смекнул, что в качестве дымовой трубы можно приспособить длинный толстый бамбук, росший кое-где по берегам речки.

В этой работе ему усердно помогал Карефиноту, понявший, хотя и не без некоторых усилий со стороны Годфри, что от него требуется. Вместе они прошли около двух миль, пока не выбрали достаточно толстые экземпляры тростниковых растений. Вместе занялись они и постройкой очага. Камни были разложены на земляном полу, в глубине комнаты, напротив двери. Стебли бамбука очистили от сердцевинки и, подорвав у краев, вставили несколько трубок одну в другую. Таким образом, получилась довольно длинная дымовая труба, приделанная выходным концом к отверстию в коре секвойи.

Такой очаг их вполне устраивал и требовал только присмотра, чтобы не загорелся бамбук.

В дупле Вильтри вскоре весело запылал огонь — к тем большей радости Годфри, что в комнате совсем не чувствовалось дыма.

Сделано все было своевременно, так как с 3 по 10 ноября лили, не переставая, дожди. Разводить огонь под открытым небом было бы теперь невозможно. Эту грустную неделю Годфри и его товарищи провели взаперти, выходя из дому только для присмотра за скотом и курами.

И вдруг, в один прекрасный день, оказалось, что полностью иссяк запас камасов, заменявших нашим Робинсонам хлеб. Так как отсутствие мучнистых корней делалось все более ощутимым, Годфри заявил Тартелетту, что с наступлением более сносной погоды отправится вдвоем с Карефиноту за камасами. Учителя танцев не слишком прельщала перспектива плестись две мили по мокрой траве, и он охотно согласился караулить дом.

Вечером 10 ноября небо, заволоченное серыми тучами, которые еще в начале месяца нагнал западный ветер, постепенно стало очищаться. Дождь начал утихать, и в сумерках проглянуло солнце. Все говорило за то, что следующий день будет безоблачным.

— Завтра на рассвете,— сказал Годфри,— мы с Карефиноту отправляемся в путь.

— Желаю удачи,— ответил учитель танцев.

Ближе к ночи разошелся туман и выпали звезды. Карефиноту тотчас же после ужина снова занял свой сторожевой пост, оставленный им на время дождей. Напрасно Годфри убеждал его вернуться в комнату, говоря ему, что теперь вовсе не обязательно сторожить Вильтри, ведь ни один зверь больше не показывался. Карефиноту не поддавался никаким уговорам, и Годфри должен был отступить.

На другой день погода действительно благоприятствовала островитянам. Когда около семи часов утра Годфри вышел из Вильтри, первые лучи солнца уже золотили густые вершины секвойи.

Карефиноту был по-прежнему на посту. Он простоял здесь всю ночь и, наконец, дождался Годфри. Оба вооружились до зубов и захватили с собой по большому мешку. Простившись с Тартелеттом, они направились к речке, чтобы затем пройти по левому берегу до того места, где росли камасы.

Не прошло и часа, как они без всяких приключений добрались до своей цели.

Примерно три часа наши островитяне работали, не разгибая спины, и только около одиннадцати пустились в обратный путь с мешками, полными камасов.

Шли они рядом, весело переглядываясь, так как поддерживать разговор не могли. Вот они достигли речной излучины. В этом месте деревья живописно склонялись над водой, образуя своеобразный полог, сходящийся над обоими берегами.

Вдруг Годфри остановился. На этот раз он первым заметил и показал Карефиноту неподвижно стоящего у подножья дерева зверя, глаза которого как-то странно светились.

— Тигр! — воскликнул Годфри.

И он не ошибся. В самом деле, это был громадный тигр. Изогнувшись в дугу, он обхватил когтями ствол дерева, готовясь к могучему прыжку.

В одно мгновение Годфри, бросив на землю свой мешок, прицелился и выстрелил.

— Ура! Ура! — закричал он.

На этот раз результат выстрела был беспорен: раненный пулей тигр отскочил назад. Известно только, была ли рана смертельной и как поведет себя разъяренный зверь.

Годфри поднял ружье, чтобы выстрелить во второй раз.

Но Карефиноту уже метнулся с ножом вслед за тигром.

Напрасно Годфри кричал, требуя, чтобы он остановился, напрасно звал его... Негр ничего не слышал или не хотел слышать, поглощенный мыслью добить зверя, хотя бы и с риском для жизни.

Годфри бросился к реке.

Добежав до берега, он увидел Карефиноту в яростной схватке с тигром. Сначала негр сдвинул зверю горло, потом нанес ножом страшный удар в сердце. Тигр скатился в речку, полную от долгих дождей. Бурный поток подхватил мертвое животное и с необычной стремительностью унес в море.

Медведь! Тигр! Теперь уже не могло быть никаких сомнений: на острове водились хищные звери...

Подойдя к Карефиноту, Годфри убедился, что тот отделался лишь несколькими легкими ссадинами. Подобрав свои камасы, они двинулись в обратный путь, размышляя о новых превратностях, которые им готовило будущее.

Глава двадцатая, **в которой Тартелетт повторяет на** **все лады, что хочет покинуть остров**

Когда Тартелетт узнал, что на острове кроме медведей водятся еще и тигры, он задрожал от ужаса и долго не осмеливался высунуть носа из дупла. Ведь рано или поздно хищники узнают дорогу в Вильтри. Не осталось и уголка, где можно было чувствовать себя в безопасности! Охваченный страхом, Тартелетт требовал возведения укреплений, каменных стен с эскарпами и контрэскарпами, куртинами и бастионами, которые должны были обеспечить безопасность жителям большой секвойи. А за невозможностью осуществить фортификационные сооружения, он хотел или, вернее, хотел бы поскорее покинуть остров.

— И я тоже, — спокойно отвечал ему Годфри.

И в самом деле, условия жизни на острове теперь были уже не те, что прежде. Благоприятные обстоятельства помогали бороться с лишениями, удовлетворять насущные потребности, выдерживать непогоду, переносить тяготы зимы. Но защищаться от лютых зверей, каждую минуту ждать нападения — это было просто невыносимо.

Положение становилось все более серьезным, а в недалеком будущем могло стать критическим.

— Но как объяснить тот факт, — спрашивал себя Годфри, — что в течение четырех месяцев мы не видели на острове ни одного зверя, а за последние две недели пришлось столкнуться с медведем, и с тигром? Что бы это значило?

Действительно, факт был необъясним, но настолько очевиден, что нельзя было с ним не считаться!

Годфри, однако, не пал духом. Превратности судьбы только увеличивали его хладнокровие и

мужество. Если звери стали опасностью, то он примет против этой опасности самые решительные меры.

Но какие можно было принять меры?

Прежде всего, сократить до предела экскурсии в лес и прогулки на побережье; выходить из дому с оружием в руках и только в случае крайней необходимости.

— При первой и второй встречах, — внушал своим спутникам Годфри, — мы отделались легким испугом, но третья может кончиться плачевно. Не будем зря рисковать!

Суровая необходимость заставляла не только сократить экскурсии, но и усилить охрану жилища, скота и домашней птицы, которых хищники могли полностью уничтожить.

Годфри серьезно задумался о возможности укрепления Вильтри, хотя от гениального проекта Тартелетта — возвести вокруг пояса оборонительных сооружений — разумеется, пришлось отказаться. Было бы достаточно и того, если бы удалось устроить высокий и прочный забор между стволами нескольких ближайших секвой, иначе говоря, окружить Вильтри такой надежной оградой, которая обеспечивала бы относительную безопасность и гарантировала от внезапного нападения.

Годфри прикинул. Сделать такой забор было возможно, хотя и очень трудно. Он убедился в этом, внимательно осмотрев местность. Нелегко было даже сосчитать, сколько придется отобрать, срубить и обработать стволов, чтобы воздвигнуть подобное ограждение.

Но Годфри не страшила никакая работа. Он посвятил в свои планы Тартелетта, тот их одобрил и обещал свое содействие. Более того, учитель танцев сумел растолковать суть замысла Карефиноту, и тот, как всегда, готов был прийти на помощь по первому зову.

Они немедленно принялись за дело.

В миле от Вильтри, вверх по течению речки, находилась небольшая рощица, состоявшая из корабельных сосен. Наши Робинзоны не могли бы напилить досок даже не из очень толстых стволов. Но заостренные с одного конца, а затем вбитые в землю бревна должны были образовать достаточно прочный забор.

И вот, 12 ноября, на рассвете, Годфри со своими спутниками направился к этому леску. Вооружены они были до зубов и продвигались с крайней осторожностью.

Тартелетт, удрученный треволениями, то и дело повторял:

— Не по душе мне эта вылазка в лес! Как хотелось бы мне расстаться с островом!

Но Годфри на этот раз не стал его утешать или вступать с ним в споры. Больше того, он даже не призывал учителя танцев к благоразумию. Сейчас ради общей пользы нужно было действовать не словами, а руками. Приходилось, хочешь-не хочешь, сделаться на какое-то время выючными животными.

Впрочем, на всем пути от Вильтри до сосновой рощи не оказалось ничего подозрительного, хотя все трое внимательно оглядывали прерию от одного края горизонта до другого. Пасшийся на лугу скот не выказывал ни малейшей тревоги. Птицы беспечно щебетали среди ветвей.

Достигнув рощицы, путники тотчас же приступили к работе. Годфри считал более разумным сначала свалить столько деревьев, сколько может понадобиться, а потом уже переправить их в Вильтри.

Карефиноту, как и следовало ожидать, научился ловко обращаться с топором и пилой и стал незаменимым помощником. Благодаря физической силе, он не прерывал работы даже в те промежутки, когда Годфри останавливался передохнуть, а Тартелетт в изнеможении лежал на траве, вытянув руки и ноги, не в силах даже вытащить карманную скрипку.

Заметим, однако, что учителю танцев и изящных манер, поневоле ставшему лесорубом, Годфри дал самую легкую работу — очистку стволов от мелких ветвей. Если бы за это платили хотя бы полдоллара в день, то учитель танцев зарабатывал бы, наверное, не более десяти центов!¹

Так они работали шесть дней подряд, с 12 по 17 ноября. Приходили на участок рано утром, в полдень съедали захваченный из дому обед, поздно вечером возвращались и ужинали в Вильтри. Погода стояла переменная, часто набегали тучи, то парило, то лил дождь. Наши Робинзоны спасались от дождя под деревьями, а чуть только прояснялось, снова принимались за дело.

18 ноября отобранные для ограды деревья лежали на земле: все верхушки уже были обрублены и стволы очищены от ветвей.

В эти дни возле речки не появилось ни одного дикого зверя. Может быть, их вообще не осталось на острове, если допустить, что убитые медведь и тигр были единственными представителями своих пород? Увы, предположение было бы совершенно невероятным!

Поэтому Годфри и не думал отказываться от своего плана — отгородить Вильтри высоким прочным забором, который мог бы их защитить от всяких неприятных неожиданностей.

К тому же самое трудное было сделано. Осталось лишь переправить бревна к месту постройки.

Да, самое трудное было позади! И как бы они справились с переноской бревен, если бы Годфри не пришла в голову блестящая мысль сплавить лес по реке? После обильных дождей речка стала полноводной и стремительной. Без особых затруднений можно будет составить из бревен плоты и пустить их вниз по течению. У мостика они сами остановятся и будут разобраны, а от мостика до Вильтри шагов двадцать, не больше...

Больше всех радовался учитель танцев: усердная работа восстанавливала его поколебленное достоинство.

19 ноября первые плоты, пущенные вниз по течению, благополучно прибыли на место и были задержаны перегородившим реку мостом. Меньше чем за три дня удалось таким образом переправить весь заготовленный лес.

21 ноября часть бревен была уже забита в землю фута на два в глубину. Столбы с заостренными верхушками скреплялись между собой гибкими, но крепкими прутьями. Забор получался что надо!

Видя, как быстро продвигается дело, Годфри испытывал большое удовлетворение и говорил Тартелетту, что скоро они действительно будут как в крепости.

— Действительно как в крепости мы будем только на Монтгомери-стрит, в особняке вашего дядюшки Кольдерупа, — сухо отвечал учитель.

Попробуй возразить на это замечание!

26 ноября забор на три четверти был готов. Вильтри оказалось в центре ограды, внутри которой было еще несколько секвой, среди них и та, где находился курятник. Сама собой напрашивалась мысль — отвести часть огороженного пространства под хлев, — устроить его здесь было бы совсем нетрудно.

Еще три-четыре дня, и забор будет закончен. Останется только приделать прочную дверь, и обитатели Вильтри почувствуют себя в безопасности.

Но на следующий день, 27 ноября, работу прервало одно неожиданное обстоятельство, столь же необъяснимое как и многое другое, что происходило на острове Фины.

В этот день, около восьми часов утра, Карефиноту, взобравшись на дерево по узкой трубе дупла, чтобы законопатить верхнее отверстие на случай сильного дождя, вдруг закричал во весь голос.

Годфри, занятый устройством забора, поднял голову и увидел, что негр решительными жестами подзывает его к себе неверх. Понимая, что туземец не стал бы его беспокоить по пустякам, юноша, захватив подзорную трубу, быстро поднялся по внутренним стенкам дупла, пролез через верхнее отверстие, достиг главного разветвления и вскоре уже сидел верхом на одной из громадных веток.

Карефиноту показал ему рукой на округлый выступ, образуемый с северо-востока береговой линией острова. Там поднимался к небу густой столб дыма.

— Опять! — вскричал Годфри.

И, наведя подзорную трубу, он убедился, что на этот раз никакого обмана зрения быть не могло: дым, очевидно, шел от большого ко-

стра, так как виден был вполне отчетливо на расстоянии примерно пяти миль.

Годфри повернулся к негру, который взглядами, возгласами и всем своим существом выражал крайнее удивление. Но и сам Годфри удивлен был ничуть не меньше.

Взору открывалась морская гладь, чистая и спокойная. Ни корабля, ни паруса, ни туземной прао — ничего, что могло бы напомнить о недавней высадке дикарей.

— Ну, на этот раз меня не проведут! Теперь уж я узнаю, от какого огня этот дым! — воскликнул Годфри.

И, указав негру на северо-восток, потом на нижнюю часть секвойи, дал ему понять, что немедленно хочет отправиться к тому месту.

Карефиноту его не только понял, но даже одобрил этот план кивком головы.

«Если там скрывается человек, — размышлял Годфри, — я разумею, кто он и откуда! Нужно выяснить, почему он там прячется! Прежде всего, это необходимо знать для нашей же безопасности!»

Спустившись с дерева, Годфри рассказал Тартелетту о том, что увидел и что решил предпринять; затем предложил ему отправиться вместе с ними.

Но до северного побережья было не менее десяти миль, а Тартелетт превыше всего на свете ценил свои ноги, считая, что они предназначены только для благородных упражнений. Именно по этой причине он предпочел бы остаться в Вильтри.

— Хорошо! — сказал Годфри. — Мы пойдем одни! Но не ждите нас раньше вечера.

Захватив с собой немного провизии, чтобы позавтракать на привале, Годфри и Карефиноту простились с Тартелеттом, не преминувшим заметить, что все равно они ничего не найдут, только утомятся без надобности.

Годфри взял ружье и револьвер, а негр — топор и свой любимый охотничий нож. Они перешли по мостику на правый берег и направились через прерию на противоположный конец острова — к тому месту, где из-за скал поднимался дым.

Это было восточней скалистого мыса, куда Годфри ходил в первый раз. Оба они шли быстрым шагом, с тревогой озираясь по сторонам и боясь, чтобы нападение зверя, притаившегося где-нибудь в кустах, не застало их врасплох; но нигде никого не было.

В полдень они сделали короткий привал и затем, продолжив свой путь, вскоре достигли переднего ряда прибрежных скал.

До места, откуда по-прежнему поднимался дым, оставалось еще не менее четверти мили.

Годфри и Карефиноту еще быстрее пошли вперед, все время держась настороже, чтобы сохранить за собой преимущество неожиданного нападения и вместе с тем избежать опасности.

Но не прошло и двух-трех минут, как дым полностью рассеялся, будто кто-то внезапно погасил костер.

Тем не менее Годфри хорошо запомнил место, откуда поднимался дым. Это был выступ скалы, напоминавшей по форме усеченную пирамиду. Путники преодолели скалистую гряду и, очутившись шагах в пятидесяти от цели, пустились бежать... Никого!.. Но на этот раз не всем погасший огонь и тлеющие угли были самыми вескими доказательствами...

— Кто-то здесь был! — воскликнул Годфри. — Был только сейчас! Надо разузнать, кто это!

Он подал голос... Никакого ответа!.. Карефиноту испустил оглушительный крик... Никто не отозвался!

Годфри и его спутник облазили все окрестные скалы, исследуя, нет ли поблизости какой-нибудь пещеры или грота, где мог бы спрятаться потерпевший кораблекрушение или притаиться туземец, внимательно осмотрели даже самые узкие щели и выемки. Все было напрасно: никакого подобия жилища, ни следов человеческих ног...

— Во всяком случае, — повторял Годфри, — нам теперь ясно, что дым этот не от горячего источника, а от горящего костра. Сам собою, конечно, огонь загореться не мог!

Около двух часов пополудни, утомленные напрасными поисками, разочарованные и встревоженные, Годфри и Карефиноту пустились в обратный путь к Вильтри.

Годфри шел, погруженный в свои думы. Ему казалось, что остров находится во власти какой-то таинственной силы. Появление дыма, присутствие зверей — все это было крайне загадочно.

Часом позже он окончательно убедился в справедливости своих предположений, когда услышал под ногами какой-то странный шум, напоминающий шелест опавших листьев. В ту же минуту Карефиноту оттолкнул Годфри, и змея, уже готовившаяся броситься на него, зашуршала в траве.

— Змеи! — воскликнул Годфри. — Ко всему прочему еще и змеи! Разве мало нам медведей и тигров?

Да! Это была змея — из тех, которые выдают себя специфическим шумом. Гремучая змея — гигант среди ядовитых пресмыкающихся.

Карефиноту бросился за рептилией, успевшей уже проскользнуть в густые заросли, догнал и ударом топора отсек ей голову. Обезглавленное туловище змеи билось в агонии на окровавленной земле.

Множество ядовитых змей попадалось им и на подходе к дому — в той части прерии, которая отделялась ручьем от Вильтри. По-видимому, остров Фини подвергся нападению ползучих гадов. Откуда они взялись? Почему их не было раньше? В эти тревожные минуты Годфри вспомнил легендарный Тенос, получивший известность в древнем мире благодаря змеям, которых там было видимо-невидимо. Отсюда даже происходит название одного из видов гадюк.

— Поспешим! — крикнул Годфри Карефиноту, жестом давая понять, что нужно ускорить шаг.

Юношей овладело беспокойство. Не зная, какие еще могут случиться беды, он хотел побыстрее возвратиться в Вильтри.

Предчувствие его не обмануло. Только он вступил на мостик, как послышались отчаянные вопли и мольбы о помощи.

— Это Тартелетт, — воскликнул Годфри. — Он в опасности! Бежим!

Миновав мост и пробежав еще шагов двадцать, они увидели Тартелетта, бегущего opposite им навстречу. За ним с разинутой пастью гнался громадный крокодил, появившийся, очевидно, из реки. Несчастный учитель танцев, вне себя от страха, неся напрямик вместо того, чтобы свернуть вправо или налево. Расстояние между ним и чудовищем неумолимо сокращалось...

Вдруг учитель танцев споткнулся и упал. Все кончено... Он погиб...

Годфри замер, но тут же со свойственным ему хладнокровием, не думая об опасности, сорвал с плеча карабин и прицелился крокодилу в глаз.

Хорошо направленный выстрел сразил чудовище. Крокодил прыгнул в сторону и упал без движения.

Карефинуту подбежал к учителю танцев и помог ему подняться. Тартелетт отделался одним страхом. Но каким страхом!

Было шесть часов вечера. Минутой позже Годфри и его спутники достигли большой секвойи.

Какие грустные мысли приходили им в голову за ужином! Сколько долгих бессонных ночей предстояло им провести на злополучном острове Фины, где, казалось, сама природа ополчилась на бедных Робинзонов!

Учитель танцев все время повторял одни и те же слова:

— Ах, как бы я хотел отсюда уехать!.. Как хотел бы я отсюда уехать!..

Глава двадцать первая, которая заканчивается удивительной репликой Карефинуту

44

Наступила зима, под этими широтами все же достаточно суровая. Давали себя чувствовать первые холода, и следовало ожидать дальнейшего понижения температуры. Годфри правильно поступил, перенеся очаг внутрь жилища. Работы по возведению ограды к тому времени уже закончились, а прочная дверь обеспечивала безопасность жителям Вильтри.

В течение шести недель, то есть до середины января, на острове свирепствовали такие ураганы, что уходить далеко от дома было просто невозможно. Стволы гигантских секвой раскачивались от сильного ветра, срывавшего сухие ветки, которые тут же подбирались и складывались про запас: огонь в очаге не затухал, пожар много топлива.

Наши островитяне должны были закутаться во все теплое, что нашлось в сундуке. Во время походов за камасами больше всего выручали куски шерстяной материи, но так как погода с каждым днем ухудшалась, и эти экскурсии пришлось сократить до минимума. Об охоте нечего было и думать: намело столько снега, словно остров Фины находился не в тропической зоне, а где-то у Полярного круга.

Северная Америка, благодаря дующим с севера ветрам, — одна из самых холодных стран земного шара. Зима в ней длится до середины апреля, и с морозами приходится выдерживать настоящую борьбу. Поневоле напрашивался вывод, что остров Фины, вопреки предположениям Годффри, лежал примерно на тех же широтах, — едва ли не севернее Сан-Франциско.

Нужно было как можно лучше приспособить жилище к зиме. Правда, ветер туда не проникал, но сырость и холод ощущались. Поэтому наши Робинзоны, пока хватало провизии, заботились главным образом об утеплении Вильтри. Когда стало подходить к концу засоленное черепашье мясо, пришлось принести в жертву желудку несколько коз, агуты и овец, поголовье которых почти не увеличилось с тех пор, как они попали на остров.

Было от чего предаваться грустным размышлениям!

Как раз в это время Годффри заболел сильной лихорадкой, не отпускаявшей его около двух недель. Не будь в его распоряжении лекарств, найденных в том же сундуке, вряд ли бы он быстро поправился. В отличие от Тартелетта, неспособного оказать больному никакой помощи, Карефиноту ухаживал за ним так самоотверженно, что во многом способствовал его выздоровлению.

Трудно передать, какие Годффри испытывал муки, как он сожалел о прошлом и винил себя за все случившееся, за то ужасное безвыходное положение, в котором очутился! Сколько раз в лихорадочном бреду он звал свою невесту Фину и дядюшку Виля, которые находились за сотни миль и, казалось, были для него навсегда потеряны! Как проклинал он теперь жизнь Робинзона, которая так пленяла его юношеское воображение и представлялась недостижимым идеалом! И вот суровая действительность заставила его, городского жителя, испытать все трудности существования на лоне природы и даже отняла надежду вернуться когда-нибудь в родной дом...

Так прошел самый грустный из всех месяцев — декабрь, и только перед новым годом Годффри стал понемногу поправляться.

Что касается Тартелетта, то он, по милости судьбы, чувствовал себя превосходно, хотя и не переставал охать и стонать. И подобно тому, как грот нимфы Калипсо после отъезда Одиссея «перестал оглашаться веселыми звуками», так и в Вильтри больше не звучала карманная скрипка: ее струны затвердели от холода.

Годффри тревожило не только присутствие хищных зверей, но и возможное появление туземцев. Раз уж им стало известно, что на острове находятся люди, ничто им не помешает сюда вернуться, а бревенчатый забор вряд ли от них защитит. Придя к такому заключению, Годффри решил, что самым надежным убежищем будут ветви секвойи, и поэтому следует позаботиться о более быстром и удобном способе подъема, а также о защите входного отверстия от непро-

шенных гостей, если бы они попытались проникнуть внутрь дупла.

С помощью Карефиноту Годффри устроил в стенах секвойи ступеньки и соединил их веревкой, свитой из волокнистых растений. Таким образом в жилище Робинзонов появилась лестница.

— Ну, вот! — с улыбкой сказал Годффри, кончив работу. — Теперь у нас два дома: внизу городской, а сверху — загородный.

— Я бы предпочел погреб, но только на Монтомери-стрит, — ответил Тартелетт.

Наступили рождественские праздники, которые всегда так весело встречают в Соединенных Штатах Америки. Первый день нового года, наполненный радостными детскими воспоминаниями, был дождливым, снежным, холодным и мрачным.

Вот уже шесть месяцев, как потерпевшие крушение на «Дриме» были отрезаны от всего мира. Начало года не только не казалось счастливым, но сулило еще более суровые испытания.

Снег шел, не переставая, до 18 января. В этот день Годффри выпустил животных на луг, чтобы они сами позаботились о пропитании.

К вечеру опять стало холодно и сыро. Остров и темные очертания секвойи вскоре погрузились в глубокий мрак.

Годффри и Карефиноту, вытянувшись на своих постелях, напрасно старались заснуть. Около десяти часов вечера они услышали доносившийся с севера отдаленный шум, который постепенно становился все отчетливее.

«Ошибки быть не могло. Поблизости бродили хищные звери. К страшным завываниям тигра и гиены присоединилось дикое рычание пантеры и льва. Какой это был ужасный концерт!

Годффри, Тартелетт и негр немедленно вскочили, охваченные неопишуемым страхом. Надо заметить, что Карефиноту выказывал не только страх, но и крайнее удивление.

В отчаянной тревоге прошло два долгих часа. Рычание слышалось все ближе и ближе и вдруг сразу прекратилось, как если бы стая диких зверей, не зная местности, по которой проходила, вдруг подалась в другую сторону. Быть может, Вильтри избежит нападения!

«Так или иначе, — думал Годффри, — если нам не удастся уничтожить всех этих зверей до последнего, покоя на острове не будет».

Вскоре после полуночи возобновился яростный рев. Хищники теперь находились в непосредственной близости от Вильтри.

Но откуда здесь взялись дикие звери? Ведь не могли же они приплыть по морю на остров Фины? Значит, они были здесь раньше, еще до появления Годффри! В таком случае, что побуждало их так старательно прятаться и почему во время экскурсий по острову и охоты в самых отдаленных местах, если не считать случайной встречи с медведем и тигром, он ни разу не напал на их след? И где находится таинственное логово, в котором скрывались все эти львы, гиены, пантеры и тигры? Из всего непонятого, что творилось до сих пор на острове, внезапное нападение зверей было самой необъяснимой загадкой.

Карефиноту, казалось, не верил ушам своим, содрогаясь от грозного рева. При свете очага можно было заметить, как на его черном лице появлялись странные гримасы.

Тартелетт то жалобно хныкал, то причитал в своем углу. Он забрасывал Годфри вопросами, но тот не имел ни желаний, ни возможности ему отвечать. Перед лицом страшной опасности юноша измышлял средства, как ее предотвратить.

Он не раз выходил с Карефиноту к бревенчатой ограде, чтобы убедиться, крепко ли заперта дверь.

Вдруг, откуда ни возьмись, стадо домашних животных со страшным шумом бросилось к Вильтри. Козы, бараны и агути, испуганные рычанием зверей и чуя их приближение, покинули пастбище и в панике устремились к большому секвойям.

— Нужно открыть дверь! — крикнул Годфри.

Карефиноту кивнул головой в знак согласия и молча выполнил приказание.

В ту же минуту стадо ринулось внутрь загородки, а вслед за ним в глубокой темноте метнулись неясные тени и фосфорическим блеском сверкнули зловещие глаза.

Нельзя было терять ни секунды. Годфри не успел опомниться, как Карефиноту втолкнул его в душло и закрыл дверь Вильтри. Все это туземец проделал в мгновение ока.

Но калитка забора осталась незапертой, и хищники прорвались за ограду. Снова раздался дикий рев, к которому примешивалось жалобное блеяние скота.

Годфри и Карефиноту, прильнув к окошкам, прорубленным в коре секвойи, с трепетом следили за кровавой оргией хищников.

Тигры или львы, пантеры или гиены — в темноте нелегко было разобрать, какие именно звери — накинудись на домашних животных.

Тартелетт, в припадке безумного страха, схватил ружье и, просунув его наружу, собирался спустить курок.

Годфри успел его удержать.

— Остановитесь! — сказал он учителю. —

В такой темноте почти невозможно попасть в цель, а у нас не так много зарядов, чтобы тратить их попусту. Нужно подождать до рассвета!

И он был прав. Скорее, чем хищных зверей, пули могли сразить домашних животных, которых было значительно больше. Спасти их теперь казалось совершенно невозможным. Пожалуй, даже благоразумнее было ими пожертвовать, чтобы дикие звери, насытившись, убрались еще до рассвета из Вильтри. Тогда будет время поразмыслить, как уберечься от нового нападения.

«Лучше всего, — думал Годфри, — воспользоваться ночным мраком, чтобы не выдать хищникам своего присутствия и не дать им повода предпочесть людей домашним животным».

Но обезумевший от ужаса Тартелетт неспособен был внимать ни просьбам, ни уговорам. И тогда Годфри без лишних слов отобрал у него ружье. Учитель танцев в отчаянии упал на свою постель, проклиная и путешествие, и путешественников, и вообще всех маньяков, которым не сидится дома.

Тем временем Годфри с Карефиноту снова заняли наблюдательные посты, не в силах помешать ужасной резне, происходившей в нескольких шагах от Вильтри. Блеяние коз и баранов мало-помалу стихло. По-видимому, часть стада звери уже успели растерзать, а уцелевшие животные выбежали за ограду — навстречу неминуемой смерти. Гибель домашнего скота была невозместимой потерей для маленькой колонии.

Но будущее сейчас мало занимало Годфри, все его мысли были поглощены настоящим.

Около часа ночи рыканье и вой хищников на несколько минут прекратились, но Годфри и Карефиноту продолжали стоять у окошек: им казалось, что в ограде Вильтри мелькают огромные тени. Доносился неясный шум.

Должно быть, прибежали и другие звери, привлеченные запахом крови. Они обнюхивали гигантское дерево и сновали вокруг него с сердитым рычанием. Некоторые из этих прыгающих теней напоминали огромных кошек. Очевидно, одного стада им было мало: хищников дразнили запахи человеческого жилья.

Годфри и его товарищи боялись пошевелиться. Сохраняя полное молчание, они надеялись избежать вторжения зверей внутрь секвойи.

Но злосчастный поступок Тартелетта открыл хищникам присутствие людей и свел на нет все предосторожности.

Одержимый галлюцинациями, учитель танцев схватил револьвер и выстрелил наугад, воображая, что на него набросился тигр. Раньше, чем Годфри и Карефиноту успели ему помешать, пуля прошла через дверь Вильтри.

— Несчастный! Что вы сделали! — воскликнул Годфри, подбегая к Тартелетту, в то время, как Карефиноту уже успел отобрать у него оружие.

Но было поздно. В ответ на выстрел раздалось рычание... Хищники бросились в атаку. Громадные когти раздирали кору секвойи, трясли дверь, недостаточно прочную, чтобы противостоять подобному натиску.

— Надо защищаться! — крикнул Годфри.

Схватив ружье и привесив к поясу патронаш, он снова занял свой пост у одного из окошек.

К его удивлению, Карефиноту сделал то же самое. Да! Туземец схватил другой карабин — оружие, которым он никогда до этого не пользовался, — наполнил карманы патронами и тут же устроился у второго окошка.

И вот сквозь амбразуры загремели выстрелы. При свете вспышек Годфри и Карефиноту смогли разглядеть своих врагов.

Внутри ограды, воя от ярости, беснуясь от выстрелов, прыгали и падали под пулями львы и тигры, гиены и пантеры — не менее двух десятков зверей! Их оглушительный рев разносился так далеко, что ему вторили хищники, бродившие в окрестностях Вильтри. Уже можно было слышать завывания, доносившиеся из леса и прерии. Звери выли все громче, с каждой минутой все ближе подбираясь к Вильтри. Не иначе, как на остров Фини кому-то вздумалось выпустить целый зверинец!

Не обращая внимания на Тартелетта, который в эти критические минуты потерял голову, Годфри и Карефиноту хладнокровно продолжали стрельбу. Чтобы не терять даром патронов и бить без промаха, они выжидали появления какой-нибудь тени, затем прицеливались и стреляли в нее. Раздавался дикий рев, показывавший, что пуля сделала свое дело.

Через четверть часа вой прекратился, потому ли, что звери устали от непрерывных атак, стоивших многим из них жизни, или потому, что ждали рассвета, чтобы возобновить нападение в более благоприятных условиях.

Чтобы там ни было ни Годфри, ни Карефи-

ноту не отходили от смотровых окошек. Непр стрелял тоже хорошо, как и Годфри, и если им руководил только инстинкт подражания, то нужно признаться, что этот инстинкт был у него по-настоящему развит.

Около двух часов ночи хищники в удвоенном количестве и с удвоенной яростью ринулись в новую атаку. Опасность была неминуемой, защищаться становилось почти невозможно. У подножья секвойи раздавался яростный рев. Годфри и Карефиноту со своих наблюдательных постов продолжали бить по мятущимся теням. Звери трясли и царапали когтями дверь. В любой момент она могла рухнуть... Через щели доносилось горячее дыхание хищников, стремящихся прорваться в Вильтри.

Годфри и Карефиноту пытались укрепить дверь кольями, на которых держались топчаны, но это была попытка с негодными средствами: дверь сотрясалась от натиска и трещала от могучих толчков.

Годфри понимал, что дальнейшая борьба бесполезна. Если звери ворвутся в Вильтри, огнестрельное оружие не поможет. Юноша стоял, скрестив руки, и с ужасом глядел, как сотрясалась сверху донизу дверь. Больше он ничего не мог предпринять.

В отчаянии он провел рукой по лбу, но тут же овладел собой и крикнул:

— Наверх! Все вверх!..

И указал рукой на узкий проход в дупле, выходящий к разветвлению большой секвойи.

Не медля ни минуты, они с Карефиноту, захватив ружья, револьверы и боеприпасы, стали искать Тартелетта, чтобы силой заставить его последовать за ними. До сих пор учитель танцев ни разу не рещался влезть на такую высоту.

Но Тартелетта нигде не оказалось. Пока его товарищи стреляли, напуганный учитель танцев, по-видимому, уже забрался туда по внутренней лестнице.

— Наверх! — повторил Годфри.

Это было последнее убежище, где можно было чувствовать себя в безопасности от хищников. В любом случае, даже если тигр или пантера вздумают подняться до разветвления Вильтри, можно будет отбить нападение, обстреляв выходное отверстие, через которое они должны будут проникнуть.

Не успели еще Годфри и Карефиноту подняться на тридцать футов, как внутри секвойи послышалось рычание. Очевидно, дверь была сорвана. Опоздай они на несколько минут, их ожидала бы неминуемая гибель.

Ускорив подъем, они быстро достигли верхнего отверстия дупла. Вдруг раздался душераздирающий крик. Бедный Тартелетт вообразил, что к нему взбирается пантера или тигр. Несчастный танцмейстер висел на тонкой ветке, вцепившись в нее руками и ногами; ветка сгибалась под его тяжестью и готова была обломиться.

Карефиноту протянул ему руку, заставил спуститься пониже и привязал к дереву своим поясом. Затем Годфри и туземец расположились с разных сторон у развилки, чтобы держать выход из дупла под перекрестным огнем.

Прошло несколько минут тягостного ожидания.

По-видимому, в этих условиях осажденные были в полной безопасности.

Годфри старался разглядеть, что происходит внизу, но в крошечной тьме ничего нельзя бы-

ло разглядеть. Он начал прислушиваться. Судя по тому, что рычание не прекращалось, звери не собирались покидать Вильтри.

Вдруг, около четырех часов утра, внизу, у подножья дерева, мелькнул яркий свет. Потом засветились окна, и в то же время из отверстия дупла повалил едкий дым.

— Что там случилось? — воскликнул Годфри и тут же догадался, что это такое.

Звери, проникнув внутрь Вильтри, раскидали уголь из очага. Загорелись деревянные топчаны, стол, табуретки, а затем воспламенилась и высохшая кора дерева. Гигантская секвойя горела у самого основания ярким пламенем.

Положение сделалось еще ужаснее, чем прежде. Пламя пожара осветило все вокруг, и можно было видеть, как испуганные звери метались у подножья секвойи.

Почти в ту же минуту раздался оглушительный взрыв, потрясший до основания весь ствол гигантского дерева. Волна воздуха вырвалась из верхнего отверстия дупла, как при выстреле из оружейного дула.

Это взорвался хранившийся в Вильтри остаток пороха.

Годфри и Карефиноту чудом удержались на месте, а Тартелетта спасло то, что он был привязан к ветвям.

Испуганные звери бросились наутек. Благодаря вспышке пороха, дерево загорелось с еще большей силой. Огонь поднимался внутри огромного ствола, как по вытяжной трубе. Громадные языки пламени лизали внутренние стенки секвойи и доходили до самого разветвления. Сухая кора лопалась с треском, подобно револьверным выстрелам.

Зарево пожара освещало не только группу секвой, но и все побережье, от флагпункта до южного мыса Дримбея.

Огонь быстро распространялся и доходил уже до первого разветвления Вильтри, угрожая Годфри* и его спутникам. Неужели им суждено погибнуть в этом огне, против которого они бессильны? Неужели у них остался только один выход — броситься отсюда на землю? Но и в этом случае их ждала верная смерть!

Годфри мучительно соображал, нельзя ли найти какое-нибудь средство для спасения, но придумать ничего не мог. А между тем загорались уже нижние ветви, и густая пелена дыма, обволакивая все вокруг, закрывала от взоров проблески утренней зари.

Вдруг раздался ужасный треск. Обгоревшая у основания секвойя надломилась и стала медленно падать.

Годфри и его спутники считали себя уже погибшими.

Но, к счастью, большая секвойя при падении уперлась в ветви соседних деревьев и осталась в наклонном положении.

— Девятнадцатое января! — прозвучал неожиданно чей-то голос, показавшийся Годфри удивительно знакомым.

Неужели это сказал Карефиноту?.. Да, Карефиноту! Это он, не понимавший до сих пор по-английски, заговорил на английском языке!

— Ты говорил по-нашему? — воскликнул Годфри, спускаясь к нему по веткам.

— Да, я хочу сказать, — ответил Карефиноту, — что сегодня, девятнадцатое января, на остров должен приехать ваш дядя Виль, и если он не приедет — мы пропали!

Глава двадцать вторая, в которой объясняется все, что казалось до сих пор необъяснимым

Прежде, чем Годфри успел ответить, неподалеку от Вильтри прогремели ружейные выстрелы.

В ту же минуту хлынул грозовой дождь, наступающий ливень, загасивший пламя, грозившее уже перекинуться на соседние деревья, к которым, падая, прислонилась большая секвойя.

После всех необъяснимых явлений на Годфри обрушилась новая лавина загадок: Карефиноту, вдруг заговоривший, как истый лондонец, на чистейшем английском языке, сообщение о скором прибытии дядюшки Вилья и, наконец, эти неожиданные ружейные выстрелы.

Годфри казалось, что он сходит с ума, но у него не было времени проверить свои ощущения. Не прошло и пяти минут после того, как раздались выстрелы, когда из-за деревьев показалось несколько матросов во главе с капитаном Тюркотом.

Годфри и Карефиноту тут же стали спускаться по наклонному стволу, хотя внутренние стенки секвойи были еще охвачены огнем.

Не успел Годфри сойти на землю, как его окликнули два радостных голоса, которые нельзя было не узнать.

— Племянник Годфри! Честь имею кланяться!

— Годфри!.. Дорогой Годфри!..

— Дядя Виль!.. Фина!.. Это вы?.. — отозвался окончательно сбитый с толку юноша.

Еще через несколько секунд он обнимал их обоих.

Между тем, два матроса, по команде капитана Тюркота, быстро влезли на секвойю, отвязали злополучного Тартелетта и спустили его вниз со всеми предосторожностями и подобающим его персоне почтением.

И тут посыпались вопросы, ответы, объяснения...

— Дядя Виль! Неужели это вы?

— Да! Как видишь!

— Но как вам удалось открыть остров Фини?

— Остров Фини? — переспросил Кольдеруп. — Ты хочешь сказать — остров Спенсер? О, это не составило большого труда, так как я купил его еще шесть месяцев назад!

— Остров Спенсер?

— И ты назвал его моим именем, милый Годфри? — спросила Фина.

— Ну что ж! Это имя мне нравится, так и будем впредь его называть! — заметил Уильям Кольдеруп. — Но до сих пор для географов это был остров Спенсер; он находится в трех днях пути от Сан-Франциско. Я считал полезным отправить тебя сюда, чтобы ты познал на собственном опыте, что такое жизнь Робинзона.

— Что вы говорите, дядя? — воскликнул Годфри. — Если это правда, то, конечно, мне воздано по заслугам. Но как же тогда объяснить кораблекрушение «Дрима»?

— Это была инсценировка! — засмеялся Уильям Кольдеруп, пребывавший в самом благодушном настроении, в каком его когда-либо видели. — По моему указанию капитан Тюркот наполнил водой балластные отсеки, и судно немного погрузилось в воду. Поэтому ты и воображал, что корабль тонет. Но как только капитан убедился, что вы с Тартелеттом выбрались на берег, он дал задний ход и через три дня преспокойно вернулся в Сан-Франциско. И на «Дрима» же, в назначенный мною день, мы вернулись за вами на остров Спенсер.

— Значит, никто из экипажа не погиб при кораблекрушении? — спросил Годфри.

— Никто... Разве только тот несчастный китаец, который прятался в трюме. По крайней мере, его нигде не нашли.

— А пирога?

— Фальшивая. Ее построили по моему указанию.

— А дикари?

— Тоже фальшивые. К счастью, ты никого из них не убил.

— А Карефиноту?

— Такой же, как и все остальные. Это мой верный Джип Брасс, который, как я вижу, великолепно сыграл назначенную ему роль Пятницы.

— Да! — проговорил Годфри. — Он дважды спас мне жизнь: при встрече с медведем и с тигром.

— С поддельным медведем и искусственным тигром, — сказал Кольдеруп. — Оба чучела были привезены на остров незаметно для тебя Джипом Брассом и его спутниками.

— Но ведь звери ворочали головой и лапами...

— При помощи пружин, которые Джип заводил ночью, за несколько часов до твоих встреч с хищниками, подстроженных им же.

— Так вот оно что! — пробормотал Годфри, немного сконфуженный, что дал себя так ловко провести.

— Да, дорогой племянник, на твоём острове все было слишком благополучно, и потому я доставил тебе несколько случаев поволноваться.

— Тогда, — ответил Годфри, не в силах удержаться от смеха, — раз уж вам захотелось дать мне такой урок, то зачем же было присылать сундук со всеми необходимыми вещами?

— Сундук? — удивился Кольдеруп. — Какой сундук? Я не посылая тебе никакого сундука! Уж не ты ли это постаралась?..

И он выразительно взглянул на Фину, которая от смущения опустила глаза и потупила голову.

— Теперь мне понятно, — продолжал Кольдеруп. — В таком случае, у Фини должен быть соучастник... — и дядюшка Виль резко повернулся к капитану Тюркоту, который разразился звонким смехом.

— Как вам угодно, мистер Кольдеруп, — ска-

зал капитан, — с вами я ещё могу не соглашаться... но слишком трудно было бы отказать мисс Фине. И вот... четыре месяца назад, когда вы послали меня проверить, что делается на острове, я отправил туда шлюпку с этим самым сундуком.

— Фина! Моя милая Фина! — произнес растроганный Годфри, протягивая девушке руку.

— Но, капитан Тюркот! Вы же обещали мне держать все в секрете, — сказала, зардевшись, Фина.

Дядюшка Кольдеруп, укоризненно покачав головой, напрасно пытался скрыть волнение.

Но если Годфри слушал все эти объяснения с веселой улыбкой, то Тарлетт совсем не смеялся! Ему было не до смеха! То, что он только что узнал, потрясло его до глубины души, буквально уничтожило! Как это, он, известнейший учитель танцев и изящных манер, стал жертвой подобной мистификации?

Он вышел вперед с видом оскорбленного достоинства и спросил:

— Может быть, вы будете утверждать, мистер Кольдеруп, что гнавшийся за мной крокодил тоже был заводной и сделан из картона?

— Крокодил? — удивился дядюшка.

— Да, мистер Кольдеруп, — заметил Карефиноту, которому пора уже возвратить его настоящее имя — Джип Брасс. — За господином Тарлеттом действительно гнался живой крокодил.

Тогда Годфри рассказал обо всем, что случилось за последнее время, о внезапном нападении огромного количества хищников — львов, тигров, пантер, о нашествии змей, которые до этого, за все четыре месяца, ни разу на острове не показывались.

Тут уже пришла очередь удивляться Уильяму Кольдерупу. Он ничего не мог понять. Ведь доподлинно было известно, что на острове Спенсер не водилось ни хищных зверей, ни ядовитых пресмыкающихся. Это даже специально оговаривалось в продажном реестре. В равной степени он не мог понять, кто разводил костры, которые тщетно пытался обнаружить Годфри в разных концах острова, наблюдая за появлением дыма. Итак, выходило, что многие события, происходившие

на острове, не были предусмотрены программой.

Что же касается Тарлетта, то он был не из тех людей, которых можно поймать на удочку. Он не поверил ни одному слову Кольдерупа. По его мнению, все было настоящее: и кораблекрушение, и дикари, и хищные звери. И никто бы не разуверил его в подлинности того эпизода, когда он проявил недюжинную храбрость, с первого же выстрела сразив наповал предводителя отряда полинезийцев! Нет, он не мог допустить, что это был один из служащих Кольдерупа, который только притворялся убитым и в настоящее время наслаждается таким же отменным здоровьем, как и сам учитель танцев.

Итак, всему нашлось объяснение, кроме непонятого нашествия зверей и загадочного появления дыма. Даже Уильяму Кольдерупу поневоле пришлось призадуматься. Но, будучи человеком практичным, он решил на некоторое время отложить эти вопросы и обратился к племяннику.

— Годфри, ты с детства любил необитаемые острова, и, я думаю, тебе будет приятно услышать, что я дарю тебе этот остров! Ты можешь здесь жить, сколько хочешь. Я не собираюсь увозить тебя отсюда насильно. Если хочешь быть Робинзоном, будь им хоть до конца дней своих, только бы это доставляло тебе удовольствие...

— Быть Робинзоном?.. всю жизнь? — произнес озадаченный Годфри.

— Ты в самом деле, Годфри, хочешь остаться на острове? — спросила Fiна.

— Нет, уж лучше умереть, чем остаться здесь! — воскликнул Годфри, не на шутку испуганный такой перспективой. Но затем он отступил назад и взял руку Fiны.

— Пожалуй, — сказал он с лукавой улыбкой, — я остался бы здесь, но только на следующих условиях: во-первых, чтобы и ты осталась со мной, дорогая Fiна, во-вторых, чтобы дядюшка Виль согласился жить с нами, и, наконец, чтобы священник с «Дрима» сегодня же нас обвенчал.

— На «Дриме» нет священника, и ты это прекрасно знаешь, — возразил племяннику Уильям Кольдеруп. — Но в Сан-Франциско, надеюсь, они еще есть. Полагаю, что любой пастор согласится оказать нам такую услугу. Итак, завтра мы отправимся в путь!

Fiна и дядюшка Виль выразили желание осмотреть остров, и Годфри сначала повел их к секвойям, а потом — вдоль речки до мостика.

Увы! От жилища в Вильтри не осталось никаких следов! Пожар полностью уничтожил их квартиру, устроенную в дупле дерева. Если бы не своевременный приезд Уильяма Кольдерупа, наши Робинзоны погибли бы от голода, холода и диких зверей.

— Дядя Виль, — сказал Годфри. — Если острову я дал имя Fiны, то дерево, в котором мы обитали, я назвал в вашу честь Вильтри.

— Хорошо! — сказал Кольдеруп. — Мы захватим с собой семена этой секвойи и поседем их в моем саду в Фриско.

Во время прогулки они видели в отдалении несколько хищных зверей, которые, однако, не решались напасть на такую многочисленную и шумную компанию.

Но откуда все же взялись эти звери?

После прогулки все отправились на пароход, причем Тартелетт попросил разрешения захватить с собой в качестве вещественного доказательства убитого крокодила.

Вечером все собрались в кают-компанию «Дрима» и за веселым ужином отпраздновали благополучное завершение испытаний Годфри Моргана и его обручение с Fiной Холландей.

На другой день, 20 января, «Дрим» под командованием капитана Тюркота пустился в обратный путь. В восемь часов утра Годфри не без грусти заметил, как на западе исчезли туманные очертания острова, на котором он провел шесть месяцев и получил жизненные уроки, которых никогда не забудет.

Во время переезда море было спокойно, и ветер благоприятствовал нашим путешественникам. На этот раз «Дрим» шел прямо к цели, никого не вводя в заблуждение своими отклонениями от курса, как в первое плавание. Теперь не было необходимости терять ночью то, что приобреталось днем.

23 января, в 12 часов пополудни, судно прошло через Золотые ворота в бухту Сан-Фран-

циско и пришвартовалось у набережной Мерчен-стрит.

И вот что тогда произошло.

Из глубины трюма вдруг вышел человек, который вплавь добрался до «Дрима» с острова Fiны и смог остаться незамеченным во время всего переезда.

Кто же был этот человек?

Не кто иной, как китаец Сенг-Бу, проделавший на том же корабле обратный путь в Сан-Франциско!

Китаец подошел к Уильяму Кольдерупу и вежливо сказал:

— Простите меня, мистер Кольдеруп, я сел на ваше судно в полной уверенности, что оно отправляется в Шанхай. Но поскольку корабль возвратился в Сан-Франциско, мне приходится здесь с вами расстаться.

Удивленные появлением этого человека, глядевшего на них с улыбкой, пассажиры «Дрима» не знали, что ответить ему, и стояли в растерянности.

Первым нарушил молчание Кольдеруп.

— Но, полагаю, не в трюме же ты скрывался все эти шесть месяцев?

— Нет, — ответил Сенг-Бу.

— Так где же ты был?

— На острове!

— На острове? — переспросил Годфри.

— Да, — ответил китаец.

— Значит, этот дым?..

— Был от моего костра...

— Почему же ты не пришел к нам, чтобы жить вместе с нами?

— Китаюцу лучше быть одному, — серьезно ответил Сенг-Бу. — Ему достаточно самого себя и больше никого не нужно.

Сказав это, чужак поклонился Уильяму Кольдерупу, сошел с парохода и исчез в толпе.

— Вот кто был настоящим Робинзоном! — воскликнул дядя Виль. — Как тебе кажется, Годфри, похож ли ты на него?

— Ладно! — ответил Годфри. — Дыму мы нашли объяснение, но откуда все-таки взялись хищные звери?

— И, главное, мой крокодил! — прибавил Тартелетт. — Надеюсь что мне, наконец, объяснят, как он туда попал?

Уильям Кольдеруп, чувствуя себя окончательно сбитым с толку, прозел рукой по лбу, как бы отгоняя набегавшее на него облако.

— Это мы узнаем позже, — сказал он. — Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Через несколько дней с большой торжественностью была отпразднована свадьба племянника Уильяма Кольдерупа и его воспитанницы. Можете не сомневаться, что многочисленные друзья коммерсанта сердечно их поздравили и пожелали им всяческих благ.

Во время церемонии Тартелетт блестяще продемонстрировал свое искусство держаться в обществе: манеры его были самыми изысканными, обращение самым утонченным. Ученик ни в чем не уступал ему и вел себя настолько безупречно, что еще больше повысил репутацию доблестного учителя танцев и изящных манер.

После свадьбы Тартелетт занялся своим крокодилом. Так как его нельзя было наложить на булавку, о чем танцмейстер очень сожалел, оставалось только одно — сделать из него чучело. С расправленными лапами и полураскрытой пастью, крокодил будет подвешен к потолку и

послужит прекрасным украшением комнаты учителя танцев.

Крокодила отослали к знаменитому чучельнику, который через несколько дней доставил его в лучшем виде в особняк на Монтгомери-стрит.

Все удивлялись величине чудовища, едва не проглотившего Тартелетта.

— Знаете, откуда этот крокодил? — спросил чучельник у Кольдерупа.

— Понятия не имею, — ответил дядя Виль.

— К его чешуе была прикреплена этикетка.

— Этикетка? — удивился Годфри.

— Да, вот она! — сказал мастер.

И он протянул кусок кожи, на которой несмываемыми чернилами были написаны следующие слова:

**От Гагенбека из Гамбурга
Дж. Р. Таскинару, Стоктон, США.**

Прочитав эту надпись, мистер Кольдеруп разразился громовым хохотом. Он все понял!

Итак, это была месть со стороны его победленного соперника Таскинара. Это он накопил у Гагенбека — владельца всемирно известного зоологического сада — хищных зверей и рептилий и отправил их на остров Спенсер. Конечно, такая затея стоила недешево, но зато он досадил врагу.

Если верить легенде, точно так же поступили англичане с Мартиникой, прежде чем сдать ее французам.

Теперь стало ясно все, что происходило на острове Фины.

— Ловко сыграно! — воскликнул Кольдеруп. — Даже я не сумел бы выдумать лучше, чем этот старый плут Таскинар.

— Но теперь, из-за этих ужасных зверей, остров Спенсер... — начала Fiна.

— Остров Фины, — поправил ее Годфри.

— ...остров Фины, — продолжала, улыбаясь, молодая женщина, — снова станет необитаемым!

— Что ж, — заметил дядюшка Виль. — Придется подождать, пока последний лев съест последнего тигра.

— И тогда, дорогая Fiна, — спросил Годфри, — ты не побоишься провести там со мной лето?

— С тобой, мой Годфри, я готова ехать куда угодно, — ответила Fiна, — а так как тебе все же не удалось совершить кругосветное путешествие...

— То мы его совершим вместе! — воскликнул Годфри. — А если волею судеб мне придется стать настоящим Робинзоном...

— То возле тебя всегда будет преданная Робинзонша!

Потомки Робинзона Крузо

В субботу 25 апреля 1719 года в книжных лавках Лондона царил необычайное оживление. Появилась книга, по слухам — весьма интересная. Весь тираж разошелся за несколько дней. Вскоре вышло повторное издание, потом третье, четвертое, пятое... десятое... Этой книге суждено было сыграть исключительно важную роль в истории мировой литературы. Вот ее полное заглавие:

«Жизнь и необычайные поразительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Дату появления «Робинзона» англичане приравнивают к

значительным событиям своей национальной истории. Английскому литератору Даниэлю Дефо, автору этого романа, было тогда около шестидесяти лет. «Робинзон Крузо» создал ему мировую известность. В это знаменательное апрельское утро имя Дефо перешло «из времени в вечность...»

Но писатель, будучи человеком практичным, не выставлял на обложке своего имени, а левоверная публика приняла историю Робинзона за подлинные мемуары трудолюбивого моряка, сумевшего в единоборстве с природой превратить необитаемый остров в благоустроенную, цветущую плантацию. О том, что эту книгу написал Даниэль Дефо, читатели узнали позднее.

Между тем, не теряя времени, он поспешил в том же 1719 году выпустить продолжение: «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни и охватывающие изложение его пу-

тешествий по трем частям света, написанные им самим». Во втором томе автор заставил своего героя объехать чуть ли не весь свет, снова посетить уже колонизованный остров, побывать на Мадагаскаре, в Индии, Китае и наконец проделывать трудный и опасный переход через всю Сибирь — из Пекина в Архангельск¹.

Не довольствуясь этим, Дефо написал еще и третий том — «Серьезные мысли, передуманные Робинзоном в течение его жизни» (1720), но обманул ожидания читателей: то был всего-навсего довольно бессвязный набор назидательных рассуждений на религиозные, моральные и коммерческие темы. Энергичный и деятельный герой, превратившись в скучного резонера, потерял всю свою привлекательность. Наиболее популярным остался

¹ Отрывок из этой второй книги — «Робинзон Крузо в Сибири» — наш журнал опубликовал в № 1 за 1959 год.

навсегда первый том «Робинзона», в котором и заключен главный смысл произведения: одинокий человек, обладая знаниями и культурой среднего англичанина XVIII века, как бы воспроизводит, живя на острове, различные исторические эпохи, через которые прошло человечество от первобытной дикости к цивилизации нового времени.

При этом Дефо ошибочно полагает, что человеческие качества были неизменными на всех этапах развития, что современный ему английский буржуа — купец, коммерсант, предприниматель — и является «естественным человеком», — «не результатом истории, а ее исходным пунктом», и в этом, по словам Маркса, заключается и логика «больших и малых робинзонад».

В действительности Робинзон с самого начала был вооружен теми знаниями и обладал теми инструментами и предметами обихода, которые сами по себе являются итогом длительного исторического развития. Топоры и гвозди, ружье и порох, парусина и швейная игла, чернила и бумага, семена культурных растений и Библия, многие другие предметы, спасенные Робинзоном с корабля, помогли ему обставить свою жизнь на острове по примеру среднего англичанина того времени. Но несмотря на такие условности, фигура Робинзона настолько правдоподобна и реальна, что читатели воспринимали его не как литературного героя, а как живого человека, рассказавшего правдиво и бесхитростно о том, что ему пришлось испытать.

Книга имела беспрецедентный успех. Зачитывались ею люди всех возрастов и всех сословий. «Не было такой бедной вдовы, — вспоминал один современник Дефо, — которая не копала бы каждый день хоть по пенини, чтобы купить себе со временем прекрасного Робинзона».

Триумфальное шествие «Робинзона Крузо» по странам мира началось еще при жизни Дефо. Уже в следующем, 1720 году роман был переведен на французский язык, еще через год — на немецкий, потом на итальянский, испанский, португальский, голландский, шведский, норвежский, датский и многие другие языки. В России «Робинзон» появился в пе-

реводе Якова Трусова в 1762 году. В арабских странах он становится любимой книгой под именем «Жемчужина океана».

Одновременно печатались многочисленные переделки и подражания — так называемые *робинзонады*. В каждом государстве и даже во многих провинциях и городах выходили свои «Робинзоны»: французский, датский, голландский, греческий, ирландский, богемский. Только в Германии до 1760 года насчитывалось не менее сорока различных робинзонад. «В этой разбитой, разделенной на клочья стране, — пишет французский исследователь Поль Доттен, — каждая область, каждый общественный класс хотели иметь своего Робинзона. Был саксонский Робинзон, силезский Робинзон, бранденбургский Робинзон, австрийский Робинзон, еврейский Робинзон...»

Французский просветитель Жан Жак Руссо был первым, кто обратил внимание на воспитательное значение книги Дефо и, можно сказать, приобщил ее к детской литературе. В своем педагогическом романе «Эмиль» (1762) он объявил «Робинзона Крузо» книгой, достойной в течение долгого времени составлять «всю библиотеку» подростка, и указал, как нужно ее сократить применительно к детскому чтению: «Этот роман, из которого мы выкинем все лишнее, начнется кораблекрушением Робинзона Крузо возле его острова и кончится появлением корабля, который приходит, чтобы взять его к себе на борт».

И в самом деле, после Руссо стали появляться одна за другой переделки и сокращенные переводы «Робинзона» для детей.

Наиболее долговечной среди них оказалась переработка, сделанная немецким последователем Руссо, педагогом Кампе. Благочестивый отец семейства каждый вечер рассказывает своим послушным детям очередную эпизод из жизни бедного Робинзона, отвечает на их наивные вопросы и внушает правила добродетели. «Робинзона Младшего» (1779) Кампе невозможно читать без скуки. Тем не менее успех был таким неслыханным, что слащавая книга немецкого педагога на четверть века затмила подлинного «Робинзона».

И вот мы подошли к XIX веку, заполненному сотнями всевозможных робинзонад, пленявших воображение школьников всех частей света. Каждый год и чуть ли не каждый месяц на том или другом языке появлялись новые и новые подражания бессмертному роману Дефо. Повести о малолетних Робинзонах плодились и множились, как грибы в сырую погоду. В Мировом океане, кажется, не осталось ни одного острова, не занятого кем-нибудь из бесчисленных потомков Робинзона Крузо. И тогда они стали селиться в пустынях и джунглях, в саваннах и прериях, у Северного и Южного полюсов, на горных вершинах, в кратерах вулканов, в заброшенных шахтах, в корабельных трюмах — всюду, куда их забрасывала буйная фантазия сочинителей.

Подавляющее большинство этих книг быстро кануло в Лету. Надолго удержался на библиотечных полках только «Швейцарский Робинзон» (1812) Иоганна Рудольфа Висса. Юные читатели полюбили его семейную робинзонаду, выдержавшую на протяжении века не одну сотню изданий. После добродетельного Кампе почтенный цюрихский профессор Висс был самым удачливым конкурентом Даниэля Дефо. А поскольку его герои — отец и четверо сыновей — не покинули своего острова, французская переводчица Изабелла де Ботан не удержалась от соблазна присоединить к своему переводу собственное продолжение романа — «Швейцарский Робинзон или Дневник отца семейства, потерпевшего кораблекрушение вместе со своими детьми» (1824).

Другое продолжение романа И. Р. Висса почти восемьдесят лет спустя написал Жюль Верн. В серии «Необыкновенных путешествий», состоящей, как известно, из шестидесяти трех романов и двух десятков повестей и рассказов, «Вторая родина» (1900) занимает особое место рядом с «Ледяным сфинксом», являющимся продолжением «Приключений Артура Гордона Пима» Эдгара По.

Талантливый Жюль Верн не только превзошел, но и вытеснил с книжных полок своих многочисленных предшественников, не исключая и Висса, которым он восхищался в

школьные годы и которого почитал в старости. Французский романист не скрыл от читателей своего увлечения робинзонадами, оказавшими на его творчество заметное влияние.

«Робинзоны», — вспоминает Жюль Верн в предисловии к роману «Вторая родина», — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии при чтении других произведений я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошел впоследствии. Эта любовь заставила меня написать «Школу Робинзонов», «Таинственный остров», «Два года каникул», герои которых являются близкими родичами героев Дефо и Висса. Поэтому никто не удивится тому, что я всецело отдался сочинению «Необыкновенных путешествий».

К романам, упомянутым Жюлем Верном, следует добавить еще «Гектора Сервадака», едва ли не первую в мировой литературе робинзонаду в Космосе, и «Кораблекрушение «Джонатана» — образец коллективной робинзонады, приведшей к созданию нового государства на одном из островов в архипелаге Магальянес. И это далеко не все. С робинзоновской темой, если подходить к ней с широкими мерками, связаны так или иначе многие произведения Жюль Верна, начиная с его ранней повести «Зимовка во льдах», написанной еще задолго до того, как возник замысел «Необыкновенных путешествий».

Робинзонады для французского писателя — удобная форма повествования, позволяющая живо и ненавязчиво выразить продуманную систему положительных идей — моральных, социальных, педагогических.

Ярче всего это проявилось в «Таинственном острове», романе о безграничных возможностях созидательного труда, свободного от всякого принуждения и тем более — от капиталистической эксплуатации. Трудовая община или даже коммуна, изображенная в «Таинственном острове», есть не

что иное, как художественное воплощение идеалов утопического социализма. Тем самым приключенческий роман становится и романом философским.

В другом произведении из цикла робинзонад — «Два года каникул» — писатель, заставив пятнадцать мальчиков из Новой Зеландии пережить на необитаемом острове массу трудностей и с честью выдерживать все невзгоды, приходит к заключению: «При порядке, усердии и мужестве нет таких опасных положений, из которых нельзя было бы найти выхода. Испытания закаляют людей и развивают силу воли».

В отличие от писателей XVIII века, Жюль Верну не свойственны были иллюзии «больших и малых робинзонад». Поэтому робинзонадам индивидуальным он предпочитал коллективные. Изображенные трудовой деятельностью группы людей давало ему больше возможностей раскрывать свои прогрессивные взгляды. И в отличие от подавляющего большинства авторов приключенческих романов XIX века, развивавших авантюрную сторону робинзонады в ущерб идейному содержанию, Жюль Верн остается на высоте даже и в таком откровенно пародийном, юмористическом романе, как «Школа Робинзонов» (1882).

Здесь торжествует стихия смеха. Замысел держится на комических ситуациях. Весело, легко и непринужденно разворачивается шутовское действие. Между тем, когда писался роман, издатель Этцель, недооценив пародийно-юмористического замысла, предложил своему автору придать роману «философскую основу обычной робинзонады».

Писатель решительно возражил: «Философское понимание, на которое вы указываете, — вне моего сюжета и может его только отяжелить. Мой роман будет веселой и забавной шуткой на робинзоновскую тему и ничем больше». И он был прав. «Школа Робинзонов» — произведение преимущественно юмористическое, выдержанное в тонах веселой буффонады, основанное на сплошных розыгрышах, что, впрочем, не мешает автору проводить свои моральные идеи.

Несколько слов о названии романа. Оно типично французское и восходит к комедиям

Мольера «Школа мужей» и «Школа жен», которые переводятся еще как «Урок мужьям» и «Урок женам». Следовательно, и «Школу Робинзонов» можно было бы озаглавить «Урок Робинзонам», что еще больше подчеркнуло бы юмористическую окрашенность замысла. Ведь Жюль Верн в молодости сочинял водевили, а позднее, используя опыт драматурга, искусно применял в романах комедийные художественные приемы. Это заметно и в «Школе Робинзонов». Миллионер-самодур Кольдеруп и чудаковатый учитель танцев и хороших манер Тартелетт — персонажи, обрисованные несколькими броскими штрихами, во многом напоминающие героев классической комедии, в которой должны также непременно участвовать пара молодых влюбленных и разбитной слуга. В данном случае эти традиционные роли возложены на Годфри с Финой и мнимого туземца Карефиноту. Но главное, конечно, не группировка и взаимоотношения персонажей, а слаженная интрига и комедийное действие, основанное на забавных недоразумениях.

Все в этом романе мнимое, ненастоящее, поддельное. Робинзонада разыграна по «сценарию» Уильяма Кольдерупа, не пожалевшего денег, чтобы проучить своего взыскательного племянника. Дядюшка покупает на аукционе остров, подстраивает кораблекрушение, поручает одному из своих служащих роль Пятницы, а ничего не подозревающий Годфри набирается жизненного опыта в специально созданной для него «школе Робинзонов».

«Сценарий» предусматривает постепенное приспособление Годфри к суровой жизни на необитаемом острове, повторяющее до некоторой степени историю Робинзона Крузо.

Годфри может полагаться только на свои силы, изобретательность и навыки, приобретенные в труде. Ведь его спутник Тартелетт практически ни к чему не пригоден и заменяет лишь говорящего попугая, который скрашивает в романе Дефо одиночество Робинзона Крузо.

Однако разработанный Кольдерупом «сценарий» все же нарушается непредвиденными по-
блажками (сундук с одеждой и утварью, подкинутый забот-

ливсой Финой), либо серьезными осложнениями, едва не стоившими «Робинсонам» жизни. Заводные медведь и тигр в последних главах сменяются настоящими хищниками, выпущенными на остров непримиримым соперником Кольдерупа, миллионером Таскинартом, и если аллигатор не успел проглотить учителя танцев и хороших манер, то только по счастливой случайности. Не были предусмотрены «сценарием» ни осада Вильтри тиграми и пантерами, ни пожар от взрыва пороха, ни костер, разжигаемый в разных частях острова спасшимся при «кораблекрушении» китайцем.

Итак, Годфри Морган получает жизненную закалку, и роман завершается его бракосочетанием с Финой, после чего герой робинзоны теряет всякий интерес, как для самого автора, так и для читателей.

В истории литературы известно немало случаев, когда самые серьезные произведения становились объектом пародии. Например, еще в древней Греции героические поэмы «Илиада» и «Одиссея» породили «Войну мышей и лягушек». Уже в новое время «Энеида» римского поэта Вергилия вызвала много пародийных перелицовок, увенчавшихся в конце XVIII века «Энеидой» Ивана Котляревского. Пародируются,

как правило, произведения наиболее популярные.

В юношеской литературе второй половины прошлого века хорошие и плохие робинзоны смешались в одну кучу. Жюль Верн создал беззлобную пародию на «Робинзона Крузо» и заодно высмеял его бесчисленных подражателей. «Школа Робинзонов» — робинзоны навыворот. Урок получает не только Годфри, но и сочинители бездарных романов, разменявшие на мелкую монету не оцененное сокровище духа, которое когда-то подарил миру Даниэль Дефо. Пародийный роман Жюль Верна показал несостоятельность многих подражательных книг, написанных по готовым рецептам, и нанес им ощутимый удар.

Правда, история робинзонад на этом не закончилась, да и сам Жюль Верн после «Школы Робинзонов» продолжал еще пополнять свой робинзоновский цикл. Но, во всяком случае его произведения выгодно отличались от ходовых приключенческих романов, заполнивших детские библиотеки.

В мировой литературе робинзоны — вечная тема. Каждая эпоха наполняет ее новым социальным и философским содержанием. И писатели XX века, возвращаясь к старым сюжетам, используют опыт своих предшественников и, в частно-

сти, Жюль Верна. Читатель, знакомый с новейшими зарубежными робинзоныдами, переведенными на русский язык, несомненно, заметит влияние автора «Необыкновенных путешествий» и сможет сопоставить «Робинзонов Космоса» Франсиса Карсака с «Гектором Сервадаком» или «Остров» Робера Мерля с «Мятежниками с «Баунти» Жюль Верна. Эти романы принадлежат перу его соотечественников. Но и английский писатель Уильям Голдинг не мог не думать о французском романисте и мысленно не полемизировать с его романом «Два года каникул», когда писал своего «Повелителя мух».

Робинзоны — только одна из многочисленных граней в многообразном творчестве Жюль Верна. Он вошел в мировую литературу как подлинный основатель нового жанра — «научного романа». В наши дни, когда блестяще исполнились почти все его научные прогнозы, интерес к творчеству Жюль Верна возродился с новой силой. И если читатели не могут теперь почерпнуть из его научной фантастики запаса свежих идей, на много десятилетий опережающих время, то по-прежнему привлекает блестящая выдумка писателя и не меркнет мастерство романиста.

В этом легко убедиться, прочитав «Школу Робинзонов».

Евг. БРАНДИС.

Дорогие читатели!

Просим вас написать нам о том, как вы относитесь к публикации в нашем журнале забытых и малоизвестных произведений, таких, например, как роман Жюль Верна «Школа Робинзонов».

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ УЗЕЛ

ОПЕРАЦИЯ

Ревда на карте операции «Ч» — сложный и, пожалуй, наиболее приковывающий внимание узел опасностей и тревог. настолько велик вклад его зла в судьбу Чусовой. Что же там происходит? Хотелось разобраться на месте, но дела все отодвигали поездку. А тут — телефонограмма:

«Председателю Билимбаевского поссовета, председателю Битинского сельсовета.

Срочно примите меры к ограждению прорубей на реке Чусовой, выставьте анидаги с надписью, запрещающей временно брать воду для питьевых целей, в том числе скоту.

Председатель горисполкома В. Гришаков».

Тревожное донесение из Первоуральска мившей зимой получило и Общество охраны природы в Свердловске, а когда я позвонил по телефону в Первоуральск, заместителю председателя горисполкома Герасименко (он же председатель городского Общества охраны природы), тот, с первых же слов упомянув СУМЗ, пожаловался:

— Задушили нас мышьяком...

СУМЗ — Среднесуральский медеплавильный завод, крупнейшее медеплавильное предприятие Урала, сосед первоуральцев. Жалобы на СУМЗ уже длительное время периодически доносятся и со страниц печати. Сумзовцев давно ругают за пренебрежительное отношение к природе, но, кажется, последнее их деяние превосходит по значению все предыдущие...

Это было в январе 1970 года. Некоторое время спустя мы сидели в кабинете Ивана Петровича Герасименко в новом здании горисполкома.

Выясняется: в октябре по распоряжению главка медеплавильщики перешли на гайскую руду, содержащую в большом количестве мышьяковистые соединения (дегтярские, сибавские руды, которые шли на завод ранее, мышьяка не имели), и вот тут началось. Когда, в середине января, санинспекция проверила, каков состав «хвостов», сбрасываемых в Чусовую после отстоя в прудке, концентрация мышьяка в воде оказалась в 800 (восемьсот!) раз больше допустимой. 25 января первоуральская санэпидстанция взяла пробы в Чусовой в точках: деревня Слобода, деревня Нижнее Село, поселок Староуткинск — уже на значительном расстоянии от завода — и направил в Свердловск. Анализ показал: у деревни Слобода содержание мышьяка 20 миллиграммов

на литр воды, у Нижнего Села 14, у Староуткинска тоже 20, что превышает предельно-допустимую концентрацию (0,05 миллиграмма на литр) соответственно в 300—400 раз.

Бедная Чусовая, только этого ей не хватало! Мышьак — яд, и угроза нависла над всем побережьем. Вот тогда и забили тревогу. Общество охраны природы попросило воздействовать на руководителей СУМЗа, нарушивших «Закон об охране природы в РСФСР». Весть дошла до обкома партии.

Областная санэпидстанция дала распоряжение остановить серноокислотный цех. Завод попросил неделю отсрочки. Приехала комиссия из Москвы во главе с заместителем начальника главка. Через неделю сброс мышьяка прекратился. Но надолго ли?

* * *

Итак, опять СУМЗ...

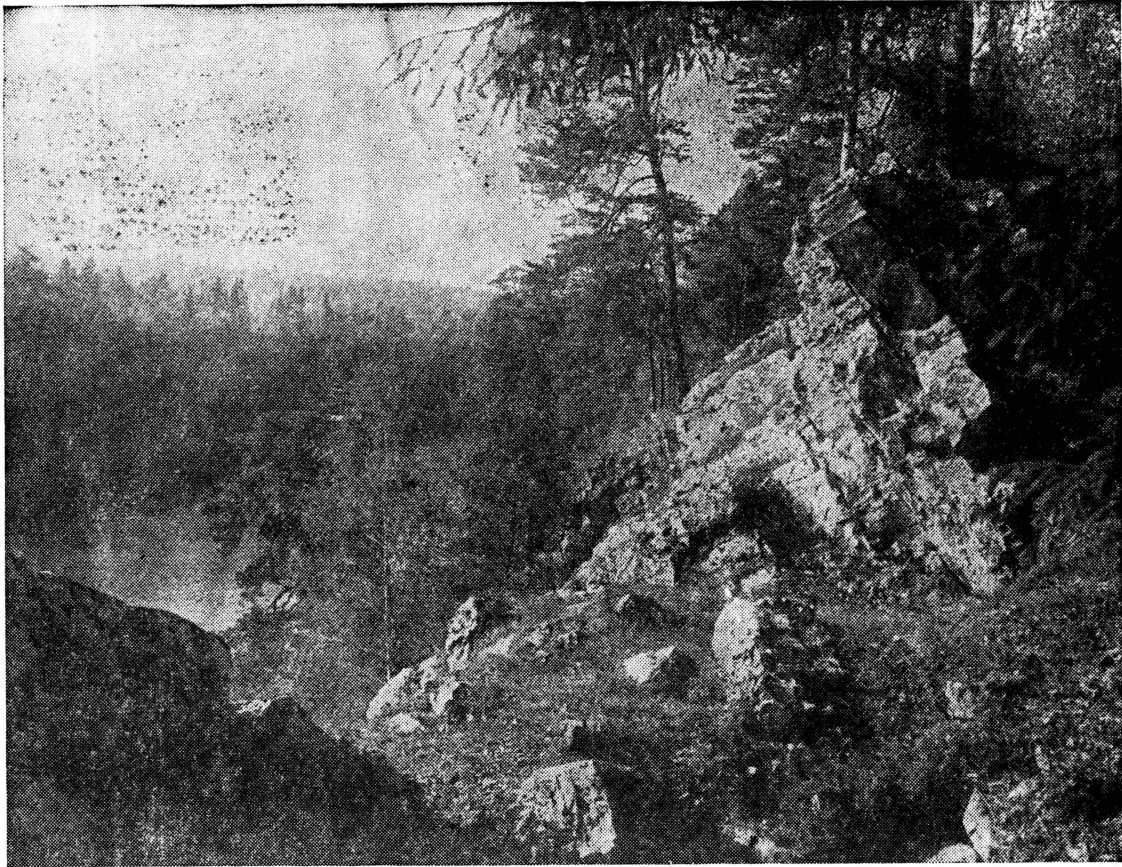
Ровно год назад Свердловский облисполком на специальном заседании рассмотрел состояние дела охраны природы на территории Первоуральско-Ревдинского промышленного узла. Приглашены были директора всех крупных предприятий этого района. Сразу определилось размежевание: одни — это были первоуральцы — болели душой за природу и уже осуществили ряд серьезных природоохранных мероприятий, другие — ревинцы, сумзовцы — и слышать не хотели, что можно и нужно что-то сделать. Они даже, вроде, не понимали: о чем разговор?!

Особенно запомнился директор СУМЗа Саркисов. Он хмуро поглядывал на собравшихся, казалось, говорил: «С меня требуют медь — я ее даю! А что еще нужно?»

Общее осуждение вызвало стремление сумзовцев «сесть» на очистные сооружения, построенные первоуральцами. Самим с этим не возиться, протянуть коллектор длиной в пять километров, по нему сплавлять соседям свою отраву, и — с плеч долой!

Саркисову пришлось говорить дважды, сперва он докладывал, потом отвечал на вопросы, и если вначале был смущен, оправдывался, то потом, получив поддержку со стороны автора проекта очистных сооружений — молодой женщины, сотрудницы института «Водоканалпроект», явно воспринял духом и держался уже совсем иначе.

Между тем причин для успокоения не было никаких.

Река Чусовая. Камень Сторожевой.

Фото В. Тернова

Выразительно говорили цифры: в Первоуральске выполняется строительство очистных сооружений на 120%, на СУМЗе — на 25. И еще одна: 98% воды СУМЗом сбрасывалось в Чусовую неочищенной...

Гневно-обличительно прозвучала и речь председателя облисполкома.

— Обратное водоснабжение отсутствует,— резко говорил он, обращаясь к Саркисову.— Чусовая превращена в сточную канаву. От СУМЗа вода в Чусовой приобретает щелочную реакцию, всякая жизнь в реке уничтожается. Вокруг завода гибнет растительность. Это памятник позора. В большом радиусе от СУМЗа нельзя бурить скважины для нужд городов: отравлены подземные воды. А воздушная среда! Порча сельхозугодий — тоже ваша работа! Гибнет лес. От газа сохнут сосны даже оксло обелиска Европа — Азия, куда приезжают туристы из всех стран... это же, если брать напрямую, примерно на расстоянии пятнадцати километров от завода! Надо браться за очистку, иначе все погибнет...

Попало и заводу «Хромпик», что в Первоуральске:

56 — К Чусовой вы приложили руки здорово. Даже скалы, камни стали неестественного цвета... Приложили здорово! — повторил он, а я вспомнил

ядовито-желтую струю, вытекавшую из трубы СУМЗа.

Оранжевые скалы на берегах!

Может быть, спустя тысячелетия, археологи и геологи будут ломать голову: откуда они на Чусовой?!

Дальше было сообщено: для разрядки напряженного положения, сложившегося с водным балансом в районе Свердловск — Первоуральск — Ревда, намечается переброска воды из реки Уфы. Однако, чтоб это дало нужный эффект, необходимо к моменту поступления воды из Уфы везде иметь очистные сооружения.

Исполком в своем решении подчеркнул безответственное отношение директоров предприятий: Средне-Уральского медеплавильного (тов. Саркисов), Ревдинского метизно-металлургического (тов. Большиков) и по обработке цветных металлов (тов. Лазарев) к оздоровлению внешней среды и обязал их в кратчайшие сроки полностью прекратить загрязнение воды и воздуха. Исполком довел до сведения министра черной металлургии и министра цветной металлургии о крайне неблагоприятном состоянии водоемов и воздушного бассейна Первоуральско-Ревдинского промышленного узла...

Минув год. Что изменилось с тех пор?

На СУМЗ мы поехали, так сказать, бригадой — Александр Михайлович Никитин — заслуженный лесовод РСФСР, председатель депутатской комиссии по охране природы Первоуральского городского Совета, Герман Михайлович Еловских — главный врач Первоуральской санэпидстанции, и я.

На памяти у нас прошлогоднее облесполкомовское заседание. Принесло ли оно какие-нибудь плоды?

— Дицас почти ничего не сбрасывает, перешел на газ, — сообщает Никитин. — Очень большую работу проделал «Хромпик». Там молодец главный инженер, Василий Иванович Чуркин. Честный человек, никогда ничего не скроет, когда к нему приедешь... Хром в воде иногда еще является, но сделали немало.

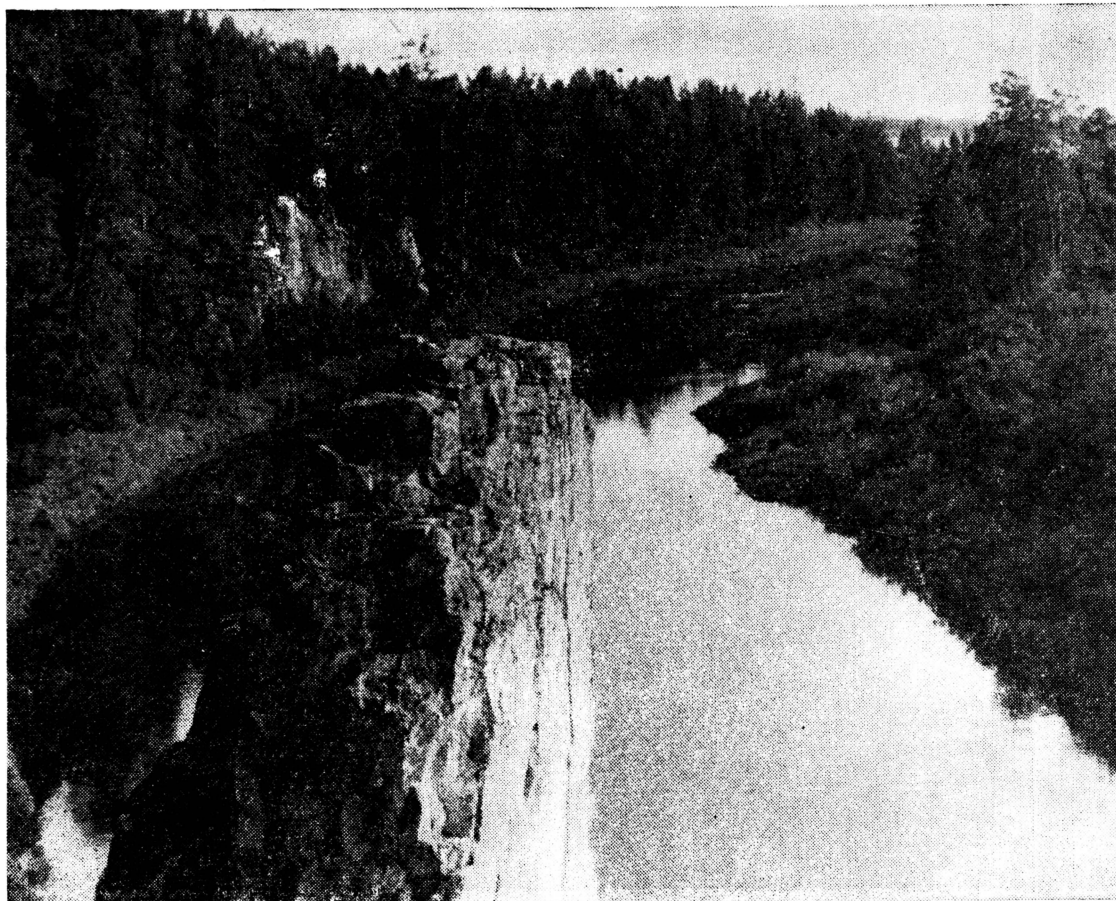
А вот и памятник позора, по выражению председателя облесполкома. Едва миновали строения Первоуральска, как сразу же открылся унылый безрадостный пейзаж — ни деревьев! И эта «каракумская пустыня» все ближе подбегает к Первоуральску. Зонай безответственности называет ее Никитин. Он не может спокойно говорить обо всем этом. Леса гибнут, трудно даже

подсчитать урон. А ведь еще помнится, когда здесь стояли корабельные роши. Поверите ли, у столба Европа — Азия лесоводы каждый год убирают до десяти процентов сосняка — высохшие, погибшие деревья... Говорили сумзовцам, а они отвечают: «Это еще надо посмотреть, отчего гибнут деревья, их туристы ногами вытаптывают...»

И я помню, когда вокруг Первоуральска весело кудрявились сосновые леса. Лесами были одеты все окрестные возвышенности. И это было не так давно, в войну. А сейчас стала менее зеленой даже знаменитая гора Волчиха.

Сердиты первоуральцы на ревдинцев! Да как и не сердиться? Газом их травят. Господствующие ветры таковы, что все несет на них, на первоуральцев, и в городе, по сведениям санслужбы, сернистого газа сейчас в 3—5 раз больше, чем в самой Ревде. Та же картина с водой. Сбросы СУМЗа идут через Динасовый завод (СУМЗ выше Динаса), поэтому долгое время сваливали вину на него. А система такова: СУМЗ забирает чистую воду из Маринского пруда, а сюда, вниз, в Чусовую — сплавляет всю грязь!

Впрочем, и самой Ревде приходится не сладко. Главный лесничий Ревдинского лесхоза Г. Воронков в газете «Ревдинский рабочий» жалуется: трудно проводить озеленение — саженцы прижи-

Чусовские берега.

Фото В. Тернова

ваются плохо, очевидно, выбросы газов за последние годы сильно увеличились. Начал сохнуть лес, еще недавно бывший здоровым. Значит, положение не улучшается, а ухудшается!

Но, кстати, дает поправку Никитин, если б взяться по-настоящему, можно было бы кой-чего добиться. В лесничестве у них на экспериментальном участке прижились даже дубы. Приезжал к Саркисову, говорю: можно вести работу. Мы помогли бы посадочным материалом. Все без толку!

— Их это не беспокоит,— раздумирует Еловских.

Да, нету, нету беспокойства. Верно.

— Сейчас ухватились за идею построить 120-метровую санитарную трубу,— продолжает Никитин.— Сложная техническая проблема. Выбросы очень агрессивные, надо подобрать такой материал, чтоб выстоял. Нержавейка или что другое. А толк? Чтоб рассеивать еще больше? На заводе и так высокие трубы, видно издалека. Даже главный инженер Примаков признает, что это ничего не даст. Завод растет, выбросы растут. Труба — обман,— заключает Никитин.

И здесь прав Александр Михайлович. Труба — не решение.

— За год двадцать четыре тысячи тонн серной кислоты вылетает в воздух,— опять вставляет Еловских,— извлечь бы ее.

Вот где решение: утилизация.

(В скобках замечу: мне эта цифра — 24 000 тонн — сперва показалась огромной, и я даже усомнился в точности сообщенного Еловских; позднее выяснилось, что он действительно ошибался, но... в другую сторону. Когда я, разговаривая в институте «Унипромедь», назвал эту цифру, там захохотали. Оказалось, Еловских занизил ее ровно в десять раз: не 24 тысячи, а 240 тысяч тонн!).

Конечно, виноват не один СУМЗ. Речку Ревду, впадающую в Чусовую, умертвил Ревдинский метизно-металлургический завод. Жители говорят: «По реке сплошное железо плывет». Постарался и завод обработки цветных металлов. Давний и в самом буквальном смысле несмываемый грех на Десярском медном руднике.

Вспомнилось, как в предвоенные годы мы пересекли на автомобиле ручей, вытекавший из шахты. Берега его были сплошь в медном купоросе. Восхищались: вот как у нас много всего — в воде медь! И ныне это рождает иные чувства.

В канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина первоуральцы обратились ко всем предприятиям области с призывом организовать соревнование за ленинское отношение к природе, включить соответствующие показатели в социалистический договор. Многие предприятия поддержали их почин. Многие, но не СУМЗ. Совсем не слышно на медплавильном голосе Общества охраны природы. Да его там и нет. Правда, уступая велению времени, директором был издан приказ, в котором говорилось о создании на заводе первичной организации общества. Спустя полтора года за заместителя главного энергетика завода А. А. Наумочкин, назначенный ответственным за охрану природы, в беседе с Никитиным хватился: что он должен делать? Каковы его обязанности? Заниматься ли ему Обществом охраны природы или быть при заводском комитете? Еще не уяснил.

— К ленинскому юбилею они так и не включили обязательств по охране природы,— негодовал

Никитин.— Дошло до того, что мы вынуждены были проситься к ним на сессию горсовета: пригласите нас, первоуральскую делегацию, поговорим по-добрососедски об общих заботах. Согласие дали, но очень долго тянули...

Саркисов был предупрежден по телефону о нашем приезде и принял нас сразу же, как от него вышел очередной посетитель.

Сегодня Саркисов явно нервничал, отвечая на вопросы.

Конечно, положение его нелегкое. Цветная металлургия — одно из вреднейших для природы производств, и меры защиты от нее пока все еще половинчатые. Японцы, например, выносят медные заводы на необитаемые острова. Но мы не можем следовать такому примеру, и не потому, что у нас нет необитаемых островов, а потому, что наш путь другой. Конечно, перед руководителями СУМЗа стоят громадные трудности. Конечно. И все же... как дальше?

Итак, у завода есть перспективный план развития. Директор не разворачивал обширнейших grossбухов-графиков, но упирал все время на него — на план, только на план. Водооборот должен быть, есть в плане. Должен появиться в 1971 году. Правда, есть какие-то неясности в проекте, санитарные органы в Москве задерживали, сейчас как будто сняли возражения. «Будут решены». «Генеральная линия определена. Это — «по воде». Что касается воздуха... «Повысить степень утилизации газов до 90 процентов (сейчас 50)». «Использовать конверторные газы»... Но это — когда? Опять не все ясно.

Странное дело, чем больше говорил директор, тем больше складывалось впечатление, что он уходит от ответов.

Почувствовав, что произвел неблагоприятное впечатление, Саркисов спешит сообщить: в первые годы существования завода было сделано очень много, чтоб исправить недочеты технологии.

Но это в первые годы после пуска. А сейчас? За последнее время СУМЗ увеличил выплавку в три раза, а следовательно...

Директор начинает все сначала, опять о плане развития.

— Иосиф Гевандович, мы это все поняли. А сейчас хочется услышать ваше мнение: как могла случиться эта история с мышьяком и как предотвратить повторение подобных случаев?

— Я, конечно, не хочу сомневаться в правильности анализов.

«Не хочу...» Но ведь факт отравления воды был подтвержден и областной санитарной инспекцией, именно она потребовала приостановки действия сернокислотного цеха. Добавлю еще: когда мы беседовали в других местах, везде это расценивалось как крупное упущение некоторых должностных лиц на заводе и прежде всего контроля. Цех работал с 1963 года безаварийно, никаких неприятных происшествий не происходило, это притупило бдительность. Контроль ослаб. А именно он первый обязан следить за сырьем, за качеством стокков. Можно добавить, что весь 1969 год завод лихорадило, годовой план «взяли штурмом» (опять же из-за сырья). Плавил все, что дадут. И как раз в этот период прошло много мышьяковосодержащей руды. Завод сбрасывал в сутки 40 000 кубометров стокков. В зимние месяцы воды в Чусовой меньше, раз-

бавление, или, как говорят техники, разубоживание было хуже. Впрочем, даже встав на позицию руководства СУМЗа и приуменьшая серьезность положения, придется признать: разубоживание все равно не спасло бы...

Попутно скажем: совершенно недопустимые глухоту и слепоту проявила санслужба города Евды, она действует уклончиво, не дает подчас достоверных сведений соседям-первоуральцам. Последнее время, правда, стала будто бы чуточку смелее: почувствовала опору в общественности...

— Простите за прямой вопрос: а вы думали, чем это могло закончиться лично для вас, если бы кто-нибудь отравился? Ведь это же подсудное дело.

— Да, но нам известно, что неорганизованного потребления воды населением нет...

— Как же нет! — не выдерживает Еловских. — Пьют! Скотину поят. Берут для стирки, мытья...

— Берут из скважин... — деликатно поправляет Саркисов.

— А вам известно, — вставляю я, — что многие скважины в вашем районе тоже испорчены и пользоваться ими нельзя?

Саркисов молча делает неопределенное движение головой. В разговор вступает Никитин. Кому — что, а для кого, лесовода, главное — зелен. Он пытается убедить, что на СУМЗе недостаточное внимание уделяется озеленению. Саркисов снисходительно улыбается: «Когда строили завод, везде были сделаны посадки. Все погибло».

— Тем более надо заниматься сейчас! — убеждает Никитин. — Хоть от пылевых бурь спасись!

Саркисов мягко объясняет: они и занимаются, но... «нет транспорта, нужно привезти сотни машин земли».

Везде — «непреодолимые трудности». Что это — боязнь прямого разговора, желание уйти от ответственности? Не потому ли сумзовцы отказываются и от четырехкилометровой санитарной зоны, определенной им постановлением облисполкома, что не хотят брать лишней заботы?

Тонны пыли ежесуточно изрыгают в воздух трубы СУМЗа. Опять непреодолимо? А почему в Нижнем Тагиле на цементно-шиферном заводе улавливают многие тонны такой же пыли? Трудности были наверняка не меньше. Почему на СУМЗе не организована (это было признано в докладе председателя Ревдинского горисполкома Е. А. Бороздина) централизованная служба ремонта и эксплуатации газоочистительных и пылеулавливающих установок, не совершенна служба лабораторного контроля? Хромпиковый завод имеет проект санитарной зоны, СУМЗ — нет. У маленького завода свой питомник, где выращивается посадочный материал для озеленения; у СУМЗа питомника нет, очевидно, потому, что нет желания его иметь. А если бы все то упорство и изворотливость, с какими завод отбивает все претензии к заводу со стороны общественности и органов Советской власти, употребить на другое? Наверняка был бы результат, и, может быть, мы не сидели бы сейчас и не вели этот обоюдно неприятный нам разговор... Известно, как энергично добивался директор СУМЗа, чтобы облисполком и другие учреждения сняли с завода уплату штрафа за испорченную землю. И ведь добился! Такую бы энергию да на сбережение природы!

Я слушаю и думаю о том, чем грозят подоб-

ные факты человечеству. Что непрерывно уменьшается количество кислорода в составе воздуха, которым мы дышим; что скоро, пожалуй, на земле не останется чистых водоемов, из которых можно утолить жажду живому существу. И эти опасности реальнее и страшнее даже угрозы голода, которая, увы, все еще висит над значительной частью обитателей планеты... Но, видимо, не всех заботит и волнует.

«Унихим ничего не дал за многие годы для кардинального решения». «Надо, чтоб развитию нашего предприятия было уделено больше внимания»... Все верно. Ну, а какова роль самих руководителей предприятия в техническом прогрессе завода?

Всегда надеяться только на других? Под лежачий камень вода не течет! Совершенно очевидно, что работа должна идти одновременно в нескольких направлениях: поиски новых, принципиально отличных решений — раз; совершенствование существующих методов производства — два; а рядом (обязательно!) повседневные природоохранные мероприятия общественного характера — техкомитеты, выведение газоустойчивых неприхотливых растений, помогающих очищать воздух (выросла же в Красноуральске целая березовая роща на земле, отравленной серой!), активность всего заводского коллектива, от директора до разнорабочего, — три...

Общий план развития! Когда он еще станет реальностью?

...Наши иллюзии были окончательно добиты, когда нам сообщили: смета на реконструкцию — 137 миллионов рублей, а строительная база способна освоить в год всего четыре миллиона. Правда, недавно появилось второе стройуправление. В 1969 году ориентировались на 12 миллионов, фактически свелось к семи... Сколько же лет придется осваивать? Сейчас идет руда Учалинского месторождения, из Башкирии. А если завтра снова прихлещет мышьяковистую (а гарантии, что этого не случится, нет)? Все сначала?..

Да, не болела душа у ревдинцев, не было настоящего беспокойства. Верно, однажды на сессии городского Совета был представлен специальный доклад на тему о ленинском отношении к природе. Председатель исполкома произнес длинную речь. Все на том и кончилось. Положением с Чусовой обеспокоена даже Пермь, поскольку пермяки переходят на потребление чусовской воды; а у них, у главных виновников, и горюшка мало.

В Первоуральске до сих пор с удовольствием вспоминают, как обсуждался такой же вопрос у них на бюро горкома партии. Принесли пробирку с пробами воды, поставили на столе, закрыли салфеткой. Докладывал главный энергетик Новотрубного завода Криницын. У него получалось, что вода в Чусовой чуть ли не лучше, чем в былые годы. Тогда секретарь горкома сдернул салфетку, поболтал колбу с водой (вода была грязная, мутная, со ржавчиной) и сказал:

— Вот эта ваша вода... Может быть, почете? — И протянул колбу докладчику. Тот вспыхнул и отшатнулся. Послышался смех. А буквально на следующий день директор завода Ф. А. Данилов собрал совещание руководителей по проблемам природы.

Вот так бы и ревдинцам!

СКАЗКА НА СЕМИДЕСЯТИ ГЕКТАРАХ

Удивительные деревянные строения веками украшали деревни Прикамья. Со временем они будут собраны в Пермском музее народного зодчества. Это будет особенный музей. Вдоль его улиц и переулков встанут темные крестьянские избы с резными наличниками окон, коньками крыш и крылечек, с деревян-

ными кружевами на воротах, с баньками в огородах, с амбарами, ригами, колодезными срубами.

Хозяева этих изб были людьми требовательными к красоте. Они украшали свои жилища строгой и прекрасной резьбой, соревнуясь друг с другом в выдумке, и не подозревали, что создают выдающиеся про-

изведения искусства. Вы откроете тяжелую дверь, окажетесь в просторной избе и увидите широкие лавки, детскую зыбку на шесте и все те предметы домашнего обихода, без которых не мог обойтись человек.

На территории музея площадью семьдесят гектаров планируется разместить около семидесяти построек. Главными достопримечательностями будут старейшие архитектурные памятники Прикамья: Богоявленская церковь деревни Пянтег Чердынского района, построенная, как гласит предание, в 1500 году; Преображенская церковь деревни Янидор, выстроенная в начале семнадцатого века при помощи топора и без единого гвоздя. Строение это принадлежит к так называемому «клетскому» типу — от слова «клеть» — сруб.

Место для будущего музея архитекторы облюбовали в тридцати девяти километрах от Перми, вверх по течению Камы, в районе деревни Хохлозки. Это своего рода полуостров, рельеф и окрестности которого очень характерны для Прикамья.

Уже готова мощеная дорога до самого Заозерья. Попасть

Церковь в селе Тохларева, Суксунский район

на полуостров можно на автотранспорте с любого конца города: через КамГЭС и через новый мост, а летом у пристани на левобережье Хохлозки швартуются речные трамваи и ракеты.

Создание музея народного зодчества займет, разумеется, не один год. Уже ведется обследование архитектурных памятников. Дело в том, что многие «экспонаты» до сих пор не попали в списки построек, предназначенных для музея. Некоторых нет еще даже на примете, например, старинной кузницы, мельницы. Еще не известно точно, какая курная изба или охотничья чемья будет перевезена. Готовятся для этой цели специальные экскурсии.

Будут собраны орудия труда и предметы домашнего обихода: сохи, бороны, сани, телеги, пастушьи свирели, пестери,

Колокольня деревни Сыра, Суксунский район

Сторожевая башня (Пугачевская) в деревне Торговище

колодки для плетения лаптей, мотовки, прялки, кузовки, сечки, вальки, зыбки, мялки.

Академик И. Е. Грабарь, который в 1925 году был в Прикамье, в Орле-городке, в книге «Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины» писал: «Прошлое для нас во многих отношениях единственная путеводная звезда в дальнейшем строительстве: то доброе, что дало оно нам, мы должны удержать и, если можно, улучшить, а то худое, что оно же с собою принесло, мы должны отбросить. Глядя на доброе и ценное и приучаясь к нему, мы обеспечим и нашим собственным начинаниям добротность и ценность, а худое и ничего не стоящее пусть убежит нас от таких ошибок».

Е. МИХАЙЛЮК

Фото Ю. СЕЛЮНИНА

Следопыты-рабочие завода «Запорожсталь» восстановили историю подвигов тридцати пяти воинов, которым было присвоено звание Героя Советского Союза за освобождение Запорожской области. Они рассказали о подвиге грузина Авальяни, воронежцев Сухова и Новикова, Абрама Зинделя из Могилева, Бориса Ивановского из Львова, ростовчанина Василия Хайло, Григория Фроликова из Башкирии и Василия Истомина из Бурятии, подбивших в бою на Мелитопольском направлении более 30 танков противника.

Легендой стало имя Володи «Кавказского». Почти четыре месяца действовал он на территории Запорожской области. Настоящее имя героя оставалось неизвестным. И лишь теперь в результате поиска следопытов установлено, что им был Владимир Насонов из Оренбурга.

Комсомольцы механического цеха собрали также материалы о десяти рабочих цеха, погибших во время Великой Отечественной войны,

Липецкий клуб следопытов «Неунываки» за последнее время провел свыше двадцати походов по шести областям России и Белоруссии, где проходили бои с немецкими захватчиками. Ребята установили 30 обелисков и 11 мемориальных досок, своими силами отремонтировали десять домов вдовам и матерям воинов, павших в боях за Родину.

У села Ольховатка состоялось торжественное открытие Кургана боевой солдатской славы. В бетонную плиту под Курганом замурована капсула, в которую вложен список погибших бойцов. Имена их восстановили следопыты.

С различных концов страны съехались на открытие Кургана приглашенные штабом клуба родственники павших воинов.

«Ни одна могила на липецкой земле не должна оставаться безымянной», — такую цель поставили перед собой юные следопыты. К 25-й годовщине со дня Победы над фашистской Германией на сотнях могил ими поставлены таблички с именами героев.

Виюле 1941 года батарея И. А. Флерова впервые испытала реактивные минометы, которые бойцы ласково называли «катушками». В боях под Оршей флеровцы обрушили на фашистов лавину огня. Против батареи немцы бросили огромные силы. У одной из белорусских деревень они окружили советских воинов. Из 176 флеровцев в живых осталось 46. Их вывел из окружения командир взвода лейтенант А. В. Кузьмин.

Следопыты школы № 1 города Каменска-Уральского Свердловской области решили узнать о судьбе героев прославленной батареи, оставшихся в живых. Ребята завязали переписку с Военно-инженерной академией имени Ф. Э. Дзержинского, в которой учился И. А. Флеров, с автором книги «Подвиг первых разведчиков» полковником Н. М. Афанасьевым, побывавши в походе. Они узнали имена 27 героев-флеровцев, собрали материалы для школьного музея боевой славы.

Летом следопыты проведут поход по местам действий батареи И. А. Флерова в Белоруссии.

ИЗВЕСТНЫЕ НАШИМ ДЕТЯМ ПОСЛОВИЦЫ

Л. ФЕДОРОВ

Если ты не видел, как просыпается Солнце, не слышал тихого лепета родника, не коротал ночь у костра, если тебя не охватывало волнение от шумного взлета глухаря и не радовало взор бескрайнее море созревающей ржи — значит прошел ты жизнь, не узнав настоящего счастья.

Бубенцы

Извилистый лесной проселок того и гляди упруется в сугроб или бурелом и дальше не пустит. Кругом виднеются засыпанные снегом елочки-подростки. А над ними, подпирая небо белыми шапками, высятся мощные лиственницы и мохнатые ели.

На проселке свежий след саней, отпечатки кованых копыт. Слух ловит слабый звон бубенцов. Видно кто-то неторопливо едет впереди. Пытаюсь догнать, но никак не могу. А звон совсем близко, вот-вот за поворотом покажется лошадь и широкие розвальни с охапкой душистого сена. Срезать бы путь, махнуть через горку напрямую, да целиной не пройдешь — снег. А загадочный звон совсем близко, словно дразнит. Может быть это дед-мороз со Снегурочкой объезжают свое царство?

Сани я догнал на просеке. Лохматая лошадевка, покачивая заиндевевшей мордой, тащила обыкновенные дровни. Снегурочки не было, а вместо деда-мороза, привалившись к передку саней, дремал старичок, закутавшись в древний тулуп. Не было и бубенцов, а звон все равно раздавался, тихий и мелодичный. И только тут я понял, в чем дело.

За несколько дней перед этим стояло тепло. Таял снег на ветках, украшал их маленькими сосульками. А сейчас, раскачиваясь от ветра, сосульки звенели, словно серебряные бубенцы.

Снегири

Однажды мне пришлось несколько дней провести в засыпанной снегом охотничьей избушке. Нет большого удовольствия, как после долгого блуждания в сильный мороз по заснеженному лесу забраться вот в такую избенку и отогреться возле ярко пылающей печурки. Сидишь, греешься и дрем-

лешь, сморенный усталостью и теплом. И почему-то всегда в эти минуты охватывают тебя воспоминания.

Десятки лет брожу я по лесу с ружьем, много избушек служило мне пристанищем, но вот эта, затерявшаяся в глухих отрогах Бардымского увала, запомнилась больше всех.

Был тихий морозный день. В маленькое, словно бойница, полуоттаявшее окошко видна большая раскидистая рябина. Голая, побелевшая от инея, она казалась печальной и мертвой. И только одинокий снегирь сидел на ветке.

В тот год был большой урожай рябины, но к середине зимы все ягоды уже осыпались и птицы лишились этого корма.

Раскладывая принесенные в рюкзаке продукты, я обнаружил на одной из полок две веточки с сухими рябиновыми ягодами. Видимо, кто-то лакомился рябиной, прихваченной морозом.

Взяв грозди, я вышел из избушки и повесил их на ветки, испугнув снегиря. Потом занялся завтраком и забыл про птицу, но когда случайно взглянул в окно, то поразился. Вся рябина была усеяна снегирями. Красногрудые птицы, освещенные зимним солнцем, выглядели волшебными яблоками на побелевших ветвях. И оттого сама рябина, казалось, ожила, будто под ее корой заструился живительный сок.

Ручей

Я пробирался лесными заснеженными тропами на дальний кордон в верховьях реки Чусовой. Спустившись по просеке в глубокую лощину, присел отдохнуть. Скинув ружье и котомку с натруженных плеч, я с наслаждением курил, наблюдая, как быстро тает в морозном воздухе струйка табачного дыма.

Неожиданно слух уловил тихий мелодичный звон, идущий из-под низко опущенных веток высокой ели. Я заглянул под елку, там никого не было, звон шел откуда-то снизу, из-под снега. И только когда раскидал снежный навал, понял, откуда доносился этот звук. Под тонкой корочкой льда звенели и переливались родниковые струи. Как же мог я забыть этот родник, из которого не раз черпал ладонями живую воду, такую холодную, что даже летом от нее стынут губы. Кругом снега, а этот родник спорит с морозом, никогда не промерзая до дна, и как ни в чем не бывало торопится, звенит, словно смеется над лютой зимой.

Зимний оазис

На кромке Чистовского болота, что тянется от Песчаного озера к Чертовому городищу, стоит каменная глыба. Мартовское солнце пригревает камень, и он делится теплом с пяточком земли. Кругом лежит снег, а с южной стороны глыбы темнеет узкая проталинка — первая прореха в одеянии зимы.

Проталинка покрыта мертвой взлохмаченной травой и все

же кажется настоящим оазисом среди снежной пустыни. По бурым травинкам ползают паучки, похожие на бескрылых комаров, снуют черные жужелки. У тонкой вербочки, прильнувшей к глыбе, на розовых ветках набухли почки и через лопнувшие чешуйки проглядывают белые полоски будущих барашков.

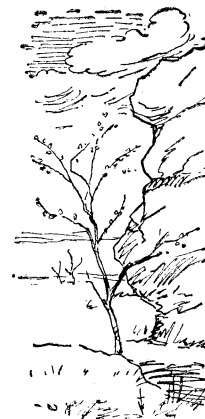
Вот так и начинается весна — с маленького. А потом развернется во всю ширь, по всей земле.

Анютины глазки

На обочине дороги, проходящей через поле, снег стоял и в бурой стерне проглянули лепестки анютиных глазок.

Ранняя зима накрыла цветущее растение снежным покрывалом, упрятала от вьюг и лютых морозов. А с приходом весны, как ни в чем не бывало, снова засияли под солнцем цветы.

Каждое растение имеет название, обычно очень меткое, точно определяющее его особенности. Но вот в честь какой Анюты окрестили фиалку, милый скромный цветок, сохраняющий прелесть даже под снегом?

Чибисы

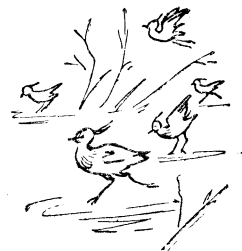
Над кромкой пашни, примыкающей к залитому вешней водой лугу, вьются чибисы. Взмывают над самой головой, настойчиво выспрашивая: «Чи вы, чи вы?» Не эти ли птицы породили буниинские строки:

...Кто пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

Иной раз станет не по себе от птичьих распросов и поскорее уйдешь подальше.

Шмель

Толстый мохнатый шмель с легким гудением сновал над землей, озабоченно обследовал сухие былинки бурьяна. Облетев вокруг меня, он опустился на руку. Я стряхнул его и он, упав на землю, беспомощно закружился на спине. С трудом перевернулся, почистил лапками крылья и, недовольно гудя, улетел прочь. А у меня осталось чувство вины, словно я выпроводил за порог пришедшего ко мне гостя.

Когда в самый разгар лета неожиданно увидишь на дереве золотистый листок, остаешься спокойным. До месяца падающих листьев еще далеко, осень наступит не скоро. У человека тоже иной раз появляется ранняя седина, хотя он силен и еще молод.

Бурундук

Из-под большого серого камня, стоящего на вершине Мотихи, вылез на свет полосатый бурундук. Кончилась зимняя спячка и зверек, пригретый солнцем, блаженно щурится, приводя в порядок пеструю шубку. Почти неуловимыми движениями лапок разглаживает хвост, умывается, как кошка, и довольно посвистывает.

Услышав мои шаги, бурундук стрелой метнулся к дереву. Здесь, чувствуя себя в безопасности, запрыгал по ветке, громко засвистел, то ли дразня, то ли приветствуя незваного гостя.

Невзрачный зверек, а встреча с ним доставила радость, словно после долгой разлуки повстречал старого друга.

Старый клен

Солнечный луч согнал с оконного стекла ледяной рисунок и заглянул в комнату. Пробежал по стене, пересчитал корешки книг на полке и, сверкнув в зеркале, сразу успокоился, наполнив темную комнату веселым светом.

В окно тихо постучали. Я поднял голову и увидел качающуюся от ветра ветку клена. Ветка была голая, только на самом конце ее торчали две разбухшие почки.

«Смотри,— словно говорил клен,— живем, снова весна наступила!».

МОЯ ФОТООХОТА

Эти снимки я привез из Средней Азии и Казахстана.

В песках здесь живет одна из ядовитейшей змей—эфа. Днем она прячется в норах животных, а ночью выходит на охоту и нередко заползает в жилище человека. В своей палатке мы не раз находили эту незваную гостью.

Менее опасны два других обитателя степи — скорпион и фаланга. На человека они не нападают, но если случайно заденешь — берегись!

Животный мир Прибалхашья несказанно богат. Вот совсем неподалеку от меня опустилась на воду белая цапля. Выловила из болотца лягушку и только собралась ее проглотить, послышался щелчок фотоаппарата. Цапля выпустила лягушку и торопливо взмыла вверх.

Черепашки долгое время могут обходиться без пищи и воды. Одна жила у нас двадцать дней и ни разу не дотронулась до зеленых листочков и крошек хлеба. Потом исчезла. Мы обшарили все кругом, но обнаружили лишь подземный ход из палатки.

А в горах нередко можно встретить сипа белоголового и косулю. Осенью и летом косулю пасутся в лесах.

А. БУТАЛОВ

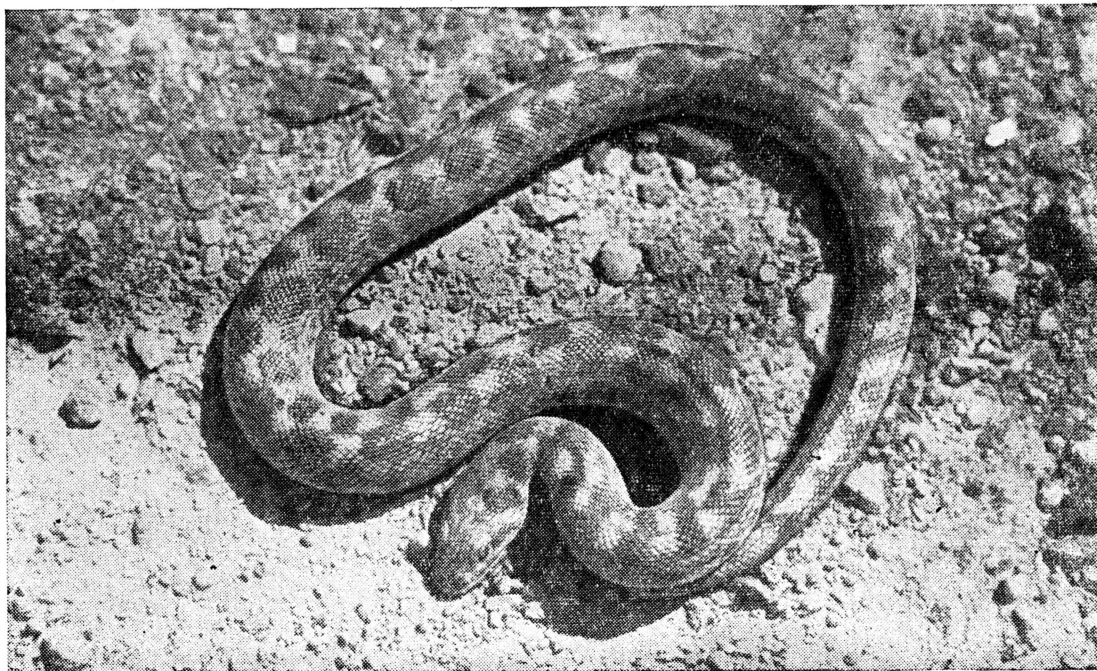
У людей — годы, как дорожные версты, — мелькают и остаются позади. Не одно поколение людей уже отсчитало свои версты, а клен все стоит, каждый год зеленеет и сбрасывает листву, старый и многоликий. Еще вчера он казался строгим и обиженным, проливающим на землю слезы-капельки сладкого сока. А завтра его не узнаешь — весь закружится, распутив цветочные почки. Пройдет еще несколько дней, развернет он узорную листву и закроет окно от палящего солнца, принеся ласковую прохладу.

Пропавшая речка

Маленькая речка Медянка, получившая свое имя за желтый песок, прикрывающий ее дно, неожиданно высохла. Еще недавно неторопливо текла она в густом ельнике, где пахло сыростью и грибами. Сейчас на этом месте сплошная вырубка, поросшая буйным иван-чаем.

Пройдет много лет, пока на вырубке вырастут осины и березы. И только тогда ель, боящаяся в юности холода и солнцепека, начнет селиться на старом месте.

Пройдет много десятилетий, ель вытеснит светолюбивые осину с березой. На месте теперешней вырубке вновь зашумит ельник. И только тогда снова забьют из-под земли источники, и вновь, набирая силу, потечет Медянка. Но утолишь тут жажду уже не ты, а твои внуки.

Врачеватель земли

Знал я одного пенсионера-лесничего, который долгие годы сажал деревья по склонам глубокого оврага. Приносил из леса рябинки, березки, крохотные сосенки и селил их на новом месте. И вылечил язву земли — овраг.

Когда его спрашивали, для чего это он делает, старик отвечал:

— Велика ли радость на красную глину смотреть. Слово с земли кожа содрана. Вот лес разрастется и не узнать будет этого буерака. Может, сам-то я леса того и не увижу? Ну, что ж, другие увидят...

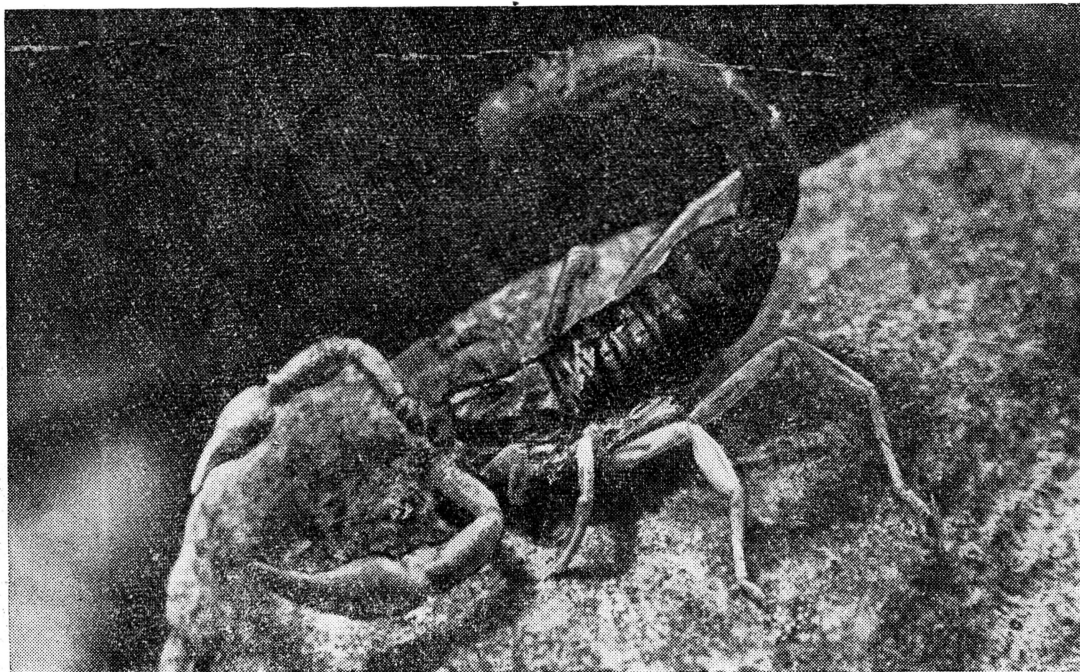

Берендеев родник

У подножья Березовой горы когда-то вздыбилась гранитная глыба. Встала и замерла на многие тысячелетия, охраняя маленький родничок, поблескивающий в ее тени. Я зову его Берендеевым за необыкновенную прозрачность и свежесть. Один глоток снимает усталость, словно испил ты сказочной живой воды.

Однажды возле родника появились следы лося. Видно лесному великану также по сердцу пришлась родниковая вода. Мы встретились с ним случайно. Заслышав шаги, зверь вскинул голову и уставился на меня большими темными глазами. Был он старый, худой, с выпирающими ребрами.

Несколько секунд лось смотрел на меня и с его губ с тихим

Я не люблю грозы, особенно ночные. Они всегда бывают свирепы и беспощадны. Зато зарницы мне нравятся, и хотя они всегда пробуждают чувство тревоги, я не могу оторвать от них глаз.

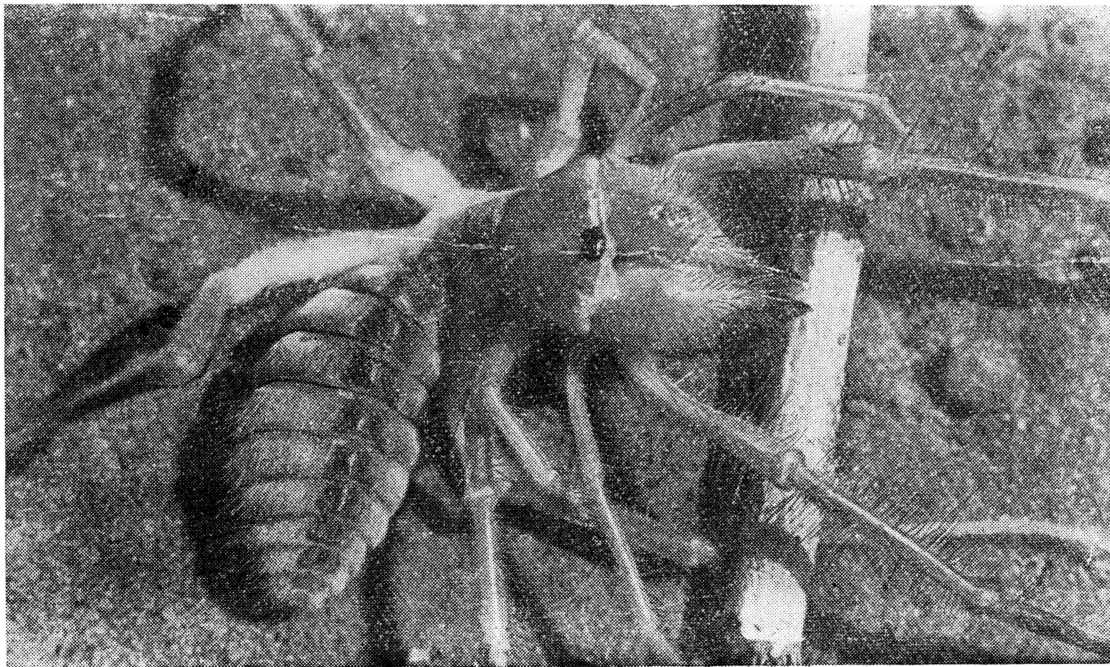
звоном стекали в родник капли воды. Затем он повернулся и, прихрамывая, отошел за кусты. На его левой лопатке темнела незажившая рана, облепленная мошкой и оводами. Лось мотал головой, пытаясь согнать насекомых, и кожа вокруг раны мелко дрожала.

Я очень хотел пить, но чтобы не мешать зверю, попятился и ушел. После этого я много раз встречал тут лося. Но вот уже второй год возле родника нет его следов. Переселился он или пал во время облавных охот — неизвестно. Только с его исчезновением лишилось это место чего-то очень важного, неповторимого.

Старая ель

На восточном склоне Бардымского увала, там, где бьют из-под земли холодные родники, превращаясь за сотню километров в полноводные реки, стоит старая ель.

Когда-то буря обломил ее вершину и теперь, на высоте десяти метров, тянутся кверху, словно копыя, пять вершинок.

Пила лесоруба обошла эту уродливую ель. Вокруг нее на сотни метров вырублен лес. Но старая ель позаботилась о потомстве. Кругом видны молодые елочки. Каждый год, в конце зимы, рассыпает ель семена и все гуще становится подрост.

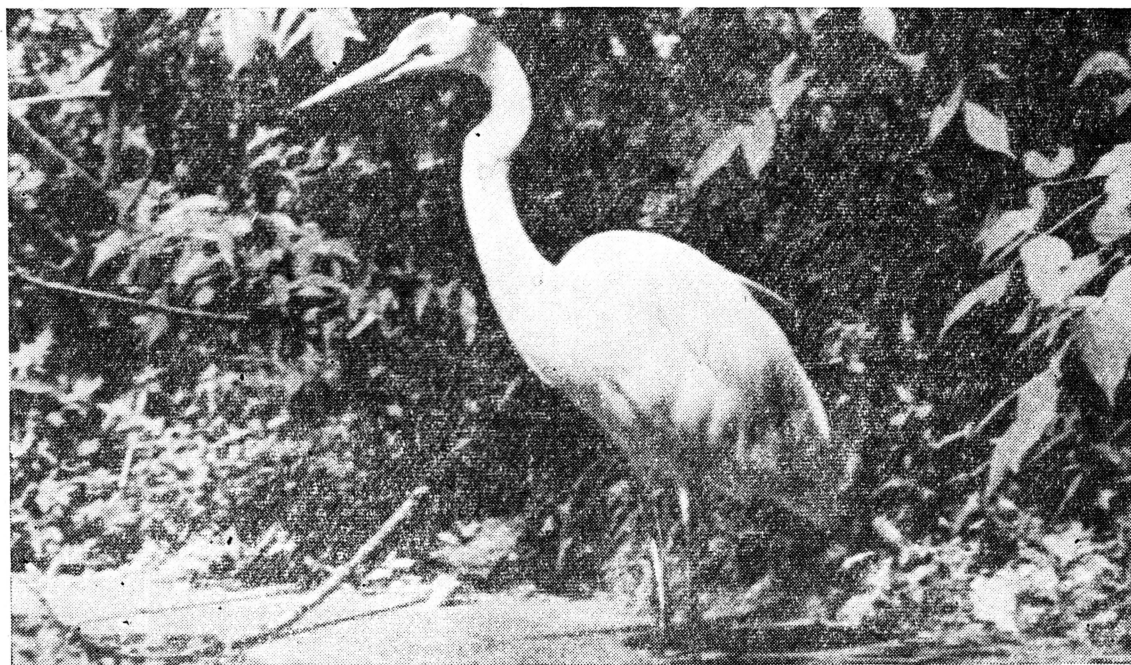

Конец таватуйской глухомани

Получилось так, что с таватуйскими лесами я познакомился гораздо позднее, чем с районом Исети. И надо сознаться, что они сразу покорили меня. Полюбились за особую глухомань, чудом сохранившуюся вблизи большого шумного Свердловска. Сосновые боры, ельники, кедровники давали приют многочисленным лесным обитателям. Здесь можно было встретить табуны лосей и рысь. Изредка попадались куницы, а белок было великое множество. Весной раздавались таинственные песни глухарей, а осенью большие стаи тетеревов жировали на моховых болотах, богатых клюквой.

Все это было еще в начале шестидесятых годов. По всему было видно, что здесь в то время было безлюдно, никто не пытался расчистить заваленные буреломом заросшие тропы. Непуганые птицы поднимались из-под самых ног. Кругом обилие грибов и ягод.

Я много бродил по уральским лесам, но нигде не встречал так много следов бывших зимовий, от которых остались только сложенные из каменных плит очаги. Изредка вокруг очагов попадались нижние, полусгнившие венцы стен. Время и частые

лесные пожары сровняли с землей эти жилища охотников, а может быть и раскольничьи скиты.

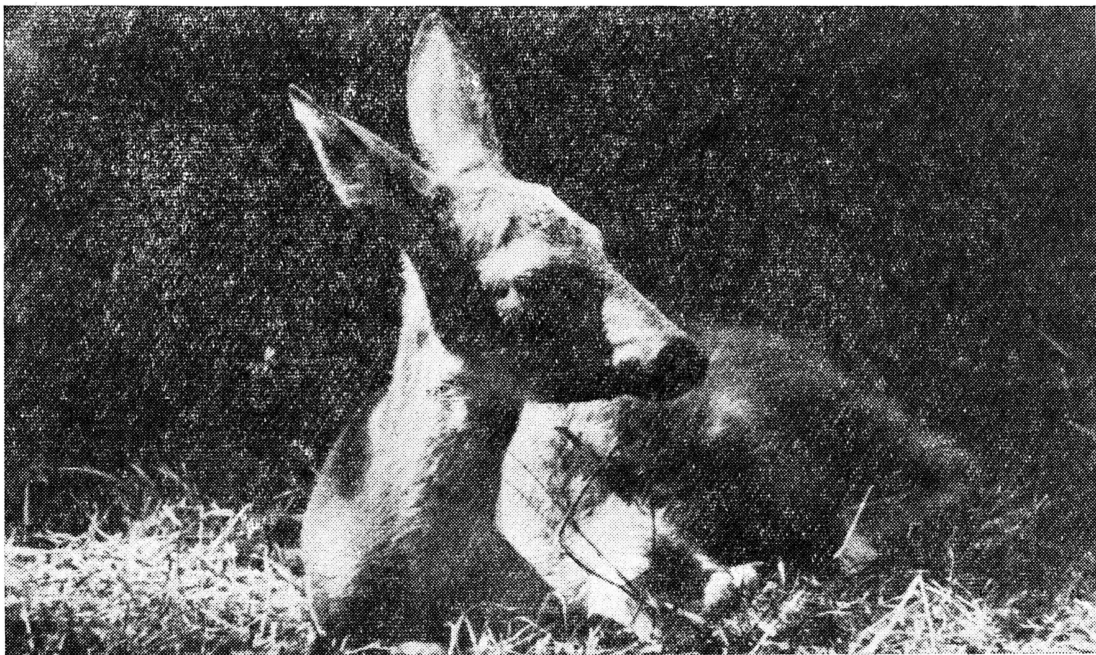
В то время, когда я впервые попал в эти леса, сборщики грибов и ягод, охотники довольствовались ближайшими окрестностями Сагры, благо лесных даров было не счесть. Бурелом, болотистые низины и крутые горки надежно защищали подступы к самому сердцу таватуйских лесов.

На одном из островов Глуховского болота мы с другом нашли каменный очаг. Вокруг него возвели просторный балаган, сухой и теплый. В нем мы проводили долгие осенние ночи, греясь у камелька, прислушивались к монотонному шуму дождя.

Свой отпуск мы проводили в этих местах. Целыми днями бродили по холмам, с замиранием сердца слушали тяжелые взлеты бородатых глухарей, пересвистывались с рябчиками, у кромки моховых болот поднимали табуны косачей. Бродили мы тихо и затаенная лесная жизнь раскрывала перед нами свои тайны. Рыжие белки цокали над головами, пересвистывались бурундуки. Были и драматичные встречи: лайка Буран несколько дней зализывала раны, полученные в схватке с рысью.

Стреляли мы редко, добывая столько, сколько могли съесть. Очень часто вид улетающей птицы был дороже трофея.

Дожди и снега стерли следы наших ног на охотничьих тропах. Когда же мы были здесь в последний раз? Кажется совсем недавно, осенью 1961 года. С тех пор здесь все изменилось. Наш балаган кто-то сжег. Лес опустел, почти не увидишь лирохвостого косача, а ведь он здесь встречался огромными табунами. Легендой стал глухарь, а рябчик забился в непро-

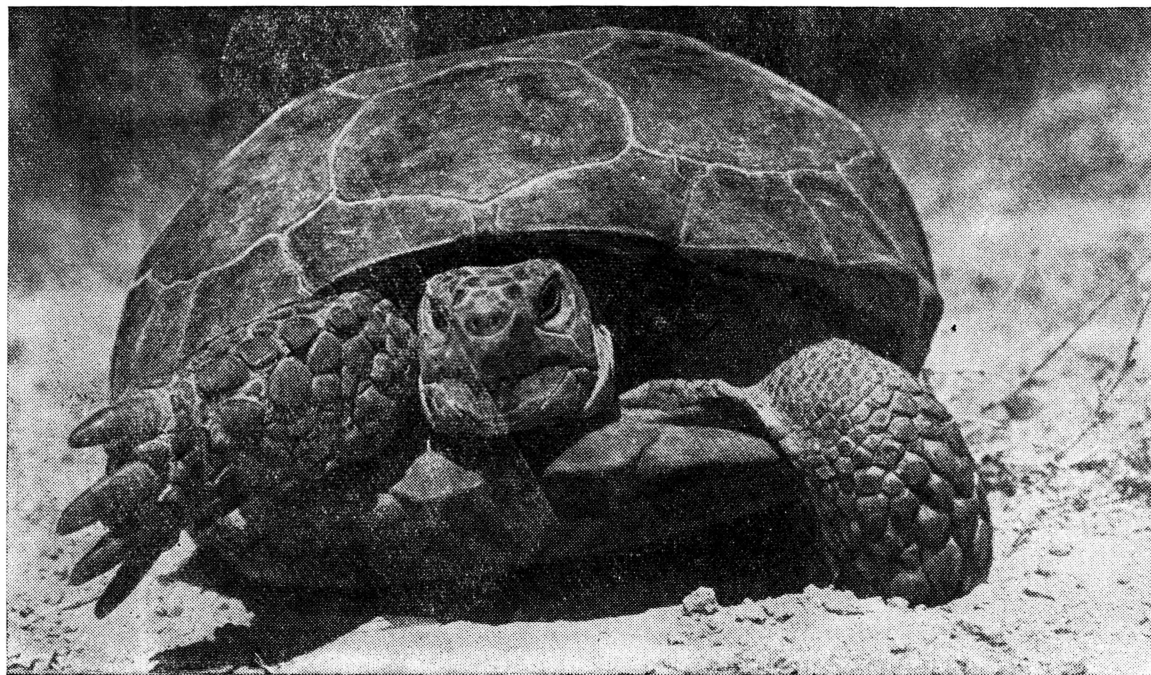

ходимые крепи. Упал урожай грибов, особенно рыжиков и груздей — любители смиренной охоты буквально перепахали грибные места.

Я часто задумываюсь над причинами оскудения этих лесов, особенно охотничьей фауны. И думаю, что не ошибусь, если назову главную причину — ухудшение условий обитания птиц и зверей. С ранней весны до глубокой осени, даже зимой, таватуйские леса служат местом паломничества туристов, школьников, сборщиков грибов и ягод, любителей отдохнуть, а порой устроить пьяные пикники. Рев транзисторов и звон гитары заглушили птичье пение. Сотни, тысячи людей наводняют лес в летнее время, как раз тогда, когда звери и птицы выводят потомство.

Некогда малодоступный район стал для всех досягаем с прокладкой Тагильского тракта. Мотоциклы и автомашины сейчас можно встретить далеко от дороги, на самом краю Щитовского болота. В уникальном лесном массиве, который следовало бы объявить неприкосновенным памятником природы, ведется подсочка сосны, заготовка древесины, гортоп вырубает лес на дрова. Несколько лет подряд гремели здесь взрывы — шла корчевка пней для смолокурения.

В бассейне реки Шайтан, протекающей через Таватуйское лесничество, имеется единственный на юге области кедровник. Беречь бы его и хранить пуще зеницы ока! Так нет же, прямо через него провели трассу газопровода, вырубив бесценные деревья. Разве нельзя было протянуть газопровод метров на триста подальше в сторону? Видимо, кому-то несколько лишних сотен рублей показали дороже уникальной природы.

В жаркий день

День выдался душный и жаркий. На ясном небе, потерявшем синеву, словно вылинявшем от жары, полыхало солнце.

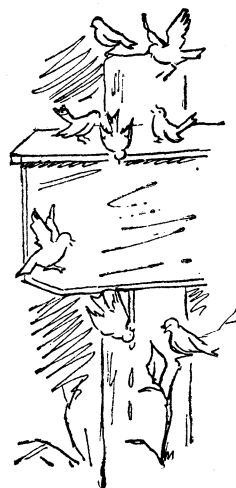
У большой желтой цистерны с квасом выстроилась длинная очередь. Мороженщицы не успевали подвозить «эскимо».

Жажда томила не только людей, изнывали животные и птицы. Вот стайка воробьев расположилась на крыше двухведерного умывальника, прикрепленного к столбу возле метеорологической площадки. Из крана капля за каплей вытекала вода и бесшумно падала в пыльную траву.

Один из воробьев, уцепившись за краник, ловил клювом падающие капли и жадно глотал. Напившись, он вспорхнул и улетел. На его место с крышки умывальника тут же слетел другой воробей. И так, по очереди, потихоньку чирикавая, как бы поторапливая друг друга, утоляли жажду истомившиеся птахи.

Неожиданно с крыши сарая к умывальнику ринулся большой ярко-рыжий воробей. Столкнув с крана только что приростившуюся воробьюху, он быстро стал глотать капли. Ожидавшие очередь птицы подняли гвалт и ринулись против нахала. Через минуту, исклеванный, потерявший немало перьев, рыжий обратился в бегство.

Долго после этого в кучке воробьев царило необычайное оживление. Они прыгали по умывальнику, возбужденно чирикали, очевидно, обсуждая происшествие. А когда, наконец, успокоились, очередь за водой пошла прежним порядком.

Белый глухарь

Как-то, перебирая свои старые записные книжки, я обнаружил короткую запись: «Белый глухарь. Ревдельский кордон».

Впервые я услышал об этой птице у объездчика Котова, жившего на кордоне у речки Ревдель. По его словам, на островах мохового болота, раскинувшегося между увалами недалеко от кордона, «все время бьется белый мошник».

— Во, какой! — Котов раскинул руки, показывая размах крыльев сказочной птицы. — Сам белый, как кто его снегом обсыпал. Хитрый до ужаста. Сразу нипочем не взлетит, а забежит за чашу, тожно и на крыло поднимается!

Я был молод и страстно увлекался охотой. Желание заполучить невиданную птицу охватило меня с такой силой, что я решил провести отпуск на кордоне у Котова, ежедневно просылая окрестности и острова на болоте.

Глухарь был где-то рядом. Дважды его видели женщины, собиравшие клюкву на болоте, но мне он не попадался. Только через две недели, когда я, уже выбившись из сил, решил прекратить поиски, наша встреча состоялась.

Был чудесный сентябрьский день, самый разгар бабьего лета. В воздухе проплыли тонкие паутинки, под ногой шуршали первые опавшие листья. Глухарь вылетел справа от

меня, из зарослей раkitника, с таким шумом и треском, что я вздрогнул от неожиданности. На какую-то долю секунды замешкался, срывая с плеча двустволку. Но этого было достаточно, чтобы дробь прошла чуть сзади птицы.

Не отрывая взгляда от глухаря, я лихорадочно перезаряжал ружье и когда, наконец, вогнал в стволы новые патроны, лесной великан был уже недосыгаем. Он летел вдоль опушки и на солнце весь отливал серебром. Обычно у глухарей перья на спине светло-серые, только голова и шея черные с блестящим синим отливом. А этот был весь пепельный от клюва до кончика хвоста, но в лучах солнца он казался ослепительно белым, какой-то нереальной Жар-птицей, рожденной в сказочном Берендеевом царстве.

Много воды утекло с того времени, голова у меня поседела, но этот глухарь снится мне до сих пор.

Я часто задумываюсь над тем, что если это был альбинос, то наверное где-то между Коноваловским и Бардымским увалами, там, где близко сходятся речки Бардым, Хмелевка и Ревдель, должны жить потомки этой птицы, несущей следы альбинизма.

В последние годы я стал наведываться в те края. Брожу и с трудом узнаю места, где искал охотничьи радости. Многое изменилось: старые лесосеки покрылись высокими стройными соснами, вместо ельников шумят березовые рощи, оголились склоны холмов и лесовозные дороги перекрестили всю местность. И все же еще осталось немало от прежней дикой тайги. По-прежнему стоит огромная сосна с потемневшей от времени бортью.

От этой сосны нужно спуститься в ложок, где все время звенит родничок. Здесь и произошла встреча с глухарем.

Я знаю, чудес не бывает. И все же каждый раз меня влечет к этому логу тайная надежда еще раз встретить чудесную птицу. И я уверен, увидев ее, уже не вскину ружье, а только с забившимся сердцем провожу взглядом. А потом, прикурнув у костра, долго не смогу заснуть, переживая встречу со своей юностью.

П. БАГРЯК.

Пять президентов.

М., Изд-во «Детская литература», 1969. 383 стр.

В Институте перспективных проблем создана установка, позволяющая воспроизводить, «дублировать» людей. И вот генерал Дорон планирует массовое «изготовление» талантливых ученых. Генерал понимает, что «в наши дни побеждает тот, на чьей стороне больше талантливых мозгов».

Но, оказывается, мало иметь хороших ученых, надо еще заставить их работать на себя...

Север ГАНСОВСКИЙ.

Три шага к опасности.

М., Изд-во «Детская литература», 1969. 272 стр.

Осваивая необозримые пространства первозданной Венеры, люди Земли уничтожают местных хищников — свирепых и хитрых декабров. Проходят десятилетия, и нечто странное совершается на планете: рождается и вымирает животный мир, исчезает буйная растительность.

Новая книга С. Гансовского — сборник рассказов. Среди них и «Дом с золотыми окошками», печатавшийся в нашем журнале в 1966 году.

МОЙ ДРУГ

Фантастика

НОВИНКИ

Тополь

Зеленый наряд города. Сколько о нем было произнесено речей, принято решений, сколько написано статей и книг, защищено ученых диссертаций! Казалось бы все ясно, все в порядке, тем более, что на городских улицах с каждым годом появляется все больше зеленых новоселов. Правда, в одном месте выстраиваются в ряд ели, а в другом сносятся бульдозером целые аллеи цветущих яблонь. Виновников уничтожения городской зелени обычно не находят, во всяком случае, никакого ответа они не несут.

И все же город зеленеет. Это хорошо. Но нужно учесть, что зелень на городских улицах должна не только украшать город, но нести самую важную задачу — оздоровление пыльного и загазованного воздуха. В этом отношении самым драгоценным деревом является тополь. За пять месяцев, с мая по сентябрь, он поглощает более сорока килограммов углекислого газа, почти в семь раз больше ели, а по степени увлажнения воздуха превосходит ель в десять раз.

Но почему-то люди, ответственные за зеленый наряд города, всеми силами стараются уничтожить тополь. О злом отношении к этому дереву можно убедиться пройдя по нескольким улицам. Вот стоит целая тополевая аллея, изуродованная обрезкой до того, что трудно понять, что это? Телефонные столбы или деревья? А вот в Свердловске на улице Тургенева чья-то злая рука спилила несколько могучих тополей. Немного осталось в городе таких великанов, и нам бы из простого человеческого уважения, всячески беречь бы и охранять ветеранов.

Ронжа

Кнашей охотничьей избушке повадилась летать ронжа. Каждое утро с трескучими криками сновала она вокруг, подбирая выброшенные остатки пищи.

Михаил ЕМЦЕВ, Еремей ПАРНОВ.

Три кварка.

М., Изд-во «Мысль», 1969. 253 стр.

Эволюция на нашей планете шла по пути совершенствования вида: из тысяч и миллионов организмов выживали лишь немногие, лучше других приспособившиеся к изменяющимся условиям; среди потомства этих немногих, в свою очередь, сохранялись самые стойкие. Но, вероятно, есть у природы и другие пути эволюции, скажем, — совершенствование не вида, а организма? В таком случае, каким мог бы стать организм, развивавшийся по этому второму пути? К ка-

ким результатам привел бы этот путь? В рассказе, давшем название всему сборнику, авторы пытаются ответить на эти вопросы.

Игорь ЗАБЕЛИН.

Записки хронописца.

М., Изд-во «Знание», 1969. 380 стр.

Каждая новелла сборника — это решение исторической или археологической головоломки, каких немало в науке. Фантастический «хроноскоп» подсказывает исследователям Вербинну и Березкину детали, недостающие в общей картине давно минувших событий.

Наряду с повестями, известными читателю по сборнику «Загадки Хаир-хана», в новую книгу И. Забелина включены и не публиковавшиеся прежде произведения.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

Альманах, книга 15.

М., Изд-во «Детская литература», 1969. 800 стр.

Очередной выпуск альманаха щедро предоставляет свои страницы писателям-фантастам. Здесь напечатаны повести К. Домбровского «Серые муравьи», Р. Нудельмана «Трижды тридцатое июня», М. Ем-

В лесу в ненастную ночь чего только не начинает мерещиться! Мокрый и злой, то и дело спотыкаясь о скользкие колодины и натываясь на мокрые от дождя стволы, еле находишь дорогу. В эти минуты шорох дождя кажется тебе лепетом лесной нечисти, а скрип деревьев — ядовитым смешком старого лешего.

Мы не гнали эту попрошайку и с удовольствием наблюдали за нахальной птицей. И ронжа, чувствуя, что ей ничего не грозит, совсем осмелела и даже заглядывала через порог в избу.

Но однажды, вернувшись с охоты, мы ее не нашли. На высоком березовом пне, где обычно дремала на солнышке ронжа, сидел крупный ястреб-тетеревятник и чистил клюв.

— Сожрал! — вырвалось у меня и, вскинув двустволку, я выстрелил. Пернатого волка словно сдуло с пня, и в ту же минуту из-под крыши избушки с возбужденным стрекотом вылетела ронжа. Покружилась над поверженным врагом и отлетела далеко в сторону.

С этого дня она стала пугливой и осторожной. И хотя по-прежнему кормилась возле избушки, но при нашем появлении убиралась подальше. Видимо, умная птица поняла, что рука человека может кинуть не только корм.

Нам было чуточку обидно, хотя и понимали, что виной всему был мой выстрел по ястребу.

Рисунки В. Яковлева

пева и Е. Парнова «Семь банок кофе», А. Мирера «Главный полдень», рассказы В. Журавлевой, В. Фирсова. Э. Зеликовича. обзор фантастики 1967—1968 годов.

счетно-решающих машин. Но организаторы опытов просчитались: «неопитеки» выходят из повиновения и превращаются в грозную силу, с которой не так-то легко справиться...

«В Тихом Парке», опубликованном в 1968 году в нашем журнале.

В сборник вошли и новые рассказы новосибирского писателя.

Владимир МИТЫПОВ.
Ступени совершенства.

Улан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1969. 255 стр.

В непроходимых джунглях пролодятся засекреченные опыты по выращиванию «неопитеков» — обезьян с искусственно развитым мозгом. «Неопитеки» предназначены для использования в качестве живых

Михаил МИХЕЕВ
Далекая от Солнца.

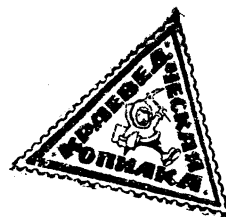
Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. 103 стр.

Какими станут люди завтрашнего дня? Не скажется ли на них отрицательно, не иссушит ли их душу развивающаяся автоматизация всех сфер производства? Об этом размышляет автор в рассказе

И. Ф. Альманах научной фантастики.

М. Изд-во «Знание», 1970. 160 стр.

В восьмом выпуске возобновившегося альманаха опубликованы повесть А. Полещука «Эффект гневного солнца», новые рассказы В. Щербакова и Г. Гуревича.

В Сарапульском государственном архиве хранится список книг, пожертвованных в 1911 году музею уездного земства одним из местных жителей. В списке перечислены сотни книг и журналов по истории, политэкономии, географии, статистике, медицине и краеведению. Среди них — «История французской революции» Л. Эригье, издания 1848 года, сочинения английских экономистов Давида Рикардо и Адама Смита, теоретика социализма Августа Бебеля, популярные в среде русских революционеров прошлого века книги известного экономиста и социолога, первого переводчика «Капитала» на русский язык Николая Даниельсона, труды первого пропагандиста марксизма в России Г. В. Плеханова. И, что особенно примечательно, в списке переданных музею книг упоминаются сочинения основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса и редкое издание произведения Владимира Ильича Ленина «Развитие капитализма в России» — 1899 года, отпечатанное в количестве всего лишь 2400 экземпляров.

Как же попали эти известные и небезопасные для хранения в то время книги в захолустный уральский городок, кто собирал, изучал и хранил их, подвергаясь риску прослыть неблагонадежным?

Владельцем этой необычной библиотеки оказался... священник одной из Сарапульских церквей Николай Николаевич Блинов. Он и сам был интересным и необычным человеком.

В «Большой энциклопедии» издательства «Просвещение», в 3-м томе, изданном в 1901 году, есть о нем краткая справка. В ней между прочим говорит-

ся: «Блинов Николай Николаевич, известный педагог-священник. Родился в 1839 году, окончил Вятскую духовную семинарию и с 1861 года был священником в разных захолустных уголках Вятской губернии. Его полная бескорыстия и преданности делу народного просвещения деятельность создала ему много врагов, препятствий и неприятностей».

Блинов отдавал много сил воспитанию русских, удмуртских и коми-пермяцких детей. В глухих вятских деревушках он создавал и содержал на свои средства школы и сам преподавал в них. Духовное ведомство было недовольно его деятельностью и обычно отводило ему место службы в самых отдаленных и глухих местах губернии. Попадало ему и за связь с политическими ссыльными.

Блинов создал азбуку для удмуртских детей, учебники для народных школ, пособия для учителей, сборники стихов, пословиц и загадок, книжки для крестьян, в которых в доступной форме рассказывалось о значении грамотности и культуры. Известные в свое время русские педагоги Н. Ф. Бунаков, Н. А. Константинов и В. Я. Струминский называли Блинова одним из просветителей 70—80-х годов XIX века.

Большую ценность представляла тогда его «Грамматика» — учебник для народных школ Вятской губернии, выдержавшая пять изданий. Широкой известностью пользовалась и его хрестоматия по русской литературе «Пчелка».

Интересы Блинова были многообразны. Он писал по истории городов, культуры, народных движений в крае, по этнографии, статистике, геог-

рафии, об общественной жизни Вятской губернии и Прикамья.

Блинов горячо верил в великую силу знания и служил ему. В 1872 году Н. Ф. Бунаков писал после встречи с Блиновым на съезде работников народного образования: «В Вятской группе находился энтузиаст земской школы, педагог-священник Н. Н. Блинов, симпатичнейший человек, страстно преданный делу народного образования, широко понимающий задачу народной школы. Он тогда был уже известен своей умной книжкой «О способах преподавания элементарного курса», написанной горячо и с хорошим пониманием дела, а теперь привез в Москву в рукописи свой научный труд «Ученье — свет», с которым я познакомил аудиторию как с превосходным курсом родноведения для народной школы».

Блинов писал и художественные произведения, драматические этюды из народного быта, сотрудничал в газетах «Вятские губернские ведомости», «Северный вестник», «Прикамская жизнь».

Всю жизнь с большой любовью собирал Н. Н. Блинов свою библиотеку — редкую и ценную по подбору книг. Незадолго до смерти он передал ее Сарапульскому музею. К сожалению, сохранились лишь отдельные книги, остальные исчезли. А ведь почти каждая из них ныне стала библиографической редкостью. Возможно, что часть книг обнаружится в каких-либо библиотеках или у любителей-книголюбов Прикамья. Хорошо бы собрать воедино вновь эту библиотеку, как память о замечательном педагоге-просветителе.

Д. ШВЕЦОВ

КАК БЫСТРО НАУЧИТЬСЯ ПЛАВАТЬ

Купание в реках, озерах, морях или искусственных водоемах полезно и приятно каждому. Но вода опасна, особенно для тех, кто не умеет плавать. Некоторые думают, что научиться плавать трудно. Это глубокое заблуждение. Опыт показывает, что можно сделать это за пять уроков.

Лучше всего начать занятия в неглубоком (по грудь) водоеме с песчаным дном и слабым течением. Если подберется группа в 5—8 человек, огородите участок колыями с веревкой и поплавками. Добейтесь четкой отработки каждого упражнения. Через два-три дня вы начнете плавать.

Первый урок. ОТРАБОТКА ДЫХАНИЯ И «ПОПЛАВОК»

Первое упражнение (рис. 1). Повернитесь лицом к берегу, сделайте глубокий вдох, затем присядьте так, чтобы голова скрылась под водой. Теперь медленно делайте выдох. Это упражнение нужно выполнять несколько раз подряд до тех пор, пока оно для вас не будет представлять никакой трудности.

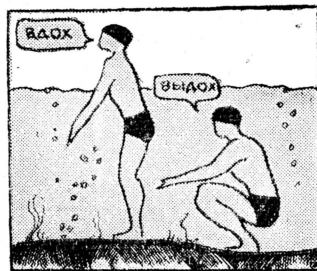

Рис. 1

Второе упражнение (рис. 2). Сделайте глубокий вдох, присядьте на дно, согните ноги в коленях и обхватите их руками, подбородок прижмите к

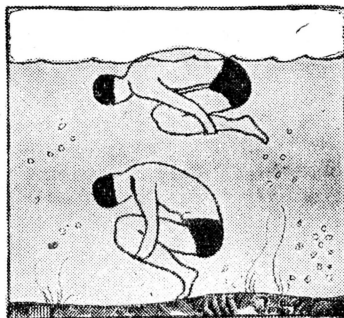

Рис. 2

груди. В таком положении («поплавок») вам придется находиться недолго — вода обязательно вытолкнет вас на поверхность. После этого под водой спокойно сделайте выдох и встаньте на дно. Если в водоеме прозрачная вода, то эти упражнения постарайтесь выполнить с открытыми глазами.

Итак, на первом уроке вы научились делать свободно выдох под водой, натренировали зрение в воде и, главное, почувствовали, что вода сама вас держит на поверхности.

Второй урок. СКОЛЬЖЕНИЕ

Зайдите в воду немного выше пояса, повернитесь лицом к берегу, вытяните руки вперед, как показано на рисунке 3. Сделайте глубокий вдох, опустите лицо в воду, немного пригнитесь и резко оттолкнитесь от дна. Затем начинайте медленно выдыхать воздух под водой. Это бу-

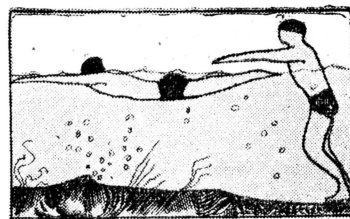

Рис. 3

дет ваша первая попытка передвигаться при помощи голчка, сделанного ногами.

Существует несколько способов плавания: кроль, на спине, баттерфляй-дельфин, на боку, брасс. Самый простой из них — кроль, без выноса рук на поверхность воды. При этом способе тело пловца лежит горизонтально, подбородок опущен в воду, ноги вытянуты, расслаблены и работают, как ножницы. Чтобы научиться плавать этим способом, надо приобрести следующие навыки.

Третий урок. РАБОТА НОГ

Рис. 4

Лежа на животе на суше, делайте движение ногами вверх-вниз («ножницы»), как показано на рисунке 4. Расстояние между ногами в движении должно быть равно примерно 45 сантиметрам.

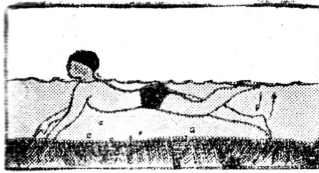

Рис. 5

То же самое проделайте в воде, опираясь о дно водоема руками (рис. 5). Когда это усвоите, возьмите в руки футбольный мяч, доску или пенопластовый квадрат и проплывите на неглубоком месте способом кроль, работая только ногами, метров 12. Повторите 5—6 раз. Это будет ваше, хотя и с опорой, но самостоятельное передвижение в воде (рис. 6).

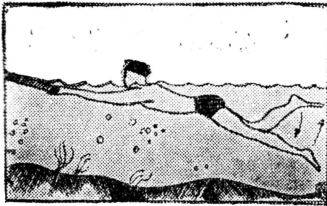

Рис. 6

Четвертый урок.

РАБОТА РУК

Чтобы плавать без помощи посторонних предметов, проделайте несколько раз упражнение, показанное на рисунке 7. Зайдите в воду по грудь, сде-

лайте глубокий вдох. Когда одна рука делает под водой гребок, вторая в это время идет вперед. На каждые два гребка необходимо делать вдох, на два

следующих — выдох. Причем выдох делается под водой. Следует запомнить, что на каждый гребок при плавании приходится три удара ногами.

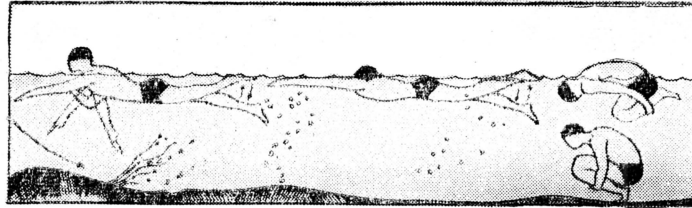

Рис. 7

Пятый урок. ПЕРВЫЕ ПРОПЛЫВЫ

Теперь все упражнения освоены и вы можете без труда их повторить. Чтобы поплыть, нужна только смелость. Давайте подытожим все, что мы знаем (рис. 8).

Зайдите в воду по грудь, повернитесь лицом к берегу, сделайте глубокий вдох, опустите под воду, после всплытия «поплавок» быстро выпрямите ваше тело «стрелой», медленно выдыхайте под воду воздух и

начинайте работать сначала ногами («ножницы»), а затем руками («кроль»), без выноса рук на поверхность воды.

Смелее поднимайте голову над водой, делайте глубокий вдох, опускайте голову под воду, делайте медленно выдох и продолжайте плыть. Зайдите в водоем выше пояса, ложитесь на грудь и несколько раз проплывите к берегу.

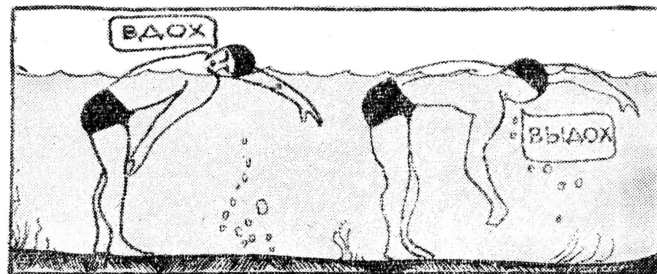

Рис. 8

Советы начинающим пловцам

Весной начинайте плавать при температуре воды не ниже $+14^{\circ}$ — $+16^{\circ}$; температура воздуха должна быть выше температуры воды на 3° — 5° . К осени, когда ваш организм закалится, можно плавать и в более холодной воде. Продолжительность первых купаний не должна превышать 15 минут.

Плавать следует не раньше, чем через 1,5—2 часа после еды. По окончании плавания необходимо досуха вытереть тело полотенцем, затем растереть кожу ладонью до появления теплоты, одеться и прогуляться, а в холодную погоду сделать небольшую пробежку. Самое удобное время для плавания от 10 до 12 часов дня и вечером — от 18 до 21 часа.

Не находите часами на солнцепеке — это утомляет нервную систему, понижает работоспособность и ухудшает спортивные результаты. Загорайте, находясь попеременно 10 минут на солнце и 10 минут в тени.

Категорически запрещается делать в воде резкие движения при больном сердце, а большие уши надо обязательно закрывать тампонами. Несоблюдение этих правил может закончиться трагически и для хорошего пловца.

Прежде чем нырнуть в воду, проверьте дно. Помните, что из 100 несчастных случаев при нырянии, 95 падает на ушибы, полученные от предметов скрытых под водой.

Делайте первые заплывы в глубокие места только в присутствии тренера или пловца, способного оказать вам помощь.

УРАЛЬСКАЯ ГОРКА

Юные геологи Свердловского Дворца пионеров за изготовлением сувениров

Красивый сувенир — уральская горка. Сделать его можно из образцов минералов и горных пород, собранных в походах и прогулках по родному краю.

Сначала из сухого дерева готовится каркас. Его укрепляют на деревянной подставке. Она может быть круглой или прямоугольной, толщиной в полтора сантиметра, размер ее различный. Подставку красят в темный цвет, потом к ней мелкими гвоздями прибивают деревянные стержни. К каждому стержню прикрепляют поперечные планки-полочки.

Теперь приготовьте минералы и горные породы. Величина образцов должна быть самой разнообразной — от грецкого ореха до горошины. Форма тоже. Из гипса-селенита сделайте сосульки, а из слюды-мусковита — тонкие пластинки, которые вы положите на дно «пещерного озера», если, конечно, вам захочется его изобразить. Подберите кристаллы пирита, горного хрусталя. Расортируйте образцы по цвету и размеру. Приготовьте осыпку. Для этого нужно растолочь на мелкие зерна малахит, родонит, галенит. Промыть все это, просушить и разложить в отдельные пакеты.

С вечера замочите сто граммов столярного клея в пятистах граммах воды. Утром поставьте клей греть так, чтобы он не пригорел. В горячую клейевую массу добавьте речной песок, жареную муку, столярный лак, аналиновый темный

краситель. Всю массу тщательно перемешайте, чтобы не было комков. Так готовится мастика. Можно ее также сделать из клея «БФ-2», добавив в него песок, чтобы получилась густая масса. Но легче работать с мастикой, изготовленной по первому рецепту.

Начинают собирать горку снизу, с основания. Тоненькой палочкой-лопаткой на основание каркаса нанесите слой мастики, толщиной четыре-пять миллиметров. Возьмите самый крупный образец и слегка вдавите его в мастику. Затем смазывайте мелкие образцы и приклеивайте их к большому. У вас останутся на каркасе и полочках места, не закрытые камнями. Не огорчайтесь. Покройте их клеем и засыпьте осыпкой из родонита или малахита, какая вам больше нравится. Образцы нужно устанавливать так, чтобы был виден рисунок камня, его блеск, цвет, строение, чтобы камень радовал глаз. На каждый минерал наклеивают очень маленький номерок и на отдельном листе бумаги пишут название камня и место, где он найден. Теперь горка готова, осталось только тщательно ее просушить.

Горки можно сделать по темам: «Поделочные камни Урала», «Руды черных и цветных металлов», «Кварц и его разновидности», «Зимняя сказка», «Бриллиантовый грот»...

Л. КОВРИЖНЫХ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 16214 Подписано к печати 19/IV 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,62 бум. л. — 8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,5 Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 149.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и
вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

М. РОГОЖНЕВ

КОЛХОЗНЫЕ РЫБАКИ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ